

уральский

следопыт

№4 *** 1976

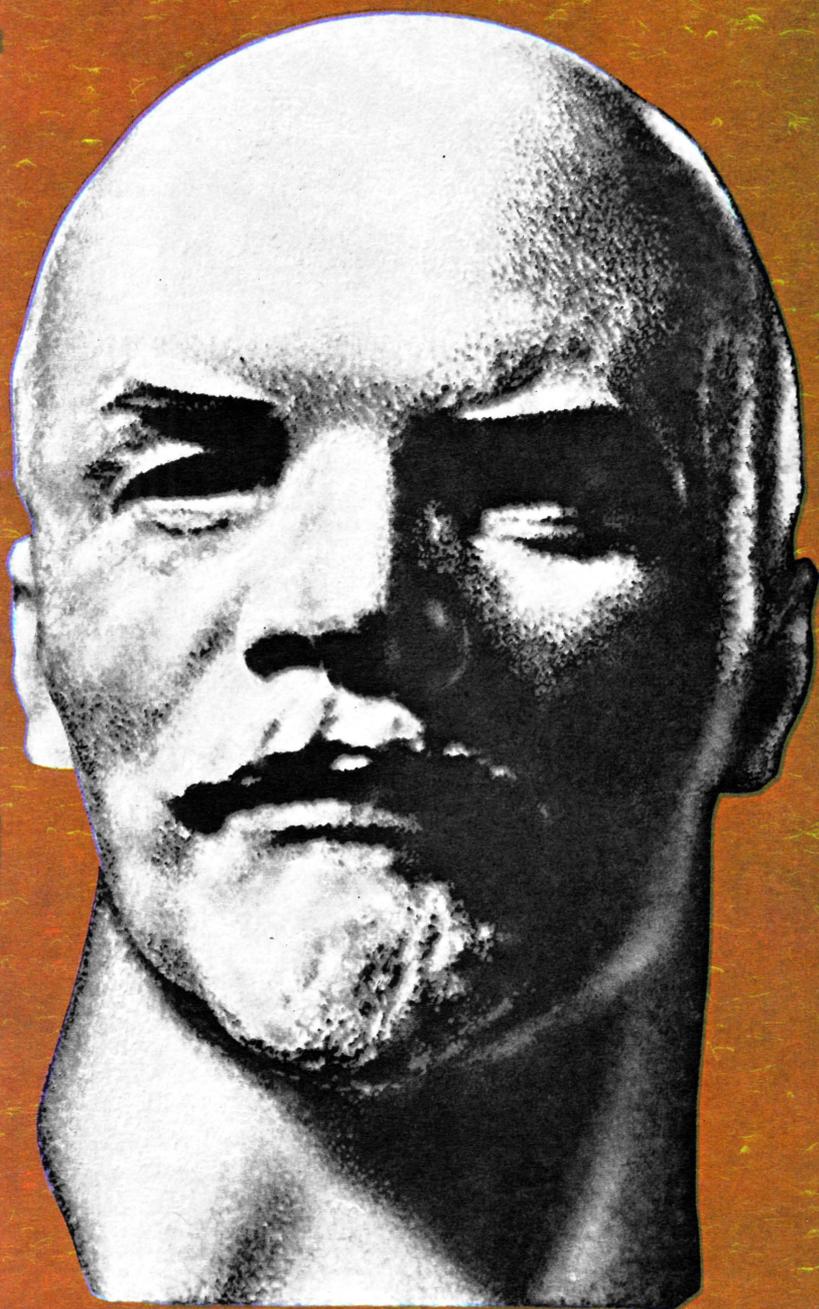
LENINE

लेनिन

لنین

لينين

LENIN

ЛЕНИН—
ВОЖДЬ

в номере:

В. Турунтаев КАК ЛОВЯТ МИКРОНЫ!	2
М. Попова ДЛЯ ТЕХ, КТО ЛЮБИТ МАТЕМАТИКУ	10
А. Бабушкин СОКРОВИЩЕ КИЕМБАЯ	11
С. Семенова ДАРИЮ ЕКАТЕРИНБУРГУ	12
СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ	19
И. Брайнин ДОЧЬ ТРУДОВОГО НАРОДА	20
А. Антипов, Н. Захаров «ХОЧУ», «МОГУ», «НУЖНО»...	21
С. Гагарин ЕВПАТИЙ КОЛОВРАТ	26
Л. Румянцев ОГНИ НА ЯШМЕ...	41
В. Мартынов ГОРЬКАЯ МОДА НА ЯД	44
Д. Биленкин ГЕНИАЛЬНЫЙ ДОМ. Фантастический рассказ	48
МОЙ ДРУГ — ФАНТАСТИКА. КАЛЕЙДОСКОП	60
П. Дедов И СТЕПЬ, И ЛЕС...	62
Н. Кузнечихин ЭХО ИСТОРИИ	67
Ю. Чернов МОЯ КОЛЛЕКЦИЯ СОЛНЦ	71
В. Харитонов ЛЫЖНЯ ПЕРВЫХ	74
МИР НА ЛАДОНИ	78

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Редакционная коллегия:
Станислав МЕШАВКИН
(главный редактор),
Муса ГАЛИ,
Алексей ДОМНИН,
Спартак КИПРИН,
Борис КОЛЕСНИКОВ,
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Давид ЛИВШИЦ
(заместитель главного
редактора),
Геннадий МАШКИН,
Николай НИКОНОВ,
Анатолий ПОЛЯКОВ,
Лев РУМЯНЦЕВ,
Константин СКВОРЦОВ,
Игорь ТАРАБУКИН
(ответственный секретарь),
Владимир ТРУСОВ.

Художественный редактор
Мargarита ГОРШКОВА

Технический редактор
Людмила БУДРИНА

Корректор
Майя БУРАНГУЛОВА.

Адрес редакции:

Индекс 620219

Свердловск, ГСП-353,

ул. 8 Марта, 8

Телефоны 51-09-71, 51-22-40

Рукописи не возвращаются
Сдано в набор 29/XII 1975 г.
НС 13928.
Подписано к печати 10/II 1976 г.
Бумага 84×108¹/₁₆.
Бумажных листов 2,62
Печатных листов 3,8
Учетно-издательских листов 10,7
Тираж 275 000.
Заказ 746
Цена 30 коп.
Типография издательства
«Уральский рабочий»,
Свердловск, пр. Ленина, 49.

На 1-й стр. обложки — рис.
З. БАЖЕНОВОЙ.

© «Уральский следопыт», 1976 г.

№4 * 1976

УРАЛЬСКИЙ

СЛЕДОПЫТ

КАК ЛОВЯТ МИКРОНЫ?

**Владимир
ТУРУНТАЕВ**

Ни один автомобиль, ни один трактор — и вообще ни один более или менее сложный механизм, в том числе и заводная детская игрушка — не могут обойтись без зубчатых колес — шестерен. С их помощью производится переключение скоростей, с их помощью усилие двигателя передается на ведущие колеса.

Шестерни изготавливаются специальным инструментом — долбьяками, зуборезными головками, протяжками. Наверное, мало кто знает, что Свердловский инструментальный завод — пока что единственный в стране поставщик высокоточных зуборезных головок для автомобильной промышленности.

Как раз в те дни, когда на заводе развернулось социалистическое соревнование за достойную встречу XXV съезда партии, там был вывешен такой призыв:

**«Автомобилестроители обязались
к открытию XXV съезда партии
выпустить
первый грузовик новой марки.
Наш долг —
досрочно выполнить заказы
для укомплектования
и испытания станков,
поставляемых КАМАЗу!»**

И так расписано по каждому цеху в отдельности — в каком объеме и к какому сроку должен быть выполнен заказ КАМАЗа.

Путь детали на заводе сложен. Сперва стальная болванка обрабатывается в горячих цехах — кузнечном и прессовом. Затем она попадает на «сырой» участок механического цеха — к токарю, фрезеровщику, сверловщику, строгалю. Оттуда обработанная начерно деталь идет на закалку в термические печи. Потом она обрабатывается на шлифовальных станках корундовыми или эльборовыми кругами, которые по твердости не уступают алмазу. Шлифовщики производят окончательную, чистовую отделку инструмента, придают ему ту совершенную форму, при которой инструмент только и сможет выполнить свое назначение.

Шлифовка — поистине ювелирная работа. И по точности, и по стоимости изделий: некоторые зуборезные головки стоят не меньше, чем, скажем, автомобиль «Жигули». Попробуй-ка тут допустить брак.

Постижение

Заказ КамАЗа: цеху № 3—534
метчика, 97 про-
тяжек...

Предмет особенной гордости Юры Колоколова:

— На этом станке, кроме нашей фамилии, никто пока еще не работал. Сперва отец и старший брат Николай. Теперь мы с Николаем. Сменяем друг друга.

Станок уже не новый, повидал виды, но стоит другого нового. Не так давно в цехе установили несколько импортных шлифовальных станков, так Юра не в особом от них восторге:

— Хаять не буду. Испробовал я один. Добрый станок, шпиндель у него на воздушной подушке, поэтому точность высокую дает. Но наш «старичок», после того как на него поставили делительную головку современной модели, несколько не хуже работает. В чем-то он даже лучше нового, удобнее в работе.

Юра Колоколов шлифует пазы протяжек. В том числе и тех протяжек, которые предназначены для КамАЗа. Профиль зубьев у таких протяжек очень сложный. Он имеет вид эвольвенты, кривой линии, которая образуется при развертывании, выпрямлении часовой пружины. Эвольвентный профиль обеспечивает зубьям шестерен очень хорошее зацепление.

Конструкторы придумали хитроумные станки, на которых движение деталей или инструмента совершается не по окружности, как на токарном или фрезерном, и не по прямой, как на строгальном, а вот по этой самой эвольвенте. На станке же у Колоколовых профиль эвольвенты с помощью алмаза придаетается корундовому кругу, им и вышлифовываются пазы протяжек.

Это только сказать легко: «придается», «вышлифовывается». А чтобы уметь это делать, нужно долго учиться мастерству.

— Я учился, правда, всего полтора года, до призыва в армию, — сказал мне Юра Колоколов. — Но примите во внимание, что моими учителями были отец и старший брат. Уж они-то старались на совесть.

...Глава династии Колоколовых, Григорий Григорьевич, проработал на заводе тридцать шесть лет. Начинать в Москве, а в сорок первом, вместе со станком, был эвакуирован в Свердловск. Стояли трескучие морозы («галюши примерзали к ботинкам»), когда инструментальщики затащивали заводское оборудование в подвальные помещения Уральского индустриального института. Там и работали всю войну.

В то время у Григория Григорьевича было

много учеников, иногда по двадцать пять человек враз. Обучит он их мудреному шлифовальному делу, глядишь, а их уже всех на фронт призвали. Новых надо учить.

Своих сыновей учил уже после войны.

Юра пришел на завод после восьмилетки. Хотел сразу к шлифовальному станку, но на шлифовку учениками принимают только с восемнадцати лет — слишком ответственна работа. А Юре тогда не было и семнадцати. Отец просил мастера сделать для его сына исключение — не помогло.

Пришлось сперва выучиться на токаря. Неплохая профессия, и работа у Юры спорилась: оглянуться не успел — уже третий разряд присвоили. Но когда взрослые дома только про шлифовку и толкуют, когда изо дня в день видишь отца и старшего брата на их рабочем месте и даже переодеваешься не у своего станка, а у отцовского, — тут и в мыслях нет того, чтоб на всю жизнь остаться токарем. Только шлифовщиком.

А отец нет-нет да и обронит:

— Вот Юру выучу и на пенсию пойду.

К тому времени, когда сыну исполнилось восемнадцать, Григорий Григорьевич и правда оформлял уже пенсионные документы. Юра оказался последним его учеником.

Впрочем, осваивать отцовский станок он начал еще в то время, когда работал токарем. Так, помаленьку. Сперва просто поглядывал со стороны — интересно же.

А однажды отец сказал:

— Ну-ка, попробуй руками поддержи.

Юра встал на отцовское место и вдруг оробел. Как будто подвели к нему необъезженного скакуна: на токарном-то станке лишней миллиметр снимешь — исправимо, а тут счет на сотые доли.

— Да не бойся, — сказал отец. — Правой-то рукой держи ручку стола, а левой нониус подавай. Потихоньку, потихоньку...

Взялся. Пошло. И, как это всегда бывает, аппетит пришел во время еды, — уже вскоре подача показала слишком маленькой:

— Побольше нельзя сделать?

— Наждак осыпаться будет, — объяснил отец. — И чернота на металле останется. Первую стружку всегда надо потихоньку снимать.

Протяжки длинные, чуть не в метр. Стол далеко уходит.

— Ты поправляй, поправляй ручкой-то, — показывал отец. — Смотри, сколько у тебя на пустье прогоны уходит!

Когда Юре исполнилось восемнадцать и он перешел — уже официально — учеником к отцу, он в первый же день явился на смену, готовый хоть сейчас приступить к работе, — ну, конечно, под присмотром отца. А отец сказал:

— Стань вот тут, сбоку, и стой.

Простоял Юра до обеда — ничего не делал. Отец работал. После обеда Юра спросил:

— Что мне теперь делать?

— Стой и смотри, — сказал отец.

Целую неделю он не пускал сына к управлению станком. Правда, за эту неделю Юра научился балансировать круг. Зерна в круге расположены неравномерно, и если круг не сбалансировать, то при большой скорости вращения может получиться биение.

От нечего делать Юра брал в руки микрометр и что-нибудь мерил им. Отец поощрял его к этому занятию:

— Правильно, привыкай. Чертеж вон еще посмотри.

— Да я смотрел, — говорил Юра недовольным, капризным тоном.

— Ничего, еще посмотри, — спокойно возражал отец.

И вот наступил день, когда Юре была доверена черновая обработка. Вместе с отцом поставили на станок деталь. Это была сложная протяжка, со множеством промеров — такая шла партия, выбирать не приходилось. Часа три Юра провозился с обдиркой. Отец стоял рядом, не торопил, терпеливо подсказывал, если что было не так. А самые последние сотки снимал сам.

Вскоре Юра почувствовал прелесть точной работы. Он стал просить отца, чтобы позволил ему обработать деталь до конца. Но отец не разрешал:

— Погоди маленько.

Это «маленько» продолжалось около месяца. Наконец, отец сказал:

— Давай, веди чистовую.

И тут начались главные трудности.

Нет, сделать-то протяжку он сделал. Всю, от начала до конца. Правда, очень уж осторожничал, какую-то несчастную десятку целый час мозолил, раз десять, не меньше, прошелся кругом. Иной раз до того перестраховывался, что круг шел вхолостую, совсем не касаясь поверхности металла. А впереди еще были сотки. А окончательный допуск — пять микрон. Всего пять тысячных долей миллиметра.

В самые напряженные минуты отец словно воды в рот набирал. Смотрел и помалкивал. Делай, сын, как знаешь.

— Ну-ка, замерь.

Юра сделал все тридцать два замера микрометром. Долго возился. Глазам своим не верил: все нормально, в пределах допуска! Значит, можно снимать деталь со станка и нести в ОТК.

— Можно? — спросил у отца.

— Смотри сам, — ответил тот. — На всякий случай перемерь еще раз. Не торопись только, потихоньку меряй.

Контролер ОТК Анна Николаевна Головина

велела положить протяжку на стол и по роликам микрометром раз-раз, раз-раз...

— Плюсует.

Как приговор вынесла.

— Плюсует? — упавшим голосом переспросил Юра. — Нормально же все было!

Уж больно быстро она меряет, напутала чего-нибудь.

— Ну, давай еще раз посмотрим, — сказала Анна Николаевна.

— Верно, плюсует... Как же так?

— Ничего, первая ведь, — ободряюще улыбнулась Анна Николаевна.

Нес Юра протяжку назад и думал: как ее теперь обратно на станок водрузить? У шлифовщиков на этот счет твердое правило: обрабатывать деталь «с одного установа». Снял ее со станка — значит, все. Вторично устанавливать уже отшлифованную деталь — почти безнадежное дело. Почти — потому что опытный, высококвалифицированный шлифовщик, конечно, сможет ее установить и довести обработку до конца. Но, во-первых, опытный шлифовщик никогда не снимет деталь со станка раньше времени, а, во-вторых, даже опытному шлифовщику легче и быстрее отшлифовать новую протяжку, чем вторично устанавливать недоделанную.

— Папа, плюсует!

Григорий Григорьевич спокойно кивнул:

— Ты микрометр пережимаешь.

Значит, видел. Видел и ничего не сказал.

— Будем исправлять. Клади-ка протяжку в желоб.

Юра сделал, что он сказал.

— Настрой теперь круг — у тебя глаза-то лучше моих.

Юра осторожно подвел корундовый круг к протяжке, пальцем пощупал — да не один раз, — чтоб круг точно вошел в паз. Маленько провернул протяжку, чтоб плотнее сидела в желобе. Зажал ее хомутиками.

А дальше уже отец сам подстраивал. Долго возился — мерил, снова подстраивал, снова мерил... Юра внимательно следил за стрелкой микрометра.

— Нормально, пап!

— Да нет, не нормально.

Как же нет: ведь отец сам мерил — ошибки быть не могло! Микрометр показывал именно тот размер, который нужен.

Григорий Ильич протянул руку:

— А ну, дай-ка щеточку.

Юра подал ему щеточку. Григорий Григорьевич помахал ею над протяжкой. И снова взялся за микрометр.

— Погляди теперь!

Юра поглядел. Стрелка отошла на несколько делений.

— Села...

— Верно, села,— усмехнулся отец.— Хоть мала пылинка, но и у нее диаметр есть — два, а то и три микрона,— и продолжил свое занятие.

— Пап,— спросил Юра.— Ты ведь видел, что я пережимал микрометр — почему не сказал? Сам теперь мучаешься.

Тот опять усмехнулся:

— Думаешь, напрасны мои муки? — и сам ответил на свой вопрос: — Не-ет! И ты не напрасно сбежал в ОТК — так-то скорее научишься.

Еще не раз и не два пришлось после этого Юре принести из ОТК непринятые детали и дodelывать их после вторичной установки. И каждый раз отец вот так мучился с установкой и терпеливо учил сына.

Через три месяца Григорий Григорьевич ушел на пенсию. И хотя он продолжал наведываться в цех, приглядывал за сыном, большую часть времени Юра теперь работал самостоятельно. Самостоятельно сдавал смену старшему брату. Частенько оставался он и после смены — посмотреть, как работает Николай. И чувствовал с горечью: далеко ему еще до старшего брата.

Все эти полтора года — до армии — работа шла у него тяжело. Едва-едва вытягивал норму. Слишком часто бегал в ОТК и обратно. Слишком много времени уходило на доделки. Как ни старался — быстрее не получалось — рука не чувствовала микрометра, и в этом была главная причина неудач. То есть не так, чтоб совсем не чувствовала, но рука шлифовщика должна ловить каждое деление микрометра — вот этого Юра и не мог сказать о своей руке: **каждого** деления она не чувствовала: нет-нет да и пережмет какие-нибудь два-три микрона. Поэтому всякий раз, когда он снимал со станка готовую, как он считал, деталь, в глубине души не было уверенности, что ему не придется нести эту деталь назад, к станку. А неуверенность, в свою очередь, порождала ошибки, и получался этакий заколдованный круг.

Но ни разу в голову не приходила мысль о том, чтоб уйти со шлифовки на какую-нибудь другую работу. Скажем, обратно на токарный станок. Нет, таких мыслей не было. В профессии Юра не разуверился. Все время было такое чувство, что вот-вот произойдет чудо: работа пойдет легко и даже весело.

А может, ему надо было еще немного повзрослеть? Иначе как объяснить такое: после службы в армии, после двухлетнего перерыва, он сразу, как-то незаметно для себя, словно бы даже и без особых усилий втянулся в производственный ритм и стал сдавать в ОТК детали с первого предъявления?

Однажды отец — он продолжал иногда заглядывать в цех — сказал Юре:

— Мастера-то хвалят тебя.

И Николай, прежде нередко бранивший младшего братишку, теперь, принимая у него

станок, разговаривал с ним уважительно, как равный с равным.

Но жизнь — штука очень сложная. Чем уверенней чувствовал себя Юра Колоколов за станком, чем глубже проникал в тайны мастерства, тем острее сознавал, как мало он умеет в сравнении с иным «старичком».

У каждого «старичка» был свой почерк. Вот, скажем, отец. Его отличала какая-то особенная аккуратность в работе. Он никогда не торопился, несколько раз померяет, прежде чем снять последнюю стружечку, но уж качество выдавал — будь здоров, по самому высшему классу. И гордился этим. Он старался не перегружать станок и не признавал никаких «силовых приемов», работал по принципу «тише едешь — дальше будешь».

Николай был почти полной противоположностью отцу. Казалось, он вообще не прибежал к помощи микрометра — не делал замеров даже перед тем как снять последние сотки, а сразу по нониусу ставил нужную подачу, хорошенько проалмазит круг — и пошел. И всегда брал от станка столько, сколько можно было взять, не боялся, что круг будет осыпаться. Красиво, эффективно работал.

Но Юра понимал — именно теперь пришло к нему это понимание, когда сам уже многое умел: работа старшего брата — что-то вроде высшего пилотажа, где за внешней лихостью кроется совершенное знание станка, многолетний опыт и огромное нервное напряжение.

Прошло еще немало времени, прежде чем Юра постиг искусство вести чистовую обработку на глазок, не прибегая лишней раз к помощи микрометра, а лишь по звуку да по летящим изпод круга искрам улавливая момент, когда следует тихонечко-тихонечко тронуть рукоятку нониуса. А затем снова слушать, как выводит свою песенку круг — тембр и высота звука меняются неуловимо, но Юра уже знает, какому тембру и какой высоте соответствует то или иное деление микрометра.

Со стороны поглядеть — все очень просто: станок работает, а человеку возле него вроде бы и делать нечего. Снял готовую протяжку, поставил следующую — и опять стой себе, пока протяжка не совершит полный оборот вокруг своей оси.

...По соседству с Юрой — через станок от него — работал другой шлифовщик.

С некоторых пор к Юре Колоколову стал присматриваться сосед: подойдет, постоит немного и опять вернется на свое место. Иногда в чертеж заглянет. Ну, пусть его, раз интересно. Пусть смотрит. Возрастом сосед был постарше, стаж соответственно побольше, только протяжки он обрабатывал не эвольвентные, а с прямым зубом, более, значит, простые.

Поглядывал он все, поглядывал и однажды спросил:

— Велика расценка на эту твою протяжку?
— Полтора рубля,— ответил Юра.

Тот кивнул и, ничего больше не сказав, отошел к своему станку. А через несколько дней опять поинтересовался:

— А эта протяжка — она сколько стоит?
— Два рубля,— ответил Юра.
— Сколько же ты их за смену клепаешь?
— Штуки четыре.

Сосед прикинул:

— Выходит, восемь рублей?
— Выходит, так,— подтвердил Юра.

— А на тех, что я делаю, на шлицевых-то протяжках, больше пятерки за смену не вытянешь.

Юра пожал плечами:

— Не знаю, я не работал на твоём станке.

Неприятный получился разговор. Выходило так, что у Колоколовых работа более денежная. Более выгодная.

— Попроси мастера,— посоветовал Юра.— Пусть переведет тебя на эвольвентные протяжки.
— А что ты думаешь? И попрошу.

Как раз вскоре на участке освободился точно такой же станок, на каком работали Колоколовы. Стал и сосед Юры шлифовать эвольвентные протяжки. Работал он теперь в одну смену с Николаем Колоколовым.

И теперь уже Юра, сдав брату смену, иногда подходил к своему бывшему соседу.

— Ну как, получается?
Тот, как всегда, был скуп на слова:
— Да ничего.

Прошла неделя, другая. Однажды смотрит Юра, а сосед его стоит за своим старым станком.

Спросил у брата:

— Чего это он?

— Ушел,— ответил брат хмуро.— Думал, сразу большие деньги пойдут. Ну, а вчера же получка была...

Как-то я рассказал одному пожилому опытному рабочему о молодом, из соседнего цеха: четырьмя смежными профессиями владеет, может и на токарном станке работать, и на фрезерном, и на строгальном, и на плоско-шлифовальном. Мой пожилой собеседник покивал: мол, очень это хорошо, всегда может пригодиться. А затем, как бы между прочим, спросил:

— Он, этот парень, на всех станках одинаково хорошо зарабатывает?

Вопрос не такой уж меркантильный, как кажется на первый взгляд. Дело тут вот в чем. Для рабочего очень высокой квалификации,— а таким и был мой пожилой собеседник,— сказать, что ты владеешь несколькими смежными профессиями, значит еще ничего не сказать.

Важно, как ты зарабатываешь на тех станках, которыми владеешь, и величина заработка является не столько показателем твоего материального благополучия, сколько определяет уровень твоего мастерства.

Людей, которые одинаково совершенно владеют несколькими профессиями, очень немного. Ведь и одной-то профессией овладеть в совершенстве, как мы видели, не очень просто, а поди-ка ты стань асом сразу и там, и тут... Да и нужно ли это — быть асом в нескольких профессиях одновременно? Юра Колоколов, как я уже сказал, гордится именно тем, что и он, и его старший брат многие годы работают на одном станке, как бы срослись с ним, знают все его слабости и преимущества. Ни тот, ни другой не считают для себя зазорным признаться в том, что на других шлифовальных станках, на других операциях они вряд ли смогут показать тот класс в работе, какой показывают на своем стареньком «черчилле».

Так нужны ли асы-универсалы? Бесспорно. Современное производство настолько многообразно, что в нем одинаково достойное место занимают и те, кто владеет хорошо только единственной профессией, и те, которые «все могут».

Высший пилотаж крупным планом

Заказ КАМАЗа: цеху № 4 — 24 зуборезных головки, 756 запасных блоков...

В четвертом цехе «каленое» производство — отделение шлифовки зуборезных головок — находится в особом, термостойком помещении: здесь круглые сутки поддерживается постоянная температура.

Зачем же понадобились такие предосторожности?

А вот зачем: точность обработки деталей на этом отделении так высока, что малейшие отклонения температуры или влажности окружающего воздуха уже сказываются на показаниях измерительных приборов. И хотя детали и не так уж малы — иные имеют вес в несколько десятков килограммов, — у некоторых шлифовщиков на столах стоят... микроскопы. Причем, даже и микроскопы не всегда дают при измерениях нужную точность. В тумбочках у шлифовщиков, работающих здесь, хранится множество хитроумнейших мерительных инструментов и приборов — целая лаборатория.

Я попросил Геннадия Александровича Война-

товского показать мне содержимое его тумбочки. Вот что в ней оказалось:

микрокаторы,
индикаторы,
плитки Иогансона,
угломеры,
микромер для выверки внутренних диаметров,
оптический угломер,
скоба-микрометр,
синусная линейка,
глубиномеры,
стеклянные плитки для замера плоскостности.

Из всего этого набора самым простым и бесхитростным инструментом мне показалась стеклянная плитка — всего-навсего круглое плоское стеклышко. Но это стеклышко дает умопомрачительно высокую точность измерения.

Геннадий Александрович взял уже готовый резец и притер к его блестящей, будто никелированной грани стеклянную плитку. Плитка пристала к резцу как намагниченная.

— Теперь гляньте-ка в стекло.

Я глянул. По металлической поверхности резца бегали радужные блики.

— Значит, на резце есть забоины, — сказал Геннадий Александрович.

Он отнял от резца стекло и потер резец на лекальной доводочной плите. После этого снова наложил стекло на резец.

— Вот видите: блик теперь спокоен, чуть колыхнется. Значит, поверхность грани относительно ровная. Почему относительно? А потому, что блик все же не однороден по цвету: каждый переход от одного цвета к другому означает перепад высоты поверхности в три десятых микрона.

— Три десятых микрона?! Три десятитысячных миллиметра?

— Именно так. Есть и еще более точные плитки...

Потом он показывал мне «кубик» — приспособление для шлифовки заплечиков у высокоточных резцов. Допуск такой: плоскости заплечиков должны лежать по отношению к базовой плоскости резца с отклонением не более одной целой и шести десятых микрона. Одна и семь десятых уже не годится.

Геннадий Александрович говорит об этом так, словно речь идет о самых будничных вещах: ну, и что — десятка?.. делаем... Верно, делают. Стоят у станков рабочие — и «старички», и совсем молодые — шлифуют высокоточные резцы к зуборезным головкам, «сдувают» с них микроны и несут целыми комплектами в ОТК. До сотни штук в смену делают. Много это или мало?

Геннадий Александрович провозился с первым комплектом около полумесяца. Это было всего пять лет назад. Правда, тогда не было

еще термokonстантного отделения. Не было стеклянных плиток. Не было «кубика». Был только заказ: изготовить две высокоточные зуборезные головки. Всего только две. Опытные образцы.

До войны мы даже обычные, не высокоточные головки покупали в Америке. Поставляла нам их старейшая — ей уже тогда было не меньше ста лет — фирма «Глиссон». С каждым годом потребность в этом инструменте росла. Поэтому сразу после войны на Свердловском инструментальном заводе был создан участок, который стал выпускать свои, отечественные зуборезные головки. Пока еще тоже обыкновенные, с большими допусками — в сотые, а то и десятые доли миллиметра.

А автомобильная промышленность развивалась все более ускоренными темпами. На девятую пятилетку выпуск легковых автомобилей планировалось увеличить сразу в четыре раза. Одновременно встал вопрос о качестве новых автомобилей: они должны производить на городских улицах как можно меньше шума. Бесшумно должен работать двигатель. Бесшумно должен работать задний мост.

Бесшумность работы заднего моста достигается хорошим прилеганием зубьев шестерен. А хорошее их прилегание зависит от чистоты их обработки. Чистота же обработки зубьев зависит от точности обрабатывающего инструмента. Вот почему на рубеже восьмой и девятой пятилеток на Свердловском инструментальном заводе началось освоение нового вида зуборезных головок, которые по качеству намного должны были превосходить выпускавшиеся до сих пор. Таких допусков на заводе еще не знали.

Вот тут и понадобились асы-универсалы, которые могут все. Их было немного: Войнатовский, Рожин, Кожин, Кривоногов. Но даже среди асов лишь один Войнатовский имел дело с высокоточным инструментом: однажды пришлось ему выполнять заказ научно-исследовательского института — сделал опытную партию резцов с эвольвентным профилем, где точность допуска приближалась к микрону. Да и чего только ему не приходилось в жизни: работал он и слесарем-ремонтником, и электриком-монтажником, и светотехником, и навалотбойщиком, и бурильщиком, и взрывником, и крановщиком, и сварщиком — пока, наконец, не прикипел сердцем к шлифовке. И здесь, на «каленом» производстве, он, по его собственным словам, на любом станке может сделать любую работу.

Но высокоточную зуборезную головку — пока не изготовили те два первых образца — даже он в глаза не видел. Был чертеж, была технология — вот и все.

Сейчас каждый шлифовщик выполняет какую-то одну операцию. Геннадию Александров-

вичу пришлось шлифовать резцы для первых головок почти полностью: и широкие плоскости, и узкие, и заплечики, и скосы, и площадки. Приспособление для шлифовки заплечиков, которое предложили технологи, сразу «не пошло» — пришлось его переделывать, убирать лишние соединения, делать плоскости жесткими — в результате получился тот самый «кубик», которым Геннадий Александрович пользуется до сих пор.

...Когда мастер сказал Виктору Кожинovu, что, возможно, в скором времени придется переходить на выпуск высокоточного инструмента, а поскольку Кожинov был шлифовщиком экстра-класса и выполнял экспортные заказы, то ему и карты в руки, Виктор не стал возражать:

— Ладно, коли надо — будем переходить.

Но вот он увидел только что полученные из проектного института чертежи, долго, с озадаченным видом разглядывал их, а затем решительно высказался:

— На нашем оборудовании ничего не выйдет. Станки другие надо.

— Станок тебе дадим, — заверил его мастер. — Импортный.

— Тогда — другое дело.

Правда, новый английский станок, который ему дали, не был приспособлен для шлифовки корпусов зуборезных головок — а именно такую работу предстояло выполнять Виктору Кожинovu. Что ж, не беда: подняли выше колонку, сделали новые плиты — нулевую и под углом в три с половиной градуса, сделали нониус поперечной подачи. Сделали приспособление для проверки шага. Вот так.

Корпус зуборезной головки представляет собой такой плоский стальной диск — «блин», как здесь говорят, — по окружности которого вырезаны пазы. В этих пазах затем будут крепиться резцы, а пока Виктор Кожинov должен был отшлифовать внутреннюю поверхность каждого паза так, чтобы общая (накопленная) погрешность всех шестнадцати пазов не превышала одной сотой миллиметра. Сколько же это приходится на каждый паз в отдельности? Треть микрона?

Сначала у Кожинова никак не вышлифовывался шаг паза. Когда он делал корпуса к обычным головкам, с допуском в пять соток, то следил за подачей по искре. Здесь же никакой искры не видно — кажется, будто круг вовсе не касается детали, крутится так себе, вхолостую. Как хочешь, так и выходи из положения.

Кожинov все-таки приспособился: карандашом почеркает на металле и смотрит, как исчезают линии — словно струей воздуха сдувает графит.

Первый раз замерил — накопленная погрешность оказалась на целую сотку больше допуска. Пришлось переделывать все заново. Снова

замерил. Подсчитал накопленную погрешность. Отнес свои записи в техбюро (деталь пока оставил на станке) и стал ждать результатов.

На словах все просто: подсчитал накопленную погрешность. А у Кожинова на одни только подсчеты смена ушла. Потом еще смену ждал, пока работники техбюро считали, пока оттуда, наконец, не сообщили: все в порядке, накопленная погрешность укладывается в пределы допуска.

Но это лишь половина дела и, как выяснилось позднее, меньшая половина. Пока что Виктор отшлифовал только одну сторону каждого паза. Теперь надо было шлифовать другую, доводя ширину каждого паза до нужного размера с точностью плюс два микрона. Это значит, что отклонение допускается только в сторону увеличения ширины паза — не больше чем на два микрона.

Виктор Кожинov приступил на этот раз к работе с большей уверенностью. Он уже знал, что станок способен давать нужную точность, а это было самое главное, потому что в своем собственном умении Виктор не сомневался.

Сделав первый паз, Виктор тут же решил померить его. Для этого он взял две плитки Иогансона — небольшие металлические брусочки, один шириной точно в размер паза, а другой на два микрона «потолще». Вложил в паз первую плитку — она вошла свободно. Вложил вторую — не вошла совсем. Значит, все правильно.

Затем он сделал второй паз и тоже померил его плитками Иогансона. И снова попал в точку. Потом сделал третий, четвертый, пятый — все пазы, не допустив ни единой ошибки! Вот что такое высший пилотаж в мастерстве шлифовщика!

Но работа еще не кончена. Прежде чем снять деталь со станка Виктор решил еще раз пройтись плитками Иогансона по кругу — сделать контрольные замеры.

И вот тут начались неожиданности, которых не смог предвидеть даже такой опытный шлифовщик как Кожинov.

Он осторожно взял пальцами «тонкую» плитку, вложил в один паз, в другой, в третий... Ему показалось, что в третий паз плитка вошла туго. В четвертый — совсем туго. А в пятый не вошла вовсе.

Что такое?

Аккуратно протер тряпочкой плитку и внутренние поверхности пазов — может, пыль попала. Снова стал мерить — сразу с четвертого паза. Ну так и есть — пыль: теперь плитка свободно вошла в него. И в пятый. И в шестой... В шестой паз она вошла туго — или опять показалось? Нет, не показалось: в седьмой плитка вошла очень туго, а в восьмой совсем не вошла...

«Что за наваждение?» — подумал Виктор.

Постоял, покурил. Успокоился. Машинально взял плитку и вложил в седьмой, затем в восьмой, девятый пазы. В десятый она вошла туго, в одиннадцатый не вошла. Виктор повертел ее в пальцах, затем попытался снова вложить в одиннадцатый паз — не вошла. В двенадцатый — не вошла. В девятый? Нет! А ну-ка — в первый! Теперь в первый не входит!

Уже начиная понимать, в чем дело, Виктор положил плитку на стол. Подождал минут пять и стал быстро вкладывать в пазы. В три паза вошла свободно, в четвертый туговато, а в пятый не пошла. Все ясно: плитка же нагревается в руке! При нагревании металл расширяется, а много ли надо, чтоб плитка «потолстела» на два-три микрона!

Пришлось применить к обстоятельствам: теперь после трех-четырех измерений Виктор делал перерыв, давая плитке остыть. Жаль бы времени, но что поделаешь!

Теперь осталось проверить пазы «толстой» плиткой. А с ней что случилось? Она свободно вошла в паз! Ведь не входила!..

Долго рассказывать, как Виктор доискивался причин этого нового казуса. Все дело было во входной двери. Станок Виктора Кожинова был недалеко от уличной двери. А на дворе стоял декабрь, и когда кто-нибудь входил в цех или выходил, холодный воздух проникал в помещение. Много ли надо, чтоб металлическая плитка «похудела» на два микрона!

А тут подошел кто-то из рабочих и о чем-то спросил Кожинова, слегка дотронувшись до стойки микрометра. Виктор увидел, как стрелка медленно поползла от нуля. Микроны убежали на глазах...

Нервы Виктора не выдержали.

— Нет, это не работа! — сказал он мастеру. — Я не могу так.

Мастеру пришлось искать другого аса — в помощь Кожинову. Им оказался Аркадий Евгеньевич Петунин. Вдвоем и довели работу до конца.

А потом готовые корпуса, резцы, болты и еще кое-какие мелкие крепежные детали поступили в сборочное отделение, и слесаря-сборщики приступили к монтажу первых высокоточных зуборезных головок. Это тоже были асы своего дела, но и они не могли предвидеть всего. Целый рассказ можно было бы написать о том, как собрали первую головку, как выверили размеры и все как будто было в порядке, утром пришли — размеры уже не те. Разобрали головку и заново стали собирать. К вечеру работа была закончена, утром приходят: все болты сорваны...

Сборка зуборезных головок, изготовленных с такими малыми допусками, таила в себе неведомые ранее трудности. На американской фирме «Глиссон» этим делом — сборкой — занима-

ется один человек, который держит все свои секреты при себе. И все же свердловские головки в конце концов были собраны. Секрет технологии их сборки раскрыл начальник мерительной лаборатории инструментального завода Евгений Иванович Овчинников, в прошлом юстировщик. О том, как это ему удалось, а также о профессии юстировщика — профессии, имеющей дело с допусками совсем уже невероятными, до сотых долей микрона, — я расскажу в другом очерке.

Итак, опытные образцы высокоточных зуборезных головок были собраны, отправлены в Москву, на автозавод имени Ленинского комсомола, и там стали нарезать ими шестерни. Результаты испытаний превзошли все ожидания: свердловские высокоточные головки оказались гораздо более стойкими, более долговечными, чем американские. И это впоследствии привело к забавному недоразумению между изготовителем и будущими заказчиками.

Когда было налажено серийное производство нового инструмента, первую партию резцов для высокоточных головок отправили на Ижевский завод автомобилей. Отзывы оттуда поступали хорошие, но в следующий раз ижевцы заказали в полтора раза меньше резцов. В чем дело? Оказывается — в качестве. Новые резцы изнашиваются в полтора раза меньше, значит, меньше их и гребуется. Очень просто.

Сейчас все кажется очень простым. То, над чем так мучились «старички» каких-нибудь пять-шесть лет назад, стало самым обычным делом. Всего три года работают на заводе Виктор Бударный и Катя Скорикова. Так вот: через Виктора проходят все высокоточные резцы, он шлифует их передние грани, а Катя — универсал, она может и узкие плоскости у высокоточных резцов шлифовать, и заплечики, и экспортную продукцию делает...

...И тогда особенно остро чувствуешь стремительность и масштабы перемен, которые вроде бы исподволь, незаметно происходят всюду вокруг нас. И думаешь: а каков он будет, тот неприступный порог, перед которым мои герои останутся в следующий раз? Останутся, чтобы собраться с силами, все хорошенько взвесить — и одолеть неодолимое.

Для тех, кто любит математику

Однажды в трамвае я услышала разговор двух десятиклассниц. Одна, как я поняла, собиралась поступать в политехнический институт, а другая сказала:

— Наверное пойду работать в вычислительный центр, он у нас возле самого дома. Говорят, можно устроиться программистом. У меня по математике — круглые пятерки...

Ее собеседница широко раскрыла глаза:

— Ты что, Ленка, — программистом! Кто тебя туда сразу после школы возьмет! Мой брат в вычислительном центре работает, так он физмат кончил, и его еще на курсы направили — доучиваться!..

— А мне говорили, что можно и после десятилетки...

Тут я вмешалась в спор и объяснила девушкам, что, в общем-то, обе они правы: в современных вычислительных центрах, оснащенных сложнейшим электронным оборудованием, работают и люди, у которых за плечами по два вуза, и вчерашние школьники.

Так, скажем, проектировщикам автоматизированных систем управления предприятиями, которые занимаются разработкой алгоритмов, то есть математических методов решения экономических и инженерных задач на электронно-вычислительных машинах, мало кончить какой-нибудь один вуз. Они должны быть большими эрудитами и в области экономики промышленных предприятий, и в области вычислительной техники. Поэтому проектировщикам нередко

приходится доучиваться прямо на месте, в вычислительном центре.

Что же такое профессия программиста? Программисты переводят математический язык поставленных проектировщиками задач на язык электронно-вычислительной машины. Здесь требуются специалисты с разным уровнем подготовки: сложность выполняемой работы зависит от характера задачи. Одно дело решать задачу из пяти-шести, а совсем другое — из тридцати блоков. Кроме того, программист с высшим образованием может написать решение всей задачи, а техник — лишь одну-две программы по этой задаче.

Может ли работать программистом выпускник средней школы? Как правило, нет, но в некоторых школах в последнее время проводится обучение старшеклассников программированию, их знакомят с вычислительной техникой, они даже «пишут» программы на языке электронно-вычислительной машины. Выпускники таких школ, безусловно, смогут, кончив при вычислительном центре курсы, работать программистами. Кстати, сейчас программистов начинают готовить и профессионально-технические училища.

А вот профессия оператора электронно-вычислительной машины как будто специально создана для выпускников школ. Чтобы стать оператором ЭВМ, достаточно пройти трехмесячный ученический срок. Но это вовсе не значит, что работа оператора заключается лишь в том, чтобы нажимать кнопки. Нет, она очень сложна и ответственна, эта работа, не случайно сюда принимают лишь тех выпускников школ, у кого по математике не ниже четверки.

Сидя за пультом, оператор вводит в электронно-вычислительную машину исходную информацию, следит за работой устройств ввода-вывода, оперативной и внешней памяти, арифметического устройства и устройства управления машиной. Он ведет весь вычислительный процесс и выдает результаты счета. И при этом он должен знать, как выйти из любой аварийной ситуации — ведь во время работы такой сложной машины возможны и сбои, и различные неувязки.

Конечно, авария авариям рознь. Для устранения серьезных неисправностей при вычислительном центре имеется специальная группа технического обслуживания ЭВМ. Электроник — так называется профессия людей, составляющих такую группу. Главная обязанность электроников — не доводить дело до аварий, потому что каждый час простоя машины стоит очень дорого.

В группе технического обслуживания работают, в основном, инженеры, окончившие факультеты автоматизации и вычислительной техники. Но есть среди них и выпускники школ и профтехучилищ, которые обслуживают настольные клавишные вычислительные машины и так называемые фактурные автоматы, широко применяемые в вычислительных центрах наряду с ЭВМ.

Вычислительных центров с каждым годом становится все больше. Они растут буквально как грибы. Промышленные предприятия уже не могут управляться по-старому, слишком вырос объем продукции, усложнились технологические процессы. Так на машиностроительном заводе только за день обрабатывается до миллиона десятичных знаков информации — как же тут обойтись без электронно-вычислительных машин! И хотя первые ЭВМ появились на свет немногим более трех десятков лет назад, сейчас в Свердловской области уже семнадцать автоматизированных систем управления предприятиями, а к концу десятой пятилетки их будет уже около ста — почти в шесть раз больше! Это значит, что профессии, связанные с обслуживанием вычислительных центров, в недалеком будущем станут такими же массовыми, такими же привычными, как, например, профессия токаря или продавца. И десятиклассникам при выборе ими жизненного пути обязательно надо иметь это в виду.

М. ПОПОВА

СОКРОВИЩЕ КИЕМБАЯ

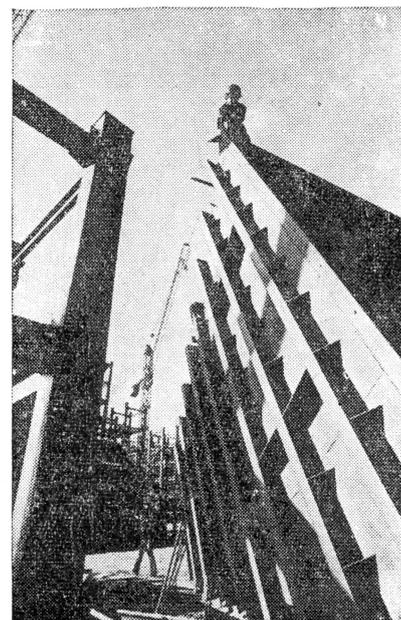
На снимках: идет монтаж укрупненных металлоконструкций для главного корпуса обогатительной фабрики; конус засыпного аппарата отделения дробления руды.

На площади в пятьдесят гектаров развернулось строительство асбестового горно-обогатительного комбината — Киембаевского. Это стройка стран — членов СЭВ. Новый промышленный комплекс возводится на Киембаевском месторождении асбеста в ста километрах от города Орска Оренбургской области. Проектная мощность комбината — 500 тысяч тонн асбеста в год. Первая очередь должна быть пущена в 1978 году (250 тысяч тонн).

Сооружение комбината началось в 1973 году. Теперь это Всесоюзная ударная комсомольская стройка.

Среди социалистических стран Советский Союз — единственный экспортер ценного минерального сырья — асбеста. Между тем асбест, который широко применяется во многих отраслях народного хозяйства, используется с каждым годом все в больших количествах (особенно в мелиорации, где используются асбоцементные трубы).

Запасов Киембаевского асбестового месторождения хватит будущему комбинату на десятки лет.

Алексей БАБУШКИН

ДАРЮ ЕКАТЕРИНБУРГУ...

**Светлана
СЕМЕНОВА**

*На вкладке
репродукции
произведений
А. К. Денисова-
Уральского*

В апреле 1924 года в Свердловск (тогда еще Екатеринбург) в адрес Уральского общества любителей естествознания пришла телеграмма из Финляндии:

«Дарю Екатеринбургу принадлежащую мне картинную галерею в 400 полотен, минералогические коллекции и изделия из уральских камней. Денисов-Уральский».

Денисова-Уральского в УОЛЕ, конечно, все знали. Коренной уралец, сын потомственного березовского камнереза, он стал известным художником, выдающимся мастером камнерезного искусства.

Знали и другое: к моменту революции Денисов владел самоцветными копиями близ Екатеринбурга, а в Петербурге имел мастерскую и магазин камнерезных изделий и минералогических коллекций. В последние годы он оказался за границей, в Финляндии. Кое у кого все это вызвало сомнения: стоит ли принимать дар от «капиталиста».

Однако при обсуждении на общем собрании большинство членов УОЛЕ одобрило патриотический поступок Денисова. Правление общества отправило ему делегацию с выражением благодарности за щедрый дар и ходатайствовало о разрешении художнику въезда в СССР.

Спустя некоторое время представитель УОЛЕ старый большевик В. М. Быков выехал в Ленинград, чтобы получить коллекцию из Финляндии и переправить ее на Урал...

В свое время Алексея Кузьмича Денисова-Уральского называли «уральским самородком», последним выдающимся мастером каменного дела в России. «Куинджи, Шишкин и даже Верещагин — вот что такое господин Денисов-Уральский». — писали о нем в 1900 году «Пермские губернские ведомости». Екатеринбургские горщики уважительно звали земляка «Кузьмичом», восхищались его фартом удачливого горщика. А Д. Н. Мамин-Сибиряк, с которым художника связывала более чем тридцатилетняя дружба, в письмах на родину не раз исповедывался матери в любви к земляку, «истинному другу всей семьи» и «неустанному труженику».

Как художник Денисов-Уральский участвовал в 18 отечественных и пяти всемирных выставках, где не раз был отмечен наградами. На своих персональных выставках «Урал и его богатства» он впервые познакомил русское общество с богатой и малоизученной окраиной России. Его картины репродуцировались и распространялись в большом количестве в открытках. Ему охотно предоставляли свои страницы популярные в то время журналы России — «Нива», «Север» и «Иллюстрированное всемирное обозрение».

Своей самой значительной картиной «Лесной пожар» Денисов поднял голос в защиту бесценного национального богатства — русских лесов. Картинами геологических разрезов и изображением способов добычи камней он, по выражению революционера и ученого Н. А. Морозова, счастливо объединил «живописную науку с научной живописью».

Мастерство Денисова-живописца высоко оценено и нашими современниками. Профессор Б. В. Павловский посвятил ему книгу «А. К. Денисов-Уральский» (вышла в 1953 г. в Свердловске).

Так же преданно служил Денисов-Уральский и другой музе — минералогии. Его коллекция уральских камней достигала трех тысяч пудов. Представьте себе — шестнадцать трехтонных грузовиков, заполненных лучшими образцами ископаемых богатств Урала! Не купленными, а своими руками взятыми из родной ему земли.

Но, пожалуй, особого признания у современников Денисов добился резьбой по камню. Увлечшись этим мастерством в детстве, с 9 лет, он продолжал совершенствоваться всю жизнь, возведя ремесло в степень искусства. Много раз — в Копенгагене, в Париже, Реймсе и Сан-Луи — его камнерезные шедевры получали международные награды.

Но и это не все. Он был неутомимым путешественником, изъездив Урал вдоль и поперек: занимался археологическими раскопками, искал новые месторождения уральских самоцветов, изучал культуру и быт народов Урала, стоял у истоков многих полезных дел.

Но все свои увлечения и таланты Денисов подчинил одному делу — служению родному Уралу.

Была в жизни художника заветная мечта — создать в родном Екатеринбурге художественный музей. Даже в трудные годы не продавал он своих картин, пополняя коллекцию все новыми полотнами. Он как будто поставил перед собой грандиозную цель: запечатлеть на холсте весь Урал, от крайней северной точки до южной, с его хребтами, шиханами, реками и озерами. Пополнялась и его минералогическая коллекция, создавались новые произведения камнерезного искусства.

Настанет день, — мечтал Денисов, — и все это будет преподнесено Уралу: все сразу, от крошечного редкого камня до монументального полотна, все; над чем, не зная покоя, трудился он всю жизнь.

В запасниках Свердловской картинной галереи хранится несколько картин Денисова-Уральского. В Свердловском краеведческом музее его живопись представлена в открытой экспозиции. Но все это ранние вещи художника, скорее подаренные друзьям, чем завещанные городу. Камнерезных изделий, однако, ни там, ни здесь не оказалось, как не нашлось их и в Уральском геологическом музее.

В разных городах страны удалось обнаружить несколько писем Денисова из Финляндии на Родину.

В дореволюционные годы интеллигенция русской столицы любила отдыхать на Карельском перешейке. Здесь была усадьба И. Репина, дача В. Серова, в Келломяках жил давний друг Денисова — Д. Н. Мамин-Сибиряк.

Своими руками, по собственному проекту построил Денисов-Уральский в селении Усекирка «дворец, где и кошку за хвост развернуть негде», — подтрунивал над новой затеей друга Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк. Но художник был вполне доволен своим сооружением. Здесь он мог отдохнуть от петербургской суеты. «Он счастлив, а это главное. Кругом никакого жилья, и он ходит, как какой-нибудь герой из романов Майн-Рида, с револьвером в кармане и с финским ножом на поясе», — так экзотично описывал жизнь Денисова-Уральского Мамин-Сибиряк в письме к своей матери 20 июня 1908 года.

Он счастлив... Знал, бы художник, чем обернется это дачное счастье — через десять лет Усекирка стала для него острогом. В апреле 1918 года закрылась граница с Финляндией. Усекирка отошла к земле государства, враждебного молодой Советской республике, и тяжело больной Денисов оказался отрезанным от Родины.

Одно письмо Денисова из Финляндии помечено 13 сентября 1922 года и обращено к племяннику Д. Н. Мамина-Сибиряка Б. Д. Удинцеву. Бережно сохраненное после смерти Бориса Дмитриевича его сестрой — Натальей Дмитриевной Удинцевой, оно любезно предоставлено сейчас для публикации. Еще четыре письма Денисова нашлись в государственном архиве Свердловской области: одно из них (без даты) адресовано родственнику А. В. Федорову и три письма (от 30 ноября, 10 декабря 1923 года и 13 февраля 1924 года) — уже упомянутому В. М. Быкову.

Из письма А. К. Денисова-Уральского Б. Д. Удинцеву от 13 сентября 1922 года:

«Многоуважаемый и дорогой Борис Дмитриевич! Ваша весточка, как ласточка, встрепенула меня здесь в лесной берлоге, отрезанной от мира, я несказанно ей обрадовался и тому, что кое-кто помнит меня; здесь же испытываешь чувство, что всеми забыт и заживо погребен. Да! Я жив, сыт, но не совсем здоров. Все необычайные события последних лет отразились на мне в тяжелой форме — потрясена нервная система, вместе с сердцем пострадала и память; так, например, я не все из прошлого восстанавливаю в памяти...»

Одинокостью, щемящей тоскою по родному Уралу, сомнениями веет от этого письма: «...доктор утешает, что моя болезнь должна пройти, если я перемену обстановку, окунусь в свою любимую прежнюю деятельность там, где я мысленно витаю душой, о чем душа скучает — это родной Урал! Но когда, как?»

Но вот речь заходит о возвращении на Родину, и тон письма меняется, становится деловым, бодрым. Слышится энергичный голос прежнего Денисова. Жив, жив художник! И не просто Денисов, а Денисов-Уральский:

«Годы моего одиночества здесь прошли с результатами: я выполнил новую серию серьезных полотен, считывая, что должен со своими трудами быть на родине, мечта о которой меня укрепляет... Вот мои новые труды, посвященные Уралу... Работаю систематически, продуктивно, насколько позволяют силы и здоровье, на что у меня уходит все время».

Болезнь не лишила его сил — он продолжал работать. Энергию придавала идея, давно ставшая смыслом жизни:

«У меня есть такая мысль, что если бы я был на Урале, то отдал бы свои картины Екатеринбургскому университету продолжать там свою задачу, то есть как можно популярнее распространять сведения об Урале... во всех учебных заведениях от низших до высших».

Теперь он и сам не мог припомнить, когда явилась к нему эта мысль...

«Родившись на Урале, — писал Денисов в письме А. В. Федорову, — почти всю мою жизнь я провел среди родных гор и убедился, насколько по-настоящему мало исследован и изучен богатый Урал. Россия до сих пор не знает, как велика ее вина перед этим богатейшим в мире уголком земли. Горячо любя свой родной Урал, я пожелал быть ему полезным в той области, которая для меня доступна!»

Письмо на имя А. В. Федорова не только еще раз подтверждает серьезное намерение Денисова создать музей, но и содержит весьма существенные новые детали:

«К этому я готовился давно в мирное время и мне удалось собрать массу драгоценного материала... Помимо картин и других работ, исполненных здесь в Финляндии, главным образом относящихся к Уралу, у меня сохранилось в России до 300 видов Урала. Целая серия картин была мною написана во время специальных поездок на северный Урал, начиная от деревни Бахарей и кончая южным Уралом, высшей точкой его, горой Ирмель. Во время этой же поездки было собрано мною много интересного материала по минералогии. Мною собрана в течение долгих лет богатая коллекция минералов как в кристаллах, самородках, так и в отдельном виде, исключительно добытых на Урале, оригинальные ювелирные изделия, исполненные по моим рисункам из самоцветных камней Урала, художественные вещи, в том числе известная аллегорическая группа фигур, участвовавших в европейской войне 1914 года, находящаяся в настоящее время, по полученным от Вас сведениям, в Пермском университете. Во всяком случае, если бы мне даже не удалось все собрать, что мною было приготовлено для устройства музея в г. Екатеринбурге имени моего отца Козьмы Денисова, проработавшего в шахтах Березовского завода 20 лет, то из одного того, что у меня здесь есть и что сохранилось до настоящего времени в России, включая туда минералы и изделия, принятые Пермским университетом, вполне можно устроить богатый и интересный в научном от-

ношении и исключительный по своему подбору образцов музеев, наглядно знакомящий публику с богатствами Урала, их добычей и видами его...»

Позвольте, как же так?! Всю жизнь мечтал о музее в Екатеринбурге, а минералы, изделия и аллегорические фигуры оказались приняты Пермским университетом! И попали-то они в Пермь, похоже, не по инициативе Денисова-Уральского.

Из письма А. К. Денисова-Уральского В. М. Быкову от 30 ноября 1923 года:

«Со слов Федорова я вижу, что Вы не прочь предложить мне организацию работы по устройству вообще художественного музея в Екатеринбурге, включая туда и мои произведения, и что для этой цели намечается приурочить здание бывшее Харитоновна. Я крайне тронут буду предложением взяться за такую работу и, конечно, охотно соглашусь за столь интересное для меня дело, о чем давно мечтаю и буду крайне Вам благодарен, если Вы окажете мне возможное содействие в этом, и это ускорит мой выезд отсюда. Убедительно прошу Вас отстоять для музея бывший Харитоновский дом, я его хорошо знаю и считаю единственно пригодным зданием в Екатеринбурге для намеченной цели. Ведь одних моих картин наберется более 300 штук, да этюдов до 1000 штук...

...Кроме того, необходимо рассчитывать на пополнение музея. Я, например, рассчитываю до конца жизни своей продолжать работать для этого музея».

До конца своей жизни... А жить оставалось немногим более двух лет. Он, конечно, не знал этого. И старательно упаковывал свои картины и камни...

В следующем письме В. М. Быкову от 10 декабря того же года снова упоминается Пермь, как и в письме А. В. Федорову. И новые подробности, не столько проясняющие, сколько запутывающие историю.

«Преображенскому я ответил еще в УОЛЕ, что все же жду список принятых вещей и отданных Пермскому университету и что благодарить меня за «щедрый дар» преждевременно, так как я окончательно не решил, буду ли разделять все высланное на два университета — Пермский и Екатеринбургский или сосредоточить все в одном месте, тем более, что в настоящее время многое, видимо, погибло и исчезло. Теперь же, узнав от своего родственника Федорова, что Вы стоите во главе дела по созданию художественного музея в Екатеринбурге... я решил, как давно хотел, начать с устройства музея в родном своем городе Екатеринбурге и с этой целью послал письмом Пермскому университету, будучи осведомлен, что груз в 52 места, отосланный в Пермь через Контору Мешкова в Петрограде, находится в университете. Профессор университета Преображенский мне ответил, что груз действительно принят, благодарит почему-то за щедрый дар и в общих чертах сообщает, в каком состоянии получены предметы. По его отзыву, только минералогическая коллекция получена более или менее в порядке, а разные изделия и аллегорическая группа фигур из горных пород и драгоценных камней либо поломаны, либо вовсе нет, а из 7 витрин уцелело только 3... Все, что будет иметь интерес из имеющихся у меня материалов по отношению Урала, я предоставляю для Екатеринбургского художественного музея».

Итак, помимо фактических данных (груз в 52 места, 3 ящика уцелело, Пермский университет принял) в истории денисовской коллекции появились новые действующие лица: профессор университета П. И. Преображенский и известный на Урале парохозяйственник, прогрессивно настроенный миллионер Н. В. Мешков, активно участвовавший в создании Пермского университета. Но каким образом ящики против воли Денисова попали в Пермь, а не в Екатеринбург, остается неясным.

В своем последнем, весьма лаконичном письме от 13 февраля 1924 года Денисов, чувствуя, что дело с устройством художественного музея в Екатеринбурге затягивается, просит В. М. Быкова «...немедленно дать тот или иной ответ, ибо в зависимости от этого будем решать, как быть дальше с материалом».

Денисов сгорал от нетерпения, нервничал, не понимал причин, задерживающих его возвращение на Родину, напрямую ждал решения судьбы коллекции.

А на Урале были свои заботы и трудности. В частности, мучительно затягивалось решение вопроса с помещением, отсутствие которого тормозило открытие художественного музея. Еще в ноябре 1923 года В. М. Быков подает записку в Уралсовет на имя Штейнберга, в которой настаивает на скорейшем открытии музея в Харитоновском доме, как наиболее подходящем для этих целей помещении. «Начало такого музея должно быть положено теперь же, иначе, при промедлении, уйдут на сторону исключительные по своей ценности для Урала коллекция Денисова-Уральского».

Не встретив поддержки в Уралсовете, по-видимому, немедленно после получения последнего письма художника, Быков пишет 26 февраля 1924 года новое заявление. На этот раз он ставит его на обсуждение президиума облисполкома: «...находя предложение Денисова для нас весьма ценным, получив от него уже три письма с категорической просьбой дать тот или иной ответ, я считаю себя нравственно обязанным поставить вопрос о музее на распоряжение Облисполкома. Добавляю, что Денисов — больной человек и нам с решением его дела надо поспешить»¹.

А нетерпение Денисова нарастало. В апреле 1924 года он шлет Уральскому обществу любителей естествознания известную телеграмму-завещание. Немедленно, 18 апреля, тот же В. М. Быков, как заместитель председателя правления УОЛЕ, пытается решить вопрос в новом учреждении — облоно. К сожалению, в архивах не сохранилось документов с ответами организаций, в двери которых столь настойчиво стучался Быков.

События, завершившие эту историю, печальны. О них удалось узнать из записки краеведа А. А. Анфиногенова, хранящейся в фондах Свердловского краеведческого музея:

«Насколько мне помнится, — пишет он, — получение дара Денисова-Уральского осталось для Екатеринбургского прекрасной мечтой... Картины оказались на даче Алексея Кузьмича в Финляндии, за границей СССР. Если что-либо и удалось получить, то, вероятно, менее ценное. Ездивший в Ленинград В. М. Быков заболел и скончался там в 1925 году».

А год спустя не стало и самого Денисова.

А. А. Анфиногенов, очевидно, не знал о переписке художника с Быковым, как не знал о ней и старый уральский художник Н. С. Сазонов, в своих биографических набросках о Денисове с сожалением констатировавший: «Где денисовская резьба по камню — неизвестно. Наследие Денисова-Уральского пропало». Оба они не знали, что часть дара — 52 ящика! — была отправлена на Урал. И что хотя до Екатеринбургского Свердловского груза не дошел, он осел недалеко от него. Письма уточняют адрес — Пермь, университет.

Итак, Пермь, университет. Надежды увидеть денисовские сокровища, конечно же, немного. Более, чем за полсотни лет возможны всякие изменения. Даже если собрание Денисова в двадцатые годы попало в Пермь, то, не странно ли, что ни искусствоведы, ни минералоги нигде не упоминают о нем? Даже в монографии «А. К. Денисов-Уральский» Б. В. Павловского о нем нет ни строчки.

Но где искать следы? Прежде всего, конечно, на геолого-минералогическом факультете. Тем более, что при нем, оказывается, существует минералогический музей.

— Нет ли в вашем музее чего-нибудь из произведений Денисова-Уральского?

¹ Государственный архив Свердловской области, ф. Р-233, оп. 1, д. 411, л. 49.

— Как же нет, — отвечает заведующая музеем, — если его коллекция положила основание нашему музею и составляет едва ли не основной его фонд!

Немая сцена. Я была бы счастлива увидеть один-два денисовских камня или изделия из них, а здесь два больших зала, плотно уставленных десятками витрин...

Рукописный путеводитель по музею сообщает, что он основан в 1916 году одновременно с университетом. Организаторы музея — академик А. А. Полканов и профессор Б. К. Поленов задумали его как учебно-вспомогательное учреждение. Теперь по богатству коллекций музей давно перерос масштабы подсобного учебного учреждения и по существу является вторым после Свердловска минералогическим музеем на Урале! И не только минералогическим, но, что особенно важно, художественным музеем уральского камнерезного искусства. И здесь с ним уже некому соревноваться.

В первом зале представлены минералогические коллекции. Известно, что Денисов-Уральский обладал одной из лучших в России коллекций минералов Урала. Вряд ли она целиком дошла до Перми, но и то, что представлено здесь, весьма внушительно. Среди коллекций других дарителей (их более двух десятков) лишь одна подходит по величине для сравнения — коллекция Л. И. Крыжановского. В ней 757 минералов общим числом 2868 образцов, собранных со всего света. В коллекции Денисова-Уральского значится 609 минералов общим количеством 2712 штук. И все они собраны на Урале. Только около 25 минералов имеют неуральское происхождение.

Между прочим, коллекция доказывает, что у Денисова были и свои минералогические открытия. Ему фартило, — говорили горщики. Природное чутье и одному ему понятные знаки вели Денисова к удачам. Больше всего он гордился открытием яшмы близ родного города Екатеринбурга. Что Екатеринбург — сердце неистощимых сокровищ Урала, что стоит он на гранитном фундаменте со знаками золота, что здесь много агатов и совсем не диковинка встретить кристаллы аметиста, горного хрусталя и лучистого малахита, — было известно знатокам камня России. А вот о месторождении ермоловской яшмы, обнаруженном Денисовым в 1900 году близ Екатеринбурга, трудно было даже подозревать. Сотни уральских яшм представлены в пермской коллекции Денисова. Но эта, не похожая ни на какую другую — необыкновенного фиштакхового цвета с темно-оливковыми полосами, — всегда была предметом его особой гордости. Он так и обозначил ее в описании минералогической коллекции: «Ермоловская яшма. Близ Екатеринбурга. Открыта Денисовым-Уральским»¹.

Теперь она значится в коллекции Пермского университета под новым названием — Свердловская.

Была у Денисова в жизни и еще одна воистину удивительная находка. И тоже связанная с Екатеринбургом. Он производил разведку в Березовской казенной даче. В кварцевой жиле разрушенного гранита вдруг сверкнули крошечные зеленые огоньки. Он не поверил своим глазам. Обычный, расплывшийся по всему свету угрюмый гранит и предчайший дар природы — таинственный нежный изумруд — не могли, «не имели права» жить вместе. Никто до сих пор не встречал такого соседства в природе, не описано оно и в минералогических руководствах².

Позднее он поделился сообщением о находке с земляком-уральцем академиком Александром Петровичем Карпинским. Они сидели напротив друг друга, обескураженные шуткой природы и одновременно счастливые и гордые за свой край.

В борьбе за уральский камень Денисов использовал любые пути. В трудах I Всероссийского съезда деятелей по практике геологического и разведывательного дела (1903 г.) можно прочитать его доклад «О некоторых препятствиях к развитию добычи драгоценных камней на Урале», в котором Денисов просит съезд устранить искусственные проволочки, тормозящие разведку цветных камней на Урале и требует рациональной постановки дела, при которой «разведка и разработка могли бы служить экономическому благосостоянию края и оказать услугу науке».

Александр Ферсман — вот кто хорошо понимал Денисова! Они случайно познакомились в одну из поездок по Уралу и сразу заговорили на своем, однаково понятном обоим, «каменном» языке. Теплые отношения, основанные на страсти к камню, они пронесут потом сквозь долгие годы.

И Ферсман горячо одобрит поступок Денисова-Уральского, когда большие сборы от своей петербургской выставки 1911 года, которую посетило 30 тысяч человек, он передаст в пользу уральских горщиков¹.

Потом в своих очерках по истории камня выдающийся советский минералог академик А. Е. Ферсман много, раз отметит активную роль Денисова-Уральского в борьбе с застоём и косностью царского правительства, приведшего добычу цветных камней в России в полный упадок.

Сколько энергии, сил, изобретательности и труда вложил Денисов в хлопотную работу инициатора и главы бесконечных товариществ, комитетов и съездов, призванных выволить из бедственного положения уральских купстарей и их промысел. Все было напрасно — условия капиталистической России препятствовали реализации его идей.

Но мы все еще в первом зале музея. Что же ждет нас во втором?

Здесь Денисов, ревнитель судеб уральского камня и минералог, представлен другой своей страстью — художника камня. Подойдя к первой же витрине, не знаешь, на чем остановиться взгляд. Кажется, все кружится в праздничном хороводе, где пестрое мельканье причудливой по рисунку малахитовой шкатулки сменяется сиянием лазури с россыпью бесчисленных золотых звезд по синему полю, строгость классической вазы с акантовым листом из белоснежного мрамора перебивается роскошью царственного ковша из густо-розового орлеца — типично русского камня с черным ветвистым живописным рисунком.

Кажется, взор не оторвать от слона из серой яшмы, богато убранного жемчугом, изумрудами и сапфиром, а глаза уже манит коллекция вставок для брошей, поражающих игрой граней и цветом, то беспредельным породниковой прозрачности, то глубоким бархатисто-черным.

И мелькают, спорят в блеске, красоте, фантазии обсициановая улитка с влажной от росы кожей на подставке из горного хрусталя (электрический звонок) и тупая баранья голова из нелепо яркой ляпис-лазури (набалдашник для трости), свежая еловая нефритовая шиска (ручка для дамского зонтика) и книга из яшмы, не желтеющая и не старящаяся, книга-загадка, потому что никому не открыты, не перелистать ее тяжелые страницы.

Но камни Денисова не только поражают красотой, они еще и говорят: смеются, лукавят, дразнят, жалуются, плачут, поют, гневно кричат, обличают и даже воют. Вот занятная фигурка смешного толстячка с зеленой нефритовой бабочкой-галстукон на шее. Туловище его скрыто в скорлупе яйца. Наружу торчат одна голова да подошвы ног, выполненные из розовой яшмы. Посмеивается и пленяет лукавством добродушный каменный щеголь.

Озорством и неожиданной выдумкой удивляет ори-

¹ Денисов-Уральский А. К. «Руководство к обзору II выставки», Спб, 1911, с. 115.

² О находке Денисовым необычного сочетания гранита с изумрудом нам стало известно из рукописных воспоминаний художника Н. С. Сазонова, хранящихся в фондах Свердловского областного краеведческого музея.

¹ Об этом факте рассказала, основываясь на воспоминаниях А. Е. Ферсмана, вдова академика — Е. М. Ферсман.

финальная голова поросенка из розового родонита. Она заканчивает собой как будто только что наскоро обструганную ножом, кричащую белизной аппетитную редьку, исполненную из непрозрачного кварца. И не хватает фантазии, чтобы разгадать эту дерзкую загадку. Что это: пародия на что-то или просто невинная шутка мастера?

Одинаковых совет из молочного-белого кварца художник усадил на жердочку. И глаза у всех одинаковые — из лунного камня, они вспыхивают то синим, то голубоватым светом. Но разве есть среди птиц хотя бы две похожие? Одна как будто чему-то удивляется, другую обидели, а третья что-то пытается понять. Впрочем, вполне возможно, что новый зритель увидит здесь совсем иное. Глядеть на денисовский камень — все равно, что слушать музыку. Каждый чувствует что-то свое, и не сразу это передашь словами.

Рядом с советами совсем другие совы — ночные совыхищники. Ярко-зеленый свет, излучаемый двумя изумрудами, вставленными в глазницы, продолжается и живет в другом камне — лучистой серо-зеленой яшме, полосатый рисунок которой так искусно применен мастером к раскрытию художественного замысла. И кажется, что не рукой человека, а самой природой исполнена ночная птица.

Полны изящества, трогательной наивности и безыскусности многочисленные миниатюры Денисова: это целое сказочное каменное царство, чудо-зоопарк — крошечные, размером от полсантиметра до полутора, птички из амethystа, утята из дымчатого хрусталя, лягушки из нефрита, пестрые петушки из япис-лазури, божьи коровки из красной яшмы и... кого тут только еще нет.

В коллекции университета немало произведений Денисова, глубокими корнями связанных с народным искусством, с тем, что он впитал от родного Урала, его суровых пейзажей, что воспринял от дедов, видел у отца, чему научился у старых уральских мастеров.

Безупречное мастерство проявил художник в настольно-декоративных изделиях из малахита. Его вазы, шкапулки и часы очень просты, нет на них украшений и отделки. Но как от этой безыскусности выигрывает узор камня! В произведениях из малахита Денисов достойно продолжил традиции старых мастеров.

Есть в университете и другие вещи художника, типичные для уральских кустарных промыслов. Например, резные печати, изготовлением которых еще с XVIII века занимались екатеринбургские камнерезы. Денисовские печати, выполненные из раухтопаза и яшмы, разнообразны по форме, цвету, орнаменту и воспринимаются как самостоятельные художественные произведения. Можно предполагать, что одна печать, с четким, готическим вензелем «А. Д.», принадлежала лично художнику.

Но, пожалуй, особенно убедительно доказывает близость Денисова к народным традициям его горка. На рубеже столетий горки пользовались большим успехом, отражая, по выражению А. Е. Ферсмана, «моду на развлекательную науку» и считаясь самым ходовым уральским сувениром.

1 Сейчас ее не сразу заметишь в царстве каменной красоты. Малахит, которым облицована подставка, местами облупился, минералы потускнели и потеряли привлекательность. Она не из драгоценных: лимонит, кристаллы горного хрусталя, мориона, полевого шпата... И все-таки это драгоценная реликвия. Не только потому, что представляет искусство поколений уральских камнерезов, но и потому, что с таких горок зародилась в художнике любовь к камню.

Изготовлением их занималось все семейство Денисовых. Долгое время горки были единственным средством существования осиротевшей семьи. И вот одна из них, может быть, самая скромная, сохранилась, чтобы рассказать нам, что никакая это не прихоть и не просто коллекция, а вполне научное дело. В коллекции камни лежат мертвыми и не зависят друг от друга, а в горке, как в дружной семье, минералы и самоцветы живут одной, общей с другими камнями жизнью. Здесь кристаллы и цвета

сочетаются не по прихоти мастера, а только так, как существуют в природе. Другое дело, что искусство мастера должно заставить горку не быть скучной, а приносить людям радость, цвести на их глазах.

Воздавая должное Денисову-Уральскому, писатель И. Ефремов начинает свой роман «Лезвие бритвы» описанием петербургской выставки художника 1916 года. Самым примечательным экспонатом ее, как магнитом притягивавшим взоры и взрослых и детей, были знаменитые горки.

«...Горки, издавна прославившие екатеринбургских мастеров, особенно хорошо удавались Денисову-Уральскому и шли нарасхват, так же, как и его коллекции уральских камней в больших и малых ящиках с клеточками-гнездами.

Горка — особый способ экспозиции камней, теперь незаслуженно забытый, но очень распространенный в начале века. Различные куски красивых горных пород склеиваются так, что образуют модель заостренной скалы с глубокой пещеркой у подножия, иногда несколькими. Игольчатые кристаллы берилла, турмалина, а то и просто наколотые столбики отдельностей гипса — селенита изображают сталактиты в сводах пещерок. В глубине сверкают шетки мелких кристаллов горного хрусталя, амethystа, топаза или синего корунда. Уступы «скалы» украшены искусным подбором полированных кусочков агата, малахита, лазурита, красного железняка, амазонита. Кое-где вклеены черные зеркальца биотита, а в стенках «пещер» блестят, подсвечивая, прозрачные камни, листочки белой слюды — мусковита или цинвальдита...»

Да, во время общего упадка народных промыслов и камнерезного дела в России, когда творческая инициатива художников и мастеров была скована, Денисов-Уральский не только сохранял традиции народного искусства камня, но и творчески развивал его. Он стремился обогатить его опытом мастеров камня других народов мира, используя непривычный для Урала материал, приемы обработки.

Вот тончайшей работы ажурная пальмовая ветвь из серовато-зеленого нефрита — это излюбленный материал древних восточных народов, почитаемый ими как камень-талисман. Ветка будто сейчас сорвана — так свежа, прозрачна она, еще дышащая жизнью, но уже увядающая, колышущаяся от малейшего прикосновения. Есть у нефритовой ветки свой секрет: если слегка тронуть ее деревянным молоточком, она ответит чистым мелодичным звоном. Может быть, на востоке за это и ценили поющий камень ио-ши, успокаивающие звуки которого напоминали великую мудрость древнего востока: «Не спеши и не волнуйся». Впрочем, у этой вещи еще один секрет. Интересная сама по себе, она была еще интереснее, как символическая деталь в сложной невосстановленной композиции, входящей в серию аллегорических фигур, созданных Денисовым в годы первой мировой войны. Ветвь пальмы, по замыслу художника, несла измученному войной человечеству желанный покой, мир и радость труда.

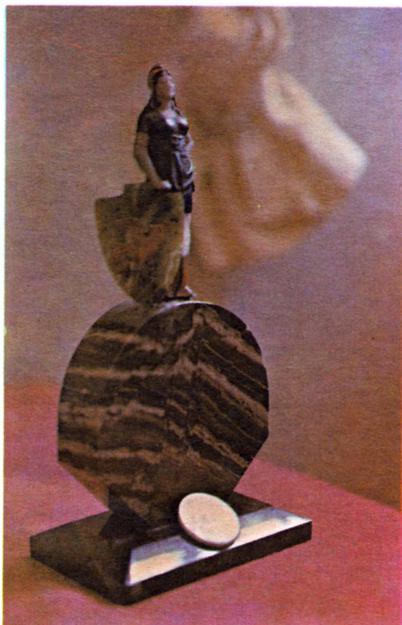
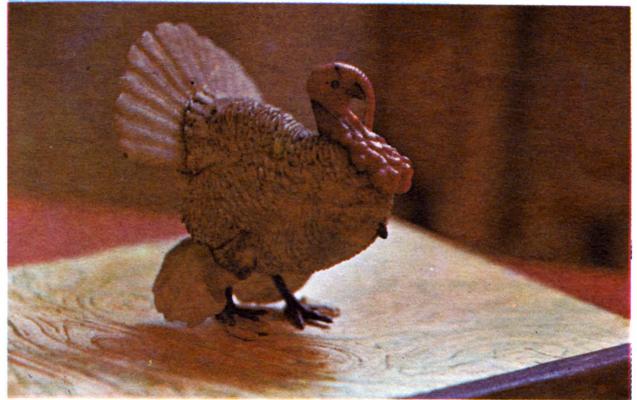
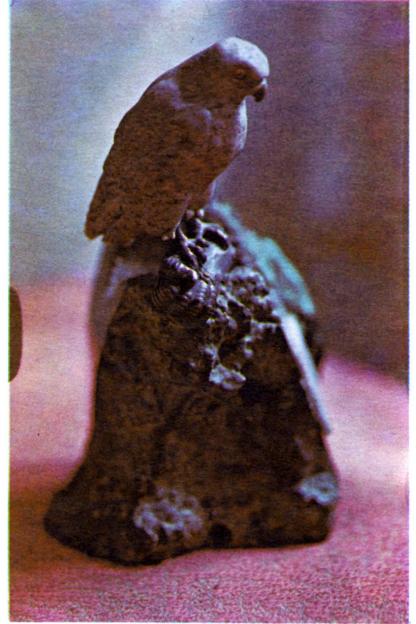
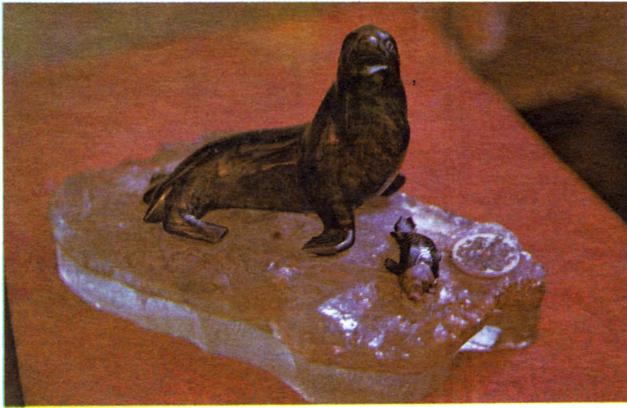
...Куда-то во весь дух улепетывает смешной сочно-розовый поросенок из орлеца. Он входил как составная часть в оказавшуюся разрозненной композицию из двух фигур — сатиру на Германию. Это произведение, судя по газетным отзывам тех лет, было едва ли не лучшим из выставленных аллегорических фигур: на спину поросенка вскопчил добродушный, но страшный в гневе русский медведь, задающий ему основательную трепку. Когда-то медведь и свинья потеряли друг друга, да так и живут с той поры порознь.

А где же сами аллегорические фигуры? Ведь, как явствует из письма Денисова к А. В. Федорову, «известная аллегорическая группа фигур... находится в настоящее время, по полученным от Вас сведениям, в Пермском университете».

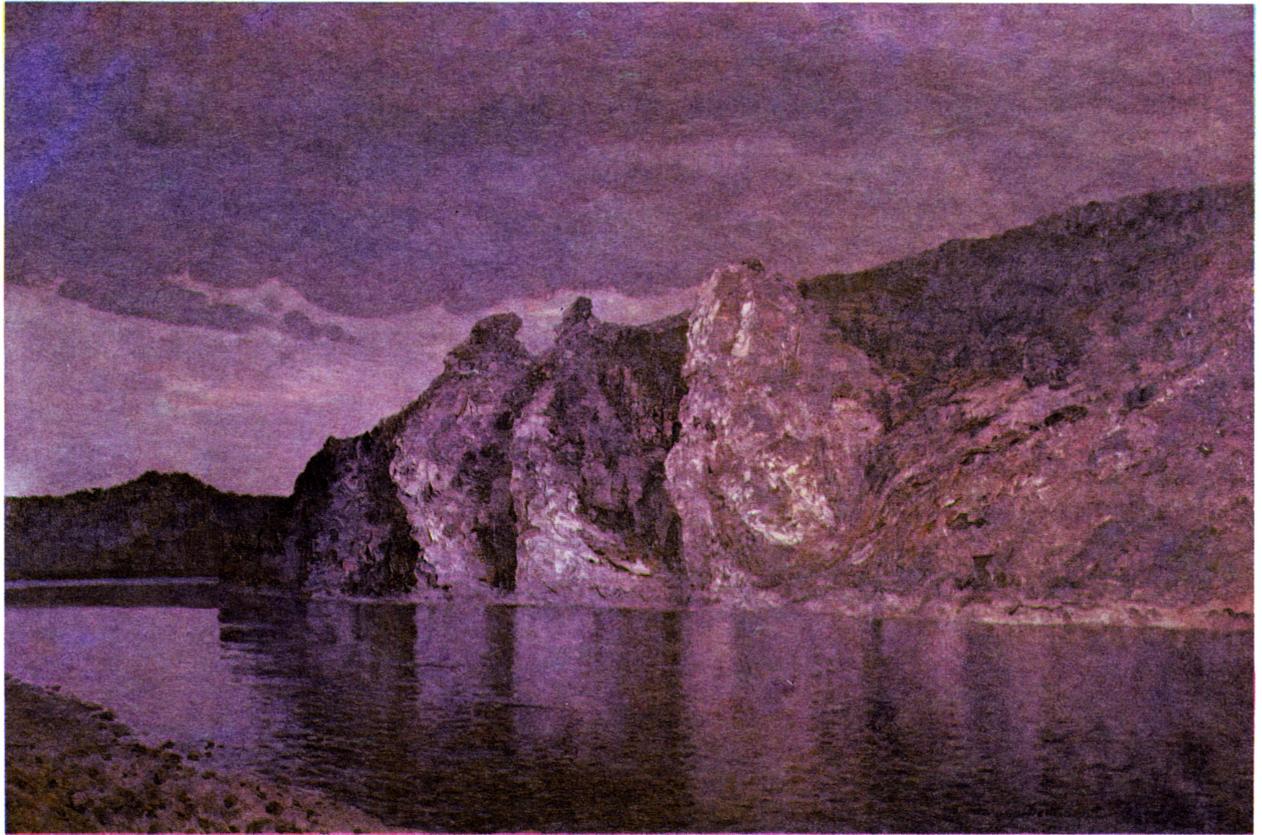
Оказывается, в тридцатые годы эта коллекция была передана университетом в Пермскую художественную галерею. А пальмовая ветвь, поросенок и некоторые другие не опознанные тогда детали фигур остались в музее университета.

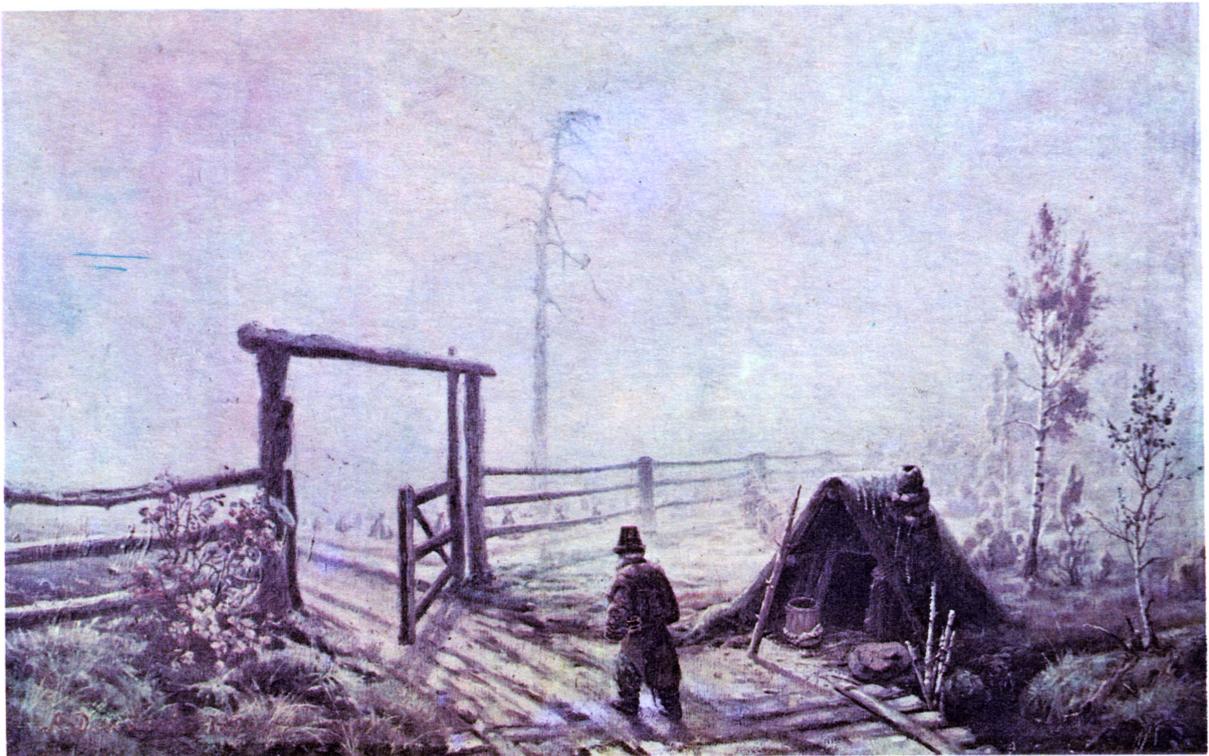
ЛЕСНОЙ ПОЖАР

ВЕТРЯНОЙ КАМЕНЬ НА р. ВИШЕРЕ

ПЕЙЗАЖ С ВОРОНОЙ

Величественное здание бывшего Кафедрального собора на высоком берегу Камы вот уже скоро полвека занимает Пермская художественная галерея. На этот раз меня влекут сюда не парадные выставочные залы с богатейшим собранием русской и зарубежной живописи, и даже не гордость галереи — коллекция деревянной скульптуры Прикамья — «пермские боги», восседающие под самым куполом собора, а темные подземные кладовые — запасники.

Лабиринты узких коридорчиков ведут к массивной двери, обитой железом. Поворот ключа в тяжелом замке — и перед нами открывается то, что не видит обычный посетитель галереи, — ее запасные фонды. Гигантские вазы и древние кувшины, бронзовые и мраморные скульптуры, фарфор и вышивка, большие и малые живописные полотна... Среди них — огромное вертикальное полотно, от которого даже на расстоянии будто обдает нестерпимым жаром.

Да ведь это «Лесной пожар» Денисова-Уральского — самое сильное из дошедших до нас творений художника!

Тема эта владела художником много лет. Картин и этюдов лесного пожара он написал, видимо, очень много. К сожалению, до нас дошла лишь незначительная их часть. Пермская картина «Лесной пожар» (1897 года) — одна из лучших.

От картины трудно оторваться. Но хранитель фондов уже извлекла из массивных дубовых футляров те самые аллегорические фигуры, что составляли часть дара Денисова родному Уралу.

Кажется, светлеет в полутемном хранилище: это светятся изнутри своим собственным светом камни, а ликование красок сливается в многоцветную сияющую радугу. Вот фигура Британии — союзницы царской России по борьбе с Германией. Она изображена в виде великолепного морского льва, олицетворяющего величественный покой и могущество морской державы. Лев приподнялся на плавниках, держа в зубах пойманную им фантастическую рыбу с головой свиньи.

Своеобразно по композиции и технике исполнения фигура другой союзницы России по Антанте — Франции. На полированном куске яшмы стоит девушка с гордо поднятой головой.левой рукой она опирается на бедро, а правой держит щит с пурпурным галльским петухом — национальной эмблемой Франции.

Скульптура поражает изяществом, красочностью и виртуозным сочетанием в одном миниатюрном изделии различных твердых пород камня.

Бельгия представлена Денисовым фигурой великолепного льва. Динамична его поза: всем туловищем он припал на передние лапы, голова с оскаленными зубами закинута вверх, хвост энергично изогнут. Композиция весьма лаконична, здесь всего два камня: отлично работающий на свет раухтопаз и непрозрачный черный морин.

В великолепной, совершенной по исполнению волчице — легендарной праматери римлян — безошибочно угадывается Италия. Волчица приподнялась на передние лапы и тревожно прислушивается. Фигура вырезана из ортоклаза Березовского месторождения. Встретится такой камень в витрине ли музея, на дороге ли — ничем, кажется, не сможет привлечь он взгляда: заурядный серенький камень с черными точками и запятыми. Но вот его берет в руки художник, и рождается чудо: как будто шершится и рычит озлобленная уставшая волчица, поставленная на белоснежный мрамор, так великолепно оттеняющий серый ортоклаз.

В духе искренней симпатии к странам-союзницам выполнены фигуры Сербии — стальной еж с предостерегающе поднятыми кверху иглами и Черногории — дымчатый орел на скале. В карикатурно-сатирическом плане изображает Денисов противников России — страны германско-австрийского блока. Комична мартышка, олицетворяющая властителя пестрого (яшмового) разноплеменного государства Австро-Венгрии. Она сидит у старого расколотого корыта, безнадежно чешет затылок и печально смотрит на разбитый герб Габсбургов.

А вот прожорливая жаба — Турция — с выпученными лабрадоровыми глазами. Она вырезана из эффузивной кристаллической породы темно-серого цвета, контрастирующей с ярко-красной турецкой феской, пылающей на голове жабы. Жалкая рептилия, схватившая в пасть большой снаряд, не может ни проглотить, ни избавиться от него.

Выразителен «Памятник Вильгельму»: кайзер восседает на жирной свинье, распластавшейся на белой подушке, и надменно закручивает ус. Вокруг груды костей, могильные кресты и кровавые следы — плоды деятельности кайзера. На этой скульптуре более, чем на других, ощущается влияние журнальных и газетных шовинистических карикатур того времени. Первая мировая война с ее драматическими коллизиями — гибелью миллионов людей, кровью, страданиями, уничтожением культурных ценностей захватила Денисова, человека экспрессивного, «вихрем гражданских переживаний». Вот что писал он тогда в очерке «Кровь на камне»:

«В обычных условиях более чем миролюбивый человек, я в самом начале войны не мог думать ни о чем другом, как лишь о разразившейся боевой грозе. Вместе с другими я трепетно ждал каждого известия, идущего с фронта, возмущался жестокостью врагов, искренне радовался достигнутыми нами успехами. Вся нормальная жизнь как-то потускнела, отошла на второй план. Чувствовалась потребность в большом деле, в создании такого художественного произведения, которое, воплотив нахлынувшие переживания, могло бы в то же время служить памятником доблестным»¹.

Художник пытался оправдать участие в войне России и обвинить противников, воевавших на противоположной стороне. И это неизбежно наложило на его творение отпечаток тенденциозно-шовинистического угара, охватившего политически незрелую часть русского общества.

И все-таки сила большого мастера-реалиста одержала победу над «патриотическими» чувствами Денисова. Его каменная аллегория в наши дни воспринимается как классика камнерезного искусства. Недаром профессор Б. В. Павловский считает, что аллегорические фигуры по замыслу и совершенству исполнения не знают аналогий в русском прикладном искусстве.

Денисов-Уральский своим творчеством завершил дело предшественников — мастеров-камнерезов XIX столетия и таким образом завершил целую эпоху камнерезного искусства дореволюционной России.

И как досадно, что уникальные скульптуры Денисова хранятся в запасниках и скрыты от посетителей. А ведь «пермские камни» могли бы положить основание сокровищнице камнерезного искусства уральских мастеров, подобно знаменитой коллекции пермских деревянных богов или собранию каслинского чугунового литья в Свердловске.

Загадка появления сокровищ Денисова-Уральского в Перми остается неразгаданной. А узнать, когда и почему его минералогическая коллекция и камнерезные работы попали в Пермь, было бы важно для дальнейших поисков утраченного дара.

В исторической справке о создании кафедры минералогии, написанной В. К. Воскресенским и хранящейся в государственном архиве Пермской области, значится следующее: «Кафедра минералогии возникла одновременно с открытием в Перми университета в 1916 году. Организацией кафедры занялся приглашенный на профессию А. А. Полканов, положивший основание капитальному оборудованию минералогического музея, для которого по специальному заказу изготовлены витрины и приобретены...² прекрасная коллекция минералов, преимущественно уральских цветных и поделочных камней и кристаллов, собранная художником и любителем камня Денисовым-Уральским».

¹ Денисов-Уральский А. К. «Кровь на камне», журнал «Аргус», 1916, № 5, с. 47.

² Далее следовало — «за 18 тыс. руб.», но эти слова зачеркнуты.

Старейший краевед города И. С. Богословский вспоминает, что художник подарил свою коллекцию при открытии университета, то есть в 1916 году.

Но вот в неопубликованной рукописи А. Е. Ферсмана «Люди камня», с которой любезно предоставила возможность автору очерка познакомиться вдова академика, Е. М. Ферсман, встретились строки, по-новому освещающие историю коллекции А. К. Денисова-Уральского.

«Его магазин, — писал А. Е. Ферсман, — испытал судьбу богатых домов и магазинов, коллекция была случайно найдена среди ящиков на речных пристанях Перми и была почти полностью переведена в прекрасное помещение Пермского университета, часть прекрасных образцов и штуфов попала в склады на Морской в Петрограде и после ряда неудач нашла себе место в Московском университете (ныне геолого-разведочный факультет). Сам он оказался вне своих богатств, без картин и собраний, без друзей, а вскоре и за пределами своей родины — на своей даче Усекирка в Финляндии».

Новые сведения входили в противоречие с версией, устоявшейся в Пермском университете, о приобретении коллекции в 1916 году (хотя не исключали возможность вторичного поступления в Пермь в период, например, после Октябрьской революции или во время гражданской войны), зато неожиданно открывали перспективу поисков в Москве и Ленинграде.

И вот Москва. Первый визит в Московский геолого-разведочный институт, выдлившийся из Московского государственного университета, и в институтский минералогический музей. И первое разочарование: Денисова-Уральского здесь знают, помнят, уважают, как одного из видных минералогов дореволюционной России, но коллекция его в музей никогда не поступала.

Ничего денисовского не оказалось и в сравнительно молодом музее земледения Московского государственного университета.

В запасе оказался еще минералогический музей Академии наук имени А. Е. Ферсмана, куда на протяжении двух с половиной веков вносили свой вклад выдающиеся ученые: М. В. Ломоносов, П. С. Паллас, А. Е. Ферсман и другие. Среди этих почетных имен оказалось и имя Денисова-Уральского. Но его коллекции не имели никакого отношения к пропавшему дару. Одну из них он сам преподнес музею в 1902 году, а вторая была приобретена у него дирекцией двумя годами позже. Как и в Пермском университете, образцы, все без исключения, — всемирно известные бериллы, воровьевиты, гематиты, рубеллиты, ортоклазы, шерлы, оливиниты, редчайшие эвклазы — собраний им из уральских месторождений. Эта маленькая коллекция принесла немалую радость, но все-таки результаты встречи с музеями Москвы оказались куда скромнее ожидаемых.

В душе еще жила надежда на Ленинград — город, с которым была связана большая часть жизни А. К. Денисова-Уральского.

Увы, и он не принес новых находок, если не считать минералогическую горку, которая тоже не связана с подарком Екатеринбург. Она хранится в богатейшем собрании всемирно известного Горного музея Ленинградского горного института.

Уменьшительное название «горка» мало подходит к весьма масштабному произведению, задуманному как выставочный экспонат или памятный дар в честь торжественного события. В музее живет предание, что горка была преподнесена профессору и директору Петербургского горного института, уральца по рождению, Н. А. Иоссе в день его юбилея. Когда и кем — неизвестно. Надпись на горке «Екатеринбург. Мастер Денисов» позволяет предположить, что изготовлена она до 1900 года (позднее художник подписывал свои работы с добавлением псевдонима). Возможно, она была поднесена самим Денисовым к 50-летию (1895 г.) профессора-земляка.

Горка поражает разнообразием и красочностью уральских камней. Здесь и турмалины всех цветов — от черного и густо-синего до розового и бесцветного, и совершенные

по форме аквамарины, и редкие друзы гранатов, и гнезда аметистов, среди которых встречаются диковинные кристаллы с двумя головками, и жила с золотом. Необычна горка и тем, что изготовлена в расчете на обозрение со всех сторон. Задняя ее сторона представляет макет шахты в разрезе с доменной и сталеплавильной печами и прокатным станом.

Но кроме горки ничего денисовского в музее не оказалось, как не удалось найти ничего и в других музеях Ленинграда — Эрмитаже и Русском музее.

Жестоко распорядилась судьба наследием Денисова-Уральского, разметав его по всему свету. Он дарил родному городу все сразу, целиком и в совокупности: живопись воспевала природу Урала, минералогические коллекции славил сказочные его богатства, а камнерезные и ювелирные произведения возвеличивали искусство уральских мастеров.

Но еще при жизни художника все это находилось в разных местах: часть минералогической и камнерезной коллекции (три витрины из семи) попала в Пермь, 300 живописных полотен и 1000 этюдов хранились в Петербурге, 100 заново написанных картин — у художника в Усекирке.

Минералогическая коллекция дошла до нас не полностью: по-прежнему остается загадкой, куда попали четыре витрины, об участии которых волнуется художник в письмах из Финляндии.

Живописное собрание художника, хранившееся в Петербурге, по-видимому, разошлось по частным коллекциям. Но судя по тому, что нет-нет, да и объявится никому ранее не известное полотно Денисова, можно надеяться, что эта часть коллекции не пропала бесследно. Так, например, в домашнем музее свердловчанина Ф. В. Нагирняка обнаружилось неизвестное искусствоведом, прекрасно сохранившееся полотно Денисова «Урал» (1899 г.). Коллекционер приобрел его в шестидесятых годах в Ленинграде и перевез на родину художника, тем самым выполнив его завещание.

Многие этюды и живописные полотна Денисова-Уральского из петербургского его собрания нашли место в государственных хранилищах Перми, Свердловска и Иркутска.

Но если работы художника дореволюционного периода творчества изредка дают о себе знать, то совсем не известной остается судьба «новой серии серьезных полотен, посвященных любимому Уралу» и написанных в Усекирке, о которых он сообщает в письмах. Где его панорама «Уральский хребет с высоты», рельефная лепная карта хребта, новые картины, отражающие сокровища недр края, и многие другие, подготовленные уже в дар советскому Уралу? Остались ли они в Финляндии, погибли ли в период немецкой оккупации или их постигла какая-то иная участь?

Заманчивым белым пятном на карте поисков остается Усекирка, ныне поселок Поляна Сестрорецкого района. Где-то здесь может оказаться архив художника, существование которого подтверждает академик А. Е. Ферсман, и та сотня картин, завещанных художником своему городу, о судьбе которых нам ничего не известно.

И еще остается Финляндия, ее музеи и частные собрания.

А еще — остается долг наш: найти могилу Денисова и низко поклониться ему за все, что он сделал для Урала. Ведь до сих пор не известно, где он похоронен.

● ФИЛЬМ

СНЯТ

В ШКОЛЕ

● Встречи с «Красными дьяволятами»

● «Воинам Игоровой рати...»

● Здравствуй, Теркин!

● Сыну полка было шесть лет...

Со всего города собрались юные горьковчане — руководители следопытских клубов — в 149-ю школу, на заседание штаба экспедиции «Моя Родина — СССР». Гости познакомились с музеем боевой славы, послушали отчеты поисковых групп о встречах и переписке с ветеранами. Хозяева школы показали свой кинофильм, в котором запечатлен рассказ о следопытской работе, о школьном музее, о том, как искали следопыты бойцов 279-й Лисичанской Краснознаменной стрелковой дивизии.

Где можно увидеть все издания «Красных дьяволят» — этой первой советской приключенческой книги? В школе-интернате № 2 города Челябинска, в музее П. А. Бляхина, автора знаменитой повести. Здесь хранятся и другие книги талантливого писателя, рукописи его последних произведений, сценарий фильма «Приключения неуловимых», в основу которого положен сюжет «Красных дьяволят». Страницы биографии самого писателя не менее захватывающи: он был пулеметчиком, потом партизаном, позже спецкором фронтовых газет...

Музей П. А. Бляхина — один из первых в стране и единственный на Урале.

Караул-гора. Камни, седой ковыль... Хорошо виден отсюда город Белая Калитва. Современный город, выросший на месте старинной казачьей станицы. Такой давности это поселение, что впрямую вспомнить «Слово о полку Игореве» — где-то здесь произошла знаменитая битва русичей с половцами...

«Сражение проходило в окрестностях Караул-горы!» — пришли к выводу ученики Шолоховской поселковой школы и их учитель истории П. И. Ковешников. Отсюда, со стратегически важной по тем временам высоты, двинул Игорь Святославович свое войско. Ученые-историки подтвердили правильность этого вывода.

Сейчас на Караул-горе стоит черная глыба диабазы, под которым зарыты капсулы с землей — она взята с мест, где князь Игорь собирал свою рать. На диабазе высечено: «Воинам Игоровой рати храбрым русичам 1185 года».

Работает в Костроме начальником пожарной команды Иван Семенович Дьячков. Почему именно ему написали школьники Тарусского клуба «Вечный огонь»? Они ведут поиск прототипов Василия Теркина, а у Дьячкова хранится реликвия — поэма Твардовского с дарственной надписью автора. Эпизод главы «Смерть и воин» Александр Твардовский писал

с... Дьячкова, об этом свидетельствует сейчас книга с автографом, переданная в школьный музей Тарусы.

...Сколько их было, Теркиных? Все знают, что образ этот собирательный. Но факты и случаи Твардовский брал из реальной солдатской жизни. Одного за другим разыскивают прототипов Теркина тарусские школьники.

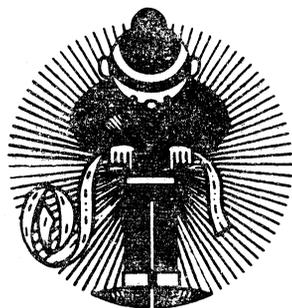
Партизаны нашли мальчика в лесу. В землянке его отогрели, накормили, отмыли... Назвался он Сергеем Алешковым и сказал, что мать расстреляли, брат повешен. Так появился в партизанском отряде шестилетний боец. На фотографии, сохранившейся с фронтовых лет, он стоит в форме, пилотке, солдатских сапогах, с биноклем. На груди — медаль «За боевые заслуги». В одном из боев Сережа вовремя привел подмогу к развороченному снарядам КП и спас жизнь командиру полка.

Сергей Андреевич Алешков живет на Урале. А нашли его по переписке следопыты школы № 2 станции Кандры Башкирской АССР, открывшие уже немало судеб самых юных героев войны.

СЛЕДОПЫТСКИЙ

телеграф

Дочь трудового народа

Исай
БРАЙНИН

«Дорогой товарищ Владимир Ильич! Быть может, Вас удивит это письмо... — так начала свое письмо Ленину Е. И. Шабалина. — Я дочь трудового народа, а Вы — вождь его. И я должна написать Вам все, что я думала о Вас уже давно и уже давно собиралась написать Вам, но все не решалась. И вот, наконец, собрала с духом и пишу.

Я никогда не видела Вас, кроме как на портретах, и никогда не слышала, как Вы говорите. Но я читаю Ваши статьи и речи в газетах, и сколько силы, мысли и энергии в них!

И вот я шлю Вам привет — Вам, нашему вождю, который ведет нас, коммунистов, и весь трудовой народ к победе над нашими вековыми угнетателями-капиталистами. Благодаря Вам наша страна представляет из себя твердую силу, которую не сломит ничего. Никакие козни наших врагов нам не страшны, потому что мы идем за тем, кто тверд и смел духом. И уже во всех других странах, где еще царит произвол и насилие, вспыхивают яркие огни восстаний, везде волна забастовок. И все капиталисты мира и их приспешники дрожат, чувствуя, что почва колеблется у них под ногами, и неограниченная власть ускользает из их рук. И все это сделалось при Вашем участии. Потому что Ваша сила и энергия вдохновляют нас, сынов коммуны, на борьбу за наше будущее и за будущее трудящихся

всего мира. И с каким восторгом мы все ждем того момента, когда пролетариат всего мира соединится под знаменем коммуны. Я не могу себе представить, когда это будет, и не могу дожидаться этого момента. А он наступит, я твердо верю в это...»

Упомянув далее о своей работе, которую, как написала Шабалина, она «несет по воле народа», она так заканчивает свое письмо:

«И для этого народа я буду работать до тех пор, пока хоть маленькая искорка жизни будет гореть во мне.

16/XI — 20 г.

Верхотурье. Уездный исполком.
Зав. информационно-инструкторским отделом Е. Шабалина.

К письму приложены два стихотворения и сделана такая приписка: «У меня уже есть много стихов, посвященных Вам. Но я посылаю Вам те, которые я написала сегодня.

Уважающая Вас. Е. Шабалина.¹

Ниже приводится одно из приложенных Е. Шабалиной стихотворений.

ПРИВЕТ ЛЕНИНУ!

Привет Вам, вождь коммуны трудовой!

Привет Вам, с нас оковы рабства сбивший!

Привет Вам, нас ведущий за собой

И свет во тьме для нас проливший!

Мы верим твердо, что мы победим,

И цепи рабства сбросим вековые,

И знамя яркое коммуны водрузим,

Напишем буквы ярко золотые:

«Свобода, равенство и братство

пусть живут!

И пусть исчезнет

гнет насилия векового!

Да здравствует

свободный честный труд

И наша власть народа трудового!»

(ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 4,

д. 421, лл. 241, 242).

Екатерина Ивановна Шабалина родилась в 1892 году в семье рабочего Лысьвенского завода.

— Жилось не красно, — рассказывала она в 1933 году, вспоминая о своем детстве. — Так что и вспоминать не хочется...

Но об одном эпизоде, относящемся к 1905 году, она говорила с увлечением...

Лысьвенские рабочие живо откликнулись на события 9 января 1905 года в Петербурге. На заводе появились листовки о расстреле петербургских рабочих и другая нелегальная литература.

В том памятном пятом году Катя нашла на улице лист бумаги с текстом «Марсельезы».

Она окончила к тому времени три класса начальной школы, довольно бегло читала и любила заучивать стихотворения. «Марсельеза» произвела на нее сильное впечатление.

Вскоре Катя увидела идущих по центральной улице поселка манифестантов — рабочих с красным флагом. А когда вышла из дома, услышала, что они поют «Марсельезу». Не раздумывая, подбежала к демонстрантам, встала в первый ряд и звонким голосом подхватила песню.

В 1909 году Екатерина Шабалина вышла замуж за рабочего-подпольщика, которого вскоре уволили с завода за революционную деятельность. И начались скитания молодой семьи — Чусовой, Невьянск, Петербург, Новая Ляля. Екатерина работала портняхой, кассиршей, машинисткой, копиисткой. Стала выполнять задания большевиков. «Иногда мне приходилось заучивать наизусть целые непонятные для меня фразы и передавать их революционерам», — писала она позднее в автобиографии.

В апреле 1920 года Екатерина Шабалина была принята Новолялинской парторганизацией в партию. А через несколько месяцев переехала в Верхотурье, откуда и написала Ленину письмо.

Как сложилась жизнь Е. И. Шабалиной после 1920 года? С января 1921 года она работала заведующей организационным отделом Екатеринбургского губисполкома, затем — инструктором женотдела губкома РКП(б), заведующей женотделом окружного комитета партии в Нижнем Тагиле. В относящейся к тому времени анкете она писала: «Привыкла работать в массах, возвращаться в цехах и кочегарках среди рабочих... Хотелось бы снова в низы, в рабочий район, где я живу и работаю с энергией».

Е. И. Шабалина работала некоторое время в Нижнем Тагиле, затем — в Свердловском радиопункте, а в 1931 году вернулась в родную Лысьву. Работала сначала в газете «Искра», а в последнее время — ответственным секретарем горсовета. Умерла Е. И. Шабалина-Токарева в 1959 году.

¹ Письмо это нигде не публиковалось, оно хранится в Центральном государственном архиве Октябрьской революции в Москве.

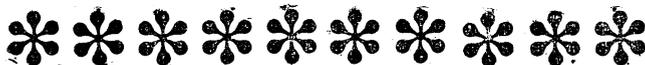

«Хочу», «могу», «нужно»

**Анатолий
АНТИПЬЕВ**

**кандидат
философских наук,
Николай
ЗАХАРОВ**
журналист

Больше года на страницах «Уральского следопыта» публиковались материалы под заголовком «Приглашение к разговору». Мы с большим интересом, как и все читатели журнала, знакомились со статьями, интервью, сочинениями выпускников о выборе жизненного пути. И тоже решили принять участие в этом нужном и важном разговоре.

У нас сохранилась магнитофонная лента с записью радиопередачи десятилетней давности. Она возвращает нас к началу профессионального определения выпускников 1966 года одной из пермских школ. Восемь юношей и девушек говорили о смысле жизни, о планах на будущее, о выборе профессии.

Сергея В.:

— Я считаю, что не всем в жизни суждено быть историками или государственными деятелями, философами, академиками... Но каждый человек, каждый член нашего социалистического общества, на каком бы посту он ни находился, какую бы работу ни выполнял, должен делать ее с душой, отдавать ей все свои силы. Я не ставлю в жизни высоких целей... Просто хочу поступить на химический факультет в Пермский университет, окончить его, стать химиком. Конечно, буду стремиться открыть что-то неизвестное...

Толя С.:

— Хочу пойти по стопам своего отца — стать строителем. Буду поступать на факультет промышленно-гражданского строительства Пермского политехнического института. В этой профессии особенно хорошо видишь результаты своего труда, видишь, как строится дом, как въезжают в него люди...

Надя В.:

— Мне хочется поступить на исторический факультет Пермского государственного университета. История мне нравится давно. Любовь к этому предмету привила моя любимая учительница.

Люба П.:

— Хочу стать летчицей. У меня с детства страсть к небу. После школы хочу поступить в политехнический институт на факультет авиадвигателей и одновременно буду заниматься в аэроклубе. К сожалению, девушек в летные школы не принимают.

Боря Ф.:

— Собираюсь поступить в университет на филологический факультет, на отделение русского языка. Хочется изучить русский язык, устное народное творчество, ездить с фольклорными экспедициями по деревням и городам страны...

Оля Л.:

— Мне хочется приобрести одну из самых древних и благородных профессий — врача...

Витя Ш.:

— Хочу стать ученым — физиком-атомщиком...

Это были обычные выпускники, обычной пермской школы. Удалось ли им реализовать свои планы и мечты? Кем они стали через десять лет? Нашли ли они себя?

И вновь мы встретились с нашими героями. Старыми знакомыми.

— Какими восторженно-наивными мы были десять лет назад! — после долгого молчания первой решается вступить в разговор Надя В. — Все нам казалось таким простым, а выбор профессии — той, единственной на всю жизнь, — делом необычайно легким... Жизнь оказалась значительно сложнее, чем нам представлялось на школьном пороге.

Борис Ф.:

— Да, жизнь внесла коррективы в наши планы. Я, например, не прошел по конкурсу в университет, окончил ГПТУ, работал фотографом, сейчас поступил на вечернее отделение строительного техникума — буду строителем. Кажется, я себя нашел!

Оля Л.:

— Учителя в школе почему-то считают меня до сих пор неудачницей. Как же! Секретарь комитета ВЛКСМ, окончила школу с медалью, а в институт не стала поступать. Пошла работать на завод. Но я ничуть не жалею. Сейчас я бригадир, комсорг цеха. Труд на конвейере меня по-настоящему увлек. Я с гордостью теперь говорю: я представительница его величества рабочего класса!

Надя В.:

— А я, как и мечтала, стала учительницей, преподаю историю...

— Нравится профессия?

— Очень... трудная, интересная, ставящая ежеминутно массу проблем.

Сергей В.:

— В общем-то, и моя мечта сбылась. Окончил университет, теперь учусь в аспирантуре. Заканчиваю диссертацию... С открытием дело сложнее — пока веду исследовательскую работу.

Анатолий С.:

— Поступить в политехнический не удалось. Служил в армии, потом пошел работать на завод имени Я. М. Свердлова. Я слесарь-сборщик, у меня четвертый разряд. Думаю ли учиться дальше? Вероятно, в этом году буду поступать в авиационный техникум. Жалею ли о крушении своих школьных планов? Трудно однозначно ответить на этот вопрос. И «да», и «нет».

Виктор Ш.:

— Я стал инженером-машиностроителем. Доволен ли своей профессией? Не совсем.

Люда П.:

— Вместо летнего училища я попала в сферу обслуживания. В торговлю. Работаю в ЦУМе продавщицей. Профессия хорошая, нужная.

Итак, давайте подведем итоги. Из восьмерых только трое получили ту профессию, о которой мечтали в школе, один — близкую к намеченной, четверо изменили свои планы на более реальные.

Кем же хотят стать выпускники последних лет?

Как показал анкетный опрос, проведенный нами весной 1974 года в Свердловске, Первоуральске и Перми (было опрошено три тысячи человек), 53,9% учащихся 8-х и 10-х классов не решили, какую профессию они берут после окончания школы.

Около половины юношей и девушек Свердловской области (47,6 процента) и Перми (44,8 процента) думают после окончания школы поступить в вуз, остальные либо в техникум, либо в ПТУ. Большинство собирается работать в промышленности, меньшинство — в сельском хозяйстве. Наиболее популярные профессии — инженер, врач, учитель. Среди учащихся десятых классов много желающих получить профессию слесаря, а среди восьмиклассников — сварщика и электрика, закройщика, швеи. Строительные специальности пользуются наибольшим престижем у учащихся восьмых классов. Причем, среди выпускников Свердловска престиж таких профессий, как плотник, столяр, каменщик и бетонщик несколько выше, чем у их сверстников из Перми.

Чем же мотивируют свое желание приобрести выбранную профессию десятиклассники?

Прежде всего тем, что она «очень нравится» (28,5 процента) и «нужна стране, хочу приносить пользу людям» (9,1 процента). 65,1 процента опрошенных считают, что они «чувствуют склонность» к определенной профессии. Такие формулировки, как «надоело учиться», отмечены лишь у 0,4 процента опрошенных, хотят получить высшее образование — 0,6 процента, привлекает высокий заработок — 0,4 процента.

Но всегда ли выбор, сделанный выпускниками школ, соответствует потребностям народного хозяйства страны? Ведь обществу требуется ежегодно определенное количество врачей, инженеров, слесарей, агрономов, доярок...

Если бы фантастический вариант общества, созданный мечтами десятиклассников, вдруг удалось реализовать, то получилась бы такая удивительная картина: огромной армии врачей почти некого было бы лечить, учителей в школе было бы больше, чем ребят, ученые не смогли бы претворять свои проекты в жизнь, космонавты и летчики не смогли бы летать из-за отсутствия ракет и самолетов — ведь ракеты и самолеты делают рабочие, а рабочих в таком обществе было бы считанные единицы...

Не трудно себе представить печальный финал: общество «интеллектуалов» погибло бы прежде всего из-за отсутствия продовольствия и предметов первой необходимости, — ведь их некому было бы производить.

Профессиональную структуру любого жизнеспособного общества можно графически представить в виде пирамиды. В фундаменте — массовые рабочие профессии, а ближе к вершине — интеллектуальные: инженера, физика-атомщика, киноактера, музыканта... А то общество, которое могло бы образоваться, если бы сбылись все мечты выпускников, получило бы вид перевернутой пирамиды. Очень неустойчивая конструкция.

Кстати, знаете ли вы, кем мечтали быть ваши сверстники пятьдесят лет назад? Перед нами исследование А. М. Большакова, который в двадцатые годы предложил вопрос: «Кем бы мне хотелось быть? Почему именно им?»

Каждый пятый мальчик мечтал стать либо сапожником, либо портным, либо охотником, каждый девятый — учителем, каждый восьмой — агрономом, каждый седьмой — лавочником, каждый третий — столяром, кузнецом, художником, «культурным крестьянином». Каждая седьмая девочка хотела стать «хорошей крестьянкой», каждая третья — учительницей, башмачницей, прислугой, «агрономшей», лавочницей. Некоторые даже изъявляли желание стать спекулянтками и барынями.

Какой фактор более всего влиял на выбор профессии? Почти у трети было желание побольше заработать, «чтобы есть каждый день». Профессия сапожника привлекала мальчишек тем, что он «всегда с работой. В тепле. Ест каждый день хорошо. Много зарабатывает».

Да, за пятьдесят с лишним лет Советской власти планы молодежи изменились до неузнаваемости.

Престиж высшего образования, который сейчас, как никогда, высок, объясняется, на наш взгляд, двумя причинами. Во-первых, бурной научно-технической революцией, которую сейчас переживает весь мир, а, во-вторых, стремлением каждого из нас занять более высокую, в социальном плане, ступень, нежели наши родители.

И в этом не было бы ничего плохого, если бы не ложно понимаемое чувство престижа отдельных профессий, особенно профессий, связанных с высшим образованием. До революции барьером для получения высшего образования было социальное происхождение и национальная принадлежность. В двадцатые годы конкурса как такового в вузы не было. Принимались лучшие из лучших на рабфак.

И вообще года до 1953 конкурсы в вузы чаще всего отсутствовали: все, кто кончал средние школы и хотел поступить в институт, становились студентами.

В последний период конкурс стал неудержимо расти. И сейчас студентом вуза становится в среднем один из трех абитуриентов. А выпускники школ могут реализовать свои планы лишь в четырех случаях из десяти.

Кое-кто рассматривает «провал» на вузовских экзаменах, как личную трагедию и нередко впопыхах устраивается на любую подвчернувшуюся работу. Такие «неудачники» пребывание на производстве в качестве рабочих рассматривают как явление временное, они надеются отработать на предприятии два года, дающие право на льготы при поступлении в институт. И вот предприятие уже израсходовало большие средства на их подготовку, а через два года, когда «неудачники», наконец, встали по мастерству почти вровень с кадровыми рабочими, они уходят с производства и поступают в вуз.

Но этот вариант еще не самый худший. Ведь не секрет, что часть выпускников, не поступивших в институты, некоторое время вообще не работает и не учится. Осенью 1967 года в нашей стране пятая часть окончивших средние школы (а это около 300 тысяч человек) нигде не работала и не училась.

Недавно мы познакомились с исследованиями профессора Л. Н. Когана, которые он проводил в Свердловской области. Так, в 1970 году 7593 выпускника средней школы Урала в течение 4—6 месяцев ничего не делали, «выбирая» свой будущий путь. 350 десятиклассников выпуска 1970 года устроились на работу только в первом квартале 1971 года.

Как правило, выбор жизненного пути осуществляется молодыми людьми в тот период, когда они еще в силу особенностей возраста (малый жизненный опыт, повышенная впечатлительность, склонность к подражанию, увлечение чисто внешней стороной профессии, неумение трезво сообразовывать мечты со своими возможностями) недостаточно подготовлены для принятия такого решения. Выбор профессии — первая серьезная проблема, которую юноше или девушке приходится решать самостоятельно.

Трудности этого выбора заключаются и в том, что современное производство — это сложнейшая система разделения труда, огромное море профессий. Наше социалистическое производство развивается на новой технической базе, а это породило условия, при которых приобретает большое значение научно-техническая подготовка, творчески осмысленный характер деятельности, известный

универсализм. Технический прогресс приводит к возникновению новых и отмиранию старых профессий, изменению их содержания.

В 1927 году при составлении справочника «Классификация профессий» известный советский ученый С. Г. Струмилин отметил лишь 14 инженерных специальностей. В начале прошлого учебного года в стране насчитывалось 805 высших учебных заведений, готовящих специалистов более чем по 800 профессиям. К этому добавьте еще пятьсот профессий, которые можно получить в техникумах, да более тысячи — в системе профессионально-технического обучения.

В новой, десятой пятилетке несомненно возникнут профессии, которых мы пока еще не знаем. Сколько их будет? Трудно сказать. Может быть, не один десяток. Да и многие из уже существующих профессий претерпят глубокие качественные изменения, потому что с каждым годом качественно меняется, поднимается на новую ступень уровень самого производства.

Возрастет и уровень подготовки специалистов. В девятой пятилетке только еще началась, например, перестройка системы профессионально-технического образования, профтехучилища стали переводиться в разряд средних учебных заведений. В десятой пятилетке среднетехническое образование для рабочего, окончившего ПТУ, станет нормой, обычным явлением.

Как определить молодому человеку интерес к профессии?

Нам кажется, во-первых, нужно иметь хотя бы общее правильное представление о предмете интереса. Но этого недостаточно. Во-вторых, необходимо, чтобы каждый молодой человек твердо усвоил одно простое, но непреложное правило: достичь вершин мастерства в любой профессии можно, только проявив огромное терпение, максимум труда, посвятив всего себя любимому делу.

Выпускники средних школ сплошь и рядом неправильно оценивают действительный престиж профессий, переносят свои отношения к человеку или даже литературному герою — представителю той или иной профессии — на саму профессию, увлекаются только внешней или какой-нибудь частной ее стороной... Еще чаще они отождествляют учебный предмет с профессией, пользуются устаревшими представлениями о характере труда в сфере материального производства, не умеют разобраться в своих способностях и мотивах, не знают и недооценивают свои физические особенности и недостатки, влияющие на выбор профессии. И конечно, большое зло — мещанские пережитки в сознании некоторых родителей, ищущих для своих чад профессий легких, «выгодных».

Существуют ли какие-то критерии правильного выбора профессии?

Безусловно, существуют! Известно, что профессии предъявляют к работнику неодинаковые требования: одни — к уровню образовательной и специальной подготовки, другие — к состоянию психики (памяти, вниманию, реакции, темпераменту), третьи — физической силе, четвертые — к уровню практических знаний и умений, пятые предъявляют так называемые абсолютные требования (космонавт, летчик-испытатель и др.). Есть такие области деятельности, которые предъявляют совершенно специфичные требования. Например, профессией аппаратчиков различных производств и всеми профессиями, связанными с внезапным возникновением сложных ситуаций, не могут овладеть от 15 до 23% всех желающих.

И вместе с тем вряд ли следует говорить о какой-то фатальной предрасположенности человека к той или иной профессии.

Большую роль в формировании способностей и свойств характера играет трудолюбие, упорство, целеустремленность и высокая работоспособность. Многим, вероятно, знакомо высказывание известного ученого-физика Эдисона, что талант это — один процент вдохновения и девяносто девять процентов тяжелого труда. Вы, наверное, знаете, каким страстным отношением к работе отличался великий русский художник И. Е. Репин. Его устойчивая и актив-

ная склонность выражалась в том, что он не выпускал из рук карандаша даже во время отдыха, в кругу гостей. И когда в старости ему отказала правая рука, он до совершенства натренировал левую и продолжал ею писать картины.

Благодаря настойчивости, упорству, целеустремленности некоторые люди, казавшиеся заурядными, лишенными каких-либо способностей, добивались выдающихся успехов.

Известный русский художник В. И. Суриков не был принят в Академию художеств на том основании, что он якобы не обладает способностями быть художником. Инспектор Академии, просмотрев работы, которые Василий Иванович представил на конкурс, сказал: «За такие рисунки вам даже мимо Академии надо запретить ходить».

Академик Лузин, основатель Московской математической школы, создатель новых направлений в современной математике, слыл отпетым «двоечником» именно по математике. С ним даже занимался репетитор, который считал, что Лузин к точным наукам совершенно неспособен.

Таковы курьезы. Но это не значит, что, не имея, скажем, музыкального слуха, надо непременно пробиваться в консерваторию.

С другой стороны, часто встречаются люди, имеющие способности не к одной профессии, а к двум и более. Например, великий композитор А. П. Бородин был видным ученым в области химии. А известная певица, народная артистка СССР Ирина Архипова сначала окончила архитектурный институт, подавала большие надежды в области зодчества, но музыка захватила ее безраздельно и по вечерам она стала заниматься в Московской консерватории. Теперь Ирина Архипова солистка Большого театра, известна во всем мире как лучшая исполнительница партии Кармен.

Конечно, раскрытие и развитие способностей у каждого проходит по-своему. У одних способности развиваются с ранних лет, у других — в зрелом и даже в преклонном возрасте.

Выбор жизненного пути происходит под влиянием множества факторов. Ему помогает семья, школа, специальные учебные заведения, книги, кино, телевидение.

Это понятно. Одному в современном мире невозможно выбрать профессию. Но нередко молодые люди переоценивают свои собственные опыт и знания, болезненно относятся к советам и предложениям старших, считают любой совет посягательством на личную свободу.

На это обстоятельство обратил внимание еще Марк Твен. «Когда мне было четырнадцать лет, — писал он, — мой отец был так глуп, что я с трудом переносил его, но когда мне исполнился двадцать один год, я был изумлен, насколько этот старый человек за истекшие семь лет поумнел».

Хорошо сказано, не правда ли?

В общем, правильно выбрать профессию это значит учесть «могу» при «хочу», а то и другое сопоставить с «нужно».

«Хочу» — это наши мечты о профессии, наши интересы, стремления, идеалы; «могу» — это наши таланты, возможности, способности, здоровье, характер, темперамент, то есть то, что оказывает непосредственное влияние на наш выбор. «Нужно» — это понимание необходимости того вида трудовой деятельности, который вы выбрали для страны, для всего народного хозяйства.

Каждый ли желающий может работать оперативным дежурным на пульте управления крупной энергосистемы, гидроэлектростанции? Что требуется от такого специалиста, кроме любви к делу? Знания? А еще?

Давайте вообразим, что перед нами два инженера.

Оба — специалисты высокой квалификации. Первый, допустим, Иван Николаевич — умный, способный человек, отлично знающий энергосистему, прошедший путь от техника до старшего инженера. У него много учеников, которых он старается передать свой богатый опыт: с карандашом в руках, с очками на носу, он одержимо рисует схему за схемой и объясняет новичкам возможные причины и способы устранения аварий. Но по натуре своей Иван Николаевич человек робкий и инертный, любая неожиданность, любое отклонение от привычного ритма приводит его в смятение.

Его товарищ, Павел Сергеевич, тоже хороший специалист. Думающий, работоспособный инженер. Но, в отличие от Ивана Николаевича, он наделен решительным характером, гладкокровно и четко действует в самой сложной аварийной ситуации.

Кого бы из этих двух инженеров вы назначили оперативным дежурным руководимой вами энергосистемы или гидроэлектростанции. Конечно же, Павла Сергеевича, хотя за спиной Ивана Николаевича — богатейший опыт, «кабинетное» знание работы.

Давайте продолжим игру. Представьте теперь, что вы — директор крупного универсального магазина. Вам нужно подобрать продавцов в отдел дамской одежды. Перед вами две девушки — Люда и Оля. Обе — выпускницы средней школы. Вы уже заметили, что Люда сразу же оживляется в разговоре с людьми: улыбка почти не сходит с ее лица. А вот Оля... Как вы не пытаетесь ее «разговорить», вам это не удается. Замкнутая девушка, «вся в себе», как принято говорить. Общение с людьми не доставляет ей никакого удовольствия. Она односложно отвечает на вопросы: «Да... нет... да... нет...».

Конечно же, в отдел дамской одежды вы пригласите Люду, а не Олю, и вы наперед знаете, что не будет у Люды конфликтов ни с покупательницами, ни с остальными продавцами.

А как быть с Олей? Посоветовать ей поискать другую работу? Это самое простое.

В школьной характеристике Оли написано: «Трудолюбивая, добросовестная...» Человеку с такими деловыми качествами, конечно же, найдется место в крупном универсаме — надо только хорошенько подумать, не торопиться с окончательным решением.

Вы, вероятно, заметили, что «работая» директором крупного магазина, вы должны быть не только хорошим организатором, но и хорошим психологом. Да, без умения заглянуть в человеческую душу вам трудно было бы справляться со своими собственными обязанностями.

Теперь возьмем две рабочие профессии. Скажем, слесаря-инструментальщика и слесаря-сборщика. Одно из качеств, которым должен обладать и тот и другой рабочий, — это глазомер. Но кому из двоих он более необходим? Наверное, слесарю-инструментальщику. А слесарю-сборщику важнее способность пространственного видения изображенных на чертеже узлов и деталей.

«Что ж, — спросите вы, — если у меня не развит глазомер, значит, я не могу стать слесарем-инструментальщиком?» Сразу ответить на такой вопрос нельзя. Дело в том, что глазомер можно развить и тут все зависит от того, обладаете ли вы, говоря научным языком, хорошей упражняемостью этого качества нервной системы.

Пермский ученый М. Р. Могендович как-то сказал: «Теоретически каждый школьник может стать профессором. Только одному нужно для этого 30 лет, а другому 150...» Не только способности человека, но его психика, физиология, здоровье могут сократить или удлинить этот путь.

Поэтому не случайно перед тем, как поступить на работу или учебу, каждый из нас проходит медицинскую комиссию. Как правило, за врачами остается последнее слово.

Как показало обследование, большинство пермских ребят имеет высокие показатели физического развития, и на первый взгляд почти 95 процентов старшеклассников может приобрести любую массовую профессию.

Но только на первый взгляд: нарушение осанки наблюдалось у 3,1 процента обследованных, искривление позвоночника — у 4,6 процента, плоскостопие — у 8 процентов.

Почти у четверти обследованных пермских старшеклассников могут быть противопоказания к некоторым профессиям. Ограничение профессиональной пригодности чаще всего связано с нарушениями опорно-двигательного аппарата, аномалиями зрения.

Как показали исследования профессора И. Карцева, лишь пятая часть подростков, решивших стать полировщиками сложнофасонных и легкопрофильных деталей, овладевает этой профессией. Даже такие профессии, как токарь, слесарь, фрезеровщик, показаны далеко не каждому.

Известно, какое значение имеет во всяком деле внимание. Им в значительной степени определяется работоспособность, это наиболее утомляемая психическая функция.

Для разных работ требуются различные типы внимания. Химику-лаборанту нужно уметь концентрировать его, сосредоточивать на немногих предметах или действиях; шоферу, напротив, важно уметь правильно его распределять, одновременно сосредоточивать на многих предметах, действиях; ученому необходима устойчивость внимания; радиотелеграфисту и телефонистке уметь не отвлекаться посторонними впечатлениями.

Или взять память. Каждый школьник знает ей цену. Но и память тоже бывает разная. Одна работа требует механического способа запечатления, другая — ассоциативного, третья — логического. В одних профессиях важен объем памяти (машинистка), в других — ее точность (кассир), в третьих — живость или быстрота запоминания (работник справочного бюро), в четвертых — прочность (историк).

Итак — «хочу», «могу», «нужно». Эти три понятия тесно связаны между собой. Поэтому прежде чем окончательно выбрать свой жизненный путь, подумайте: а не споткнетесь ли вы на одном из них? Ведь не всегда «хочу» может реализоваться в «могу», но и оба эти слова — «хочу» и «могу» — вовсе не обязательно будут соответствовать понятию «нужно».

Еще Н. А. Добролюбов писал: «Давно уже кто-то заметил, что на свете нет неспособных людей, а есть только неуместные, что плохой извозчик и вываленный им из саней плохой чиновник, выгнанный со службы за неспособность, — оба быть может не были бы плохими, если бы поменялись своими местами: чиновник, может быть, имеет от природы склонность к управлению лошадьми, а извозчик в состоянии отлично рассуждать о судебных делах... Все горе происходит от неуместности, в которой опять не виноваты ни чиновник, ни извозчик, а виновата их судьба...»

Трудовые потенции разных людей различны. Один обладает восприимчивостью к тонким оттенкам цветов и форм, точною движений руки, красочным воображением, умением подмечать отражение душевных движений на внешности человека, общим различием красивого и некрасивого, — природа подготовила его к труду художника.

Другой наделен хорошим глазомером, тонким мускульным чувством, верной и ловкой рукой, чутким к пластичности металла, пространственным воображением. Он испытывает радость от того, что непокорный металл уступает власти его руки и принимает форму полезного человеку предмета, — такому быть кузнецом.

Человек, который по своим природным данным годен в организаторы, но которого судьба приковала к станку, будет томиться на работе, точно так же, как человек, рож-

денный быть токарем, может оказаться никуда не годным организатором, хотя бы условия воспитания и обстоятельства толкали его на «руководящую» работу.

При идеальном гармоническом устройстве общества каждый человек должен заниматься тем делом, к которому он наиболее способен и склонен. В этом заинтересованы и каждый человек в отдельности, и все общество. Все общество потому, что все работы, необходимые для его процветания, производились бы заинтересованными в них людьми, а значит — наилучшим образом. И каждый человек — потому, что ему приходилось бы выполнять работу, которая ему полезна, в которой он чувствует себя уверенно, которая приносит ему удовлетворение.

Работа, не соответствующая способностям человека, действует на него, как яд. Если она ему непосильна, то ведет к переутомлению, к постоянному недомоганию, к получаемым результатам, к тяжелому, мрачному состоянию души, ослабляющему организм, ведущему к его разрушению. Если же она слишком легка, если она оставляет силы и способности человека не до конца использованными, то эти силы и способности будут искать выхода на стороне или будут пропадать бесполезно. А это тоже ведет к неудовлетворенности человека самим собой и своей жизнью. Ибо тонус рабочего самочувствия человека — это тонус всей его жизни.

Иногда человеку приходится идти к своему призванию очень долго. На этом пути могут быть и разочарования, но если человек знает, чего он хочет, он непременно найдет в конце концов свое любимое дело.

В этом отношении хорошим примером может служить жизнь и деятельность великого русского ученого Н. Е. Жуковского. Весьма неохотно поступил он осенью 1864 года на физико-математический факультет Московского университета — его тянуло к прикладным наукам. Окончив университет без особых успехов, Жуковский поступил на второй курс Петербургского института инженеров путей сообщения, полагая, что на этом поприще найдет свое место в жизни. Однако вскоре он понял, что из-за отсутствия способности к черчению, инженером ему не стать и что его больше привлекает научно-исследовательская работа в области механики. А вслед за тем он обнаруживает в себе интерес к физике, математике, астрономии, ко всему, что связано с проблемами воздухоплавания.

Устойчивая страсть к аэродинамике и теории полета окончательно раскрыли его талант, и он стал отцом русской авиации.

Как видим, склонность может развиваться постепенно. Вот пример.

Владимир Васильевич Бисеров — слесарь-модельщик Чусовского чугунолитейного завода:

— Придя на завод пятнадцатилетним парнем, я уже точно знал, что свое призвание найду в модельном цехе: с детства любил что-нибудь конструировать, выпиливать из дерева. Мне с самого начала нравилось разбираться в чертежах, учиться их читать. Постигать мастерство приходилось с азав. Первые полгода я работал под руководством опытного рабочего. Затем я был переведен в группу основного состава, мне присвоили третий разряд. Сперва было трудно: в группе основного состава с тебя такой же спрос, как и со всех других. Если что-то не получалось, обращался к старшим товарищам, а они никогда не отказывали. Еще через полгода мне присвоили четвертый, а еще через год, после сдачи государственных экзаменов, — пятый. И тут я окончательно убедился, что нашел свое призвание.

Путь к призванию. У каждого человека он свой. У каждого по-своему сложен.

Как долго будет он, кем вы станете, найдете ли вы себя, покажет, конечно, время. Еще раз серьезно подумайте, взвесьте все «за» и «против», представьте будущее понравившейся профессии. И конечно же, всегда помните тайну трех слов, о которой мы вам рассказали: «хочу», «могу», «нужно»!

ЕВПАТИЙ КОЛОВРАТ

Хроника тринадцатого века

**Станислав
ГАГАРИН**

*Рисунки
Н. Мооса*

КОНИ НА КРАСНОМ ЛУГУ

Недавно прошел дождь.

Сырой хворост разгорался плохо, костры дымилась, и дым низко полз над землей, спускался пологим берегом к реке, забивался в камыши и растворялся в холодном воздухе ночи.

Иван почувал: коченеют ноги, и осторожно, чтобы не плеснула вода, переступил, с трудом выдираясь из илистого дна.

Сильнее потянуло дымом от половецких ко-

Журнальный вариант.

стров, к дыму примешались запахи мяса и сыромятной кожи. Иван проглотил слюну.

Камыши стеной поднимались у самого берега Хопра, где передовой отряд половецкого хана Барчака встал на ночевку. Дружина Евпатия Коловрата, воеводы князя Рязанского, укрылась в зарослях ольховника на другом берегу реки. Едва стало смеркаться, воевода призвал к себе сотника Ивана и велел с темнотой подобраться к половецкому стану, выждать время и угнать лошадей.

— Пойдут с тобой, Иван, два ратника, — сказал Коловрат.

— Нет, Евпатий, — ответил Иван. — Лошади по моей части. Один, может, и сумею. А вторым — не выйдет. Спугнем только.

Так и пошел один, и сидит среди камышей по горло в воде половину ночи, а поганые людишки никак не угомонятся. Время от времени поднимает Иван голову к небу и смотрит, как Лось¹ встал и высоко ли поднялись Стожары. Лось хвостом в зорю еще не повернулся, до утра время есть, а вот за полночь перевалило, это точно. В деревьях уже первый спень² прошел, по разу петухи кричали, а здесь какие петухи...

Иван выдрал одну ногу, ил совсем ее засосал, потом другую потянул и медленно стал приближаться к берегу, осторожно раздвигая камышовые стебли.

Неожиданно его пальцы ткнулись в корягу. Он обхватил ствол руками, подтянул тело и лег на корягу грудью.

Дым щекотал Ивану ноздри, и он едва не чихнул, когда совсем уже выбрался на берег Хопра и крался к половецким коням.

Застывшее в воде тело слушалось плохо, но помалу кровь заиграла в жилах. Иван подбирался все ближе, припадая к земле и замирая, едва улавливал шорохи да переклик дозорных.

Вот и кони. Стоят спокойно. Притих, чтоб пообвыкли к нему. Осторожно снял шапку, развернул тряпицу и вынул краюху хлеба, густо обсыпанную крупной красноватой солью.

Ясно горели звезды, но еще немного — и побледнеет небо.

Иван поднял краюху над головой, сам встал на четвереньки и подобрался к жеребцу, что отошел от табуна на десяток шагов. Жеребец пофыркал-пофыркал, ударил копытом в землю и мягкими губами бережно принял хлеб с солью.

«Бери, бери!» — подбодрил его мысленно Иван и мигом взлетел на коня. Торжествующий клич разнесся над уснувшей рекой, под без-

участными звездами, дошел он и до русских ратников, что ждали сигнала выше и ниже по реке от половецкого становища.

Ринулся жеребец в поле, увлекая за собой других коней. Иван клещом сидел на его спине, ухватив за гриву и сжимая упругие бока босыми ногами.

Ночь раскололась от криков, свиста стрел и топота. Позади остались костры и шатры одураченных половцев, впереди была вольная степь, кони мчались и мчались, а ратники Евпатия Коловрата громили врагов, посягнувших на мир и покой русской земли.

Все дальше и дальше уходили кони, и стало Ивану казаться, будто окрылило половецкого жеребца, поднялся он в воздух и летит к звездам. Голова у Ивана закружилась, потерял он опору и повалился наземь.

«Вот и все, — подумал он. — Теперь можно и умереть».

— Не можно, Иван, — услышал он и увидел Евпатия Коловрата.

— Разве не исполнил я, что обещал воевода? — спросил сотник.

Евпатий сощурился и в упор глянул на Ивана. Огладил рукою бороду и усмехнулся.

— Исполнил. Но столько ли надо?..

Когда во вчерашнем dniu сотник Иван по крепкой лестнице поднялся в верхнюю половину просторного овина, по самую крышу забитую духовитым сеном, было за полночь, и был он сам уже в крепком хмелю. Света разжигать не стал, поленился, на коленях подобрался к растеленной шубе, оправил изголовье, сидя разделся. Немного поворочался, голова гудела, а когда совсем было примостился и сквозь медленно выходящий хмель стал думать о завтрашней встрече с Коловратом, сбиваясь порой на иные мысли, показалось Ивану, что будто кликает его кто.

Открыл глаза. Батюшки, да уж и утро наступило! Как это он ночь-то проглядел всю...

И сразу сон свой вспомнил, про недавний бой с половцами, и тут его снова позвали со двора, и Иван заторопился одеваться, а едва порог переступил, ударили на колокольне Успенского собора к заутрене, слева у Бориса и Глеба подхватили, подале, у городских ворот, отозвался Спас — и пошли петь-говорить колокола над столицей княжества Рязанского.

На дворе сотника Ивана — правой руки в дружине боярина-воеводы Евпатия Коловрата — в нарядной одежде стояла Анфиса, его молодая хозяйка.

— Пошто зовешь меня, ладушка? — спросил Иван.

— Ступай к воеводе, — хмурясь, проговорила женщина. — Кликал он тебя давеча.

¹ Лось — Большая Медведица. Стожары — созвездие Плеяды. По ним в древности определяли время ночью.

² Спень — старинное выражение для обозначения промежутков ночи, точнее, ночного сна. («Первый, второй и третий спень, а четвертого не бывает...»).

У кузницы Евпатий Коловрат следил, как закаливали мастера мечи. Он издали заметил сотника и пошел навстречу.

— Табуны уж пригнали, Иван... Или ты забыл уговор: поране выйти на торжище да коней дружине добрых сыскать?

По каждой весне пригоняли под Рязань лошадей на большое торжище, что устраивали на второй день после Николина дня. С задонских степей, с Дикого Поля, из-за елецкого края, со стороны Мокши и Цны гнали коней на Красный луг, окаймленный реками Окой и Проней. Сюда, к Рязани, собирались и поджарые степняки, горбоносые, с тонкими ногами, умеющие по-над полем летать, боевые бахматы и гнедые дончаки с богатырской грудью и высокой статью, заволжские лошадки, ростом невеликие, а выносливости непревзойденной, тяжелые битюги с черниговских уделов, охочие до грубой крестьянской работы... Каких только лошадей не приводили на Красный луг!

И для особых княжеских выездов, предназначенных по отдельному заказу конюших, приводили из-за южных морей добытых, невиданных в русской земле красавцев с чисто-белой шерстью по черной коже...

— Мои сборы недолги, — сказал Иван Евпатию Коловрату. — Глаза на месте, руки, слава господе, по-прежнему к плечам пришиты. Будем смотреть да щупать. Готов я.

Весь день пробыли они на Красном лугу: нелегкое это дело — коня выбрать. А когда их десятками отбираешь — того хлопотней. Однако всякая работа к концу приходит... Порешили и эту, а Коловрат стал звать Ивана и помощников его к обеду, который по времени и за ужин бы сошел. Тут Иван вывел последнего коня — каракового жеребца. Тот косил глазом на ведущего его за узду человека, нервно подрагивал резко очерченными ноздрями. Иван подвел коня к Евпатию и сказал:

— Возьми на племя. Хороших кровей конь.

— Дик он, пожалуй, — ответил Коловрат, — необъезженный еще...

— А это мигом, — сказал Иван, — испробуем молодца... Держите его, парни, изготовьте для пробы!

Никогда не носил жеребец человека. А как почуял, что оседлали его, взвился с Иваном свечкой в синее небо. Только земля его назад притянула, и удила едва не разорвали губ. Снова поднялся конь, и опять принудил человек вернуться на четыре ноги. Опасался Иван, что может жеребец с размаху опрокинуться на спину, и придавит его остервенелая животина. Но этот конь был гордым жеребцом. Не мог он рухнуть на землю, не мог позволить себе такого. Коротко заржав, ринулся жеребец на людей, расступились люди, и он понесся невиданным резким бросом, кидая по особому вперед длин-

ные ноги, обвитые сеткою жил и сухих мышц. В мгновение ока пропал Иван с Красного луга, товарищи только головами покачали.

А конь нес и нес сотника Ивана и не проявлял намерения сдаваться. Седок давил ему бока ногами, рвал удила, усмиряя прыть, но жеребец будто не чуял и все дальше и дальше уносил человека на могучей своей спине.

Страху Иван не испытывал, не впервой коней объезжать. Дал он пробеситься, промяться жеребцу, чтоб уразумел человеческую силу, смирился с нею. А когда понял, что созрел гордый карак, тут и сжал Иван коню бока сильнее, затянул удила, и вдруг остановился жеребец, так и застыл на месте, как вкопанный.

Становился и грустно заржал. Твоя, мол, взяла, человек. Значит, так и быть, принимаю на себя твою волю.

В РЯЗАНЬ С НЕДОВОРОЙ ВЕСТЬЮ

— Оживи костер, Федотушка, — сказал бородатый ратник по прозвищу Медвежье Ухо.

Федот Малой, прозванный так потому, что в дружине Евпатия Коловрата был и второй Федот, Корень, нашарил в неровной от света костерища темноте сучья и швырнул их в огонь. Поначалу потемнело, потом сухие ветки занялись, и круг людей, обсевших костер, стал шириться.

Ратники недавно поужинали. Часть дружины стояла в дозоре, а те, кому менять полагалось дозорных, спать не ложились, ночь была уж очень хороша, ночь на Ивана Купала. И места добрые здесь, на берегу Хопра, по южной границе княжества Рязанского. Вот уже третью неделю стояли ратники Коловрата, ожидая очередной вылазки хана Барчака...

— Дядь, — обратился Федот Малой к Медвежьему Уху, — про «огонь-цвет» расскажи. Ведь его только в сегодняшнюю ночь и сыскать можно... И еще говорят, что ты про все знаешь.

Был Федот еще безусым парнем, пошел он с дружиной впервые, смиренный был, приучен уважать старших. Молодого ратника в дружине приняты тепло, хоть и подсмеивались над ним, по-доброму, беззлобно, понимая, что Федот Малой — это они сами в минувшие годы.

— Я-то что, — молвил Медвежье Ухо, — знать знаю, да язык коряв, не на то даден, чтоб говоренки складывать, больше по каше язык мастак. Сотника надо просить.

— Ладно вам, — откликнулся сотник Иван, — не до говоренок. Завтра ране выступаем, спали б лучше.

Замолчали ратники. Были их мысли далеко

отсюда, в Рязани-матушке, где остались жены, матери и ребятишки. От шумного гулянья в честь Ярилы — древнего поверия о том, как полюбило Солнце Землю — никто б из них не отказался, да что поделаешь, если тревожат родную землю враги, и не будь удалцов и резвцов рязанских здесь, у Дикого Поля, никаких праздников на Рязанщине не было бы вовеки.

Менять стражу отправился Иван. А воевода Евпатий Коловрат прилег у костра. Так, незаметно, и задремал.

Пробудил Евпатия боевой клич. В один миг он был на ногах. Дружинники спешно разбирали оружие, ржали кони.

Вот ворвался в лагерь гонец, подлетел к конному уже Коловрату и, задыхаясь, прокричал:

— Тревога, братья! Тревога!..

Тревога оказалась не то чтобы ложной, но и не тревогой вовсе, потому как биться рязанским удалцам было не с кем. Через Хопер переправилась конная группа половцев и на посты напоролась. А ночь едва на уход пошла, в темноте и не разобрать — двадцать ли конников вылетело на сидевших в дозоре ратников али все двести и поболе.

Иван тогда находился у дальнего края стражи, но клич услышал и отправил к отряду гонца поднять в лагере тревогу, ведь береженого бог бережет...

Был у князя Юрия Рязанского неплохой товарищ, хоть и не русской веры, — дальний родственник хана Барчака, хан Куштум. С половцкой родней Куштум не ладил, а с рязанцами и торговлю вел, и в гости ездил, старался все дела обделать добром и миром. Это он и переправлялся через Хопер, собираясь в Рязань с важной, как сказал он Евпатию Коловрату, вестью для Юрия Ингваревича.

Радуясь, что ошибка быстро объяснилась и не пролилась по случайности кровь, воевода и хан решили позавтракать вместе, благо короткая ночь съежилась, поблекла, наступил день Ивана Купалы, и Ярила выплыл из-за окоема, радуя новым днем землю-кормилицу.

— Пошто так спешил, хан? — спросил Евпатий Коловрат. — И ночью не оставил путь-дорогу...

— Нехорошую весть везу великому князю рязанскому, — ответил Куштум. — Ты верный его воин, тебя давно знаю, потому-то тебе откроюсь.

И рассказал хан Куштум, что из-за Великих степей, они лежат за южным морем, с другого края земли движется неисчислимое войско могучего Бату-хана. Когда идет орда, так называют это войско, пыль, поднятая копытами лошадей, затмевает солнце, и наступает ночь. Многие царства покорил и предал огню Бату-хан. Недавно с Булгарским царством расправился,

разорил его, и теперь, как доносят с берегов Волги верные Куштуму люди, идет на закат солнца, через мордовские племена, воевать здешние земли.

— У нас разная вера, Коловрат, — сказал Куштум, — но мы соседи. Плохо ли, хорошо, но как-то уживались между собой. И даже на Калке бились вместе. Хан Барчак — другое дело, он не может жить в мире с любым соседом, и со мной тоже. Вот и иду я к рязанскому князю... Пусть он узнает об опасности тоже. Ведь Бату-хан сначала половецкие пастбища захватит, вытеснит нас в леса, а потом и за рязанцев примется. Значит, судьба у нас одна, Коловрат, и надо нам соединить оружие.

— Доброе дело затеял ты, хан Куштум, — сказал Евпатий, — жаль только, что нет сейчас здесь, у этого костра, всех русских князей, послушали б, как иноверец призывает к объединению. Перестали бы, может, затевать распри... Скачи, добрый человек, в Рязань-матушку, поведай обо всем князю Юрию, а я пошлю с тобой свою правую руку, сотника Ивана со товарищи, чтоб проводил достойно...

Недолго собирался Иван в дорогу. Выбрал он в попутчики Федота Малого да Федота Корня, да Медвежье Ухо. Отец Ярила не высоко над окоемом приподнялся, когда отряд половцев с ханом Куштумом и рязанскими удалцами, простившись с дружиной, втянулся в густую дубраву.

Конники торопились. Где позволяло, пускали лошадей в галоп, не жалели их.

Второй день уже лил дождь, летний теплый дождь, который был ко времени и для набиравших силу хлебов, и для луговых трав, сенокосная пора еще не приспела.

Когда изрядно вымокшие путники выбрались к берегу Прони и двинулись им, чтоб выйти к Рязани, лежащей в четырех верстах от устья, дождь порастратил силу, постепенно сошел на нет. Небо посветлело, за лесом, на закатной стороне, обозначилось багрище, там готовилось к ночлегу солнце. А тут и кончилась чашоба, тропа стала поторнее, лошади прибавили рыси, чуя пристанище. Половцы хана Куштума и сопровождавшие их рязанские ратники вымахнули на вольное перед городом поле, и едва конники оказались в виду Рязани, ударили в колокол у Спаса: заприметили их.

О Рязань! Престольный город княжества Рязанского, столица земель русских, что раскинулись на берегах вольной Оки до самой Волги, если идти к восходу солнца, а на полдень — до Дикого Поля, начинавшегося за Хопром и Польным Воронежем. На западе граничит Рязанское княжество с землями князей черниговских, сродников приокских князей и самого Юрия Ингваревича, державшего престол в Рязани, и братьев его, Олега Красного, что сидит в Переяславле,

верст за шестьдесят вверх по Оке, Давыда Ингваревича Муромского, Всеволода Пронского и Глеба Коломенского. А к северу от земель рязанских — обширная страна гордого князя Юрия Владимирского, сына Всеволода Большое Гнездо, правнука Владимира Мономаха.

Рязань... За высокими, рубленными из вековых мешчерских сосен, стенами, вознесенными по краю Плоского холма, раскинулся шумный и уютный город.

С какой стороны света ни выходил бы путник к Рязани, он видел прежде всего поднявшиеся над деревянным городом каменные храмы.

Главным из них был Большой Успенский собор, поставленный князем Ростиславом, внучатым племянником Олега Святославовича Черниговского и Тьмутараканского¹. С собора этого и началась своя, рязанская, школа зодчества. И хоть напоминал Успенский собор Великую Успенскую церковь во славному Киев-граде, а стать имел свою, и кладка была иная, не из белого камня, как во Владимире и Суздале, а из тонких плит жженого кирпича, красные ряды его перемежались белым раствором и нарядно смотрелись и вблизи, и издалека.

Князья рязанские издавна себя считали сродниками святых Бориса и Глеба, и потому Глеб Ростиславович, обороняя вотчину свою от Мономаховичей, князей Владимирских, просил князей-братьев заступиться перед господом за землю рязанскую и поставил в честь имени их Борисоглебский собор. Был этот собор помене Успенского, а сделан роскошнее. Князя Глеба гордыня никогда не оставляла.

Позднее и третий собор появился в Рязани — Спасский.

Когда отделилась Рязань от Черниговской епархии и собственный владыка сел во граде на Оке, тогда и построили его, собор Спасский. Строили его сами рязанцы. Правда, приезжал на смотрины черниговский зодчий Петр Милонег, понравилось ему, как возводили рязанские мастера высокий венец храма, а малые купола его шли ярусами. Был храм одинаков по сторонам, четыре круглых столба внутри, приделы с главками...

А как богат был храм! Иконы, плашаницы, золотая и серебряная утварь чеканки непревзойденной, с камнями невиданной красоты, хоросы, подсвечники, паникадила, медные врата, расписанные золотом. А главное — икона Николы Зарайского рязанского письма. Был этот Никола написан с поднятыми руками — защищал от врагов людей русских.

Хранились в рязанских храмах и византийская «Одигитрия», принесенная из Афона, а из

Чернигова — «Редединская икона», где изображалась богоматерь, напутствующая черниговского князя Мстислава на победный бой с козожским князем Редедей. И самая древнейшая святыня русская — «Муромская Богоматерь».

И много всякого узорочья было в славной Рязани. А более всего богата она была удалцами и мастерами, они жили в городе, построенном руками их отцов и дедов, не хотели иных вод и земель, и неба чужого, но за свое готовы были постоять.

И вот к этому городу с берегов Волги, с земли разгромленного уже Булгарского царства двигался на Русь враг неумный, и с вестью об этом спешил инородный хан.

Когда конный отряд подошел к городским воротам, навстречу вышли войны под началом княжеского вратаря. Его возвестили, что конники близятся половецкие, а потому и принял вратарь все необходимые меры предосторожности — и ворота закрыл, и людей поднял.

Половцы сдержали лошадей, а Иван с товарищами выдвинулся вперед.

— Эгей! — крикнул он. — Половецкий князь Куштым самолечно с малою дружиною следует с важным делом к князю Юрию Рязанскому. А я от воеводы Коловрата, состою при хане в проводниках, али не признали меня?

— Признали! — отозвался вратарь, ступил в сторону и махнул к воротам. — Скричите на княжий двор: гости будут! Да ворота открывайте!

И, обернувшись к Куштому, промолвил:

— Добро пожаловать в славный Рязаньград!..

Неподалеку от княжьего двора встретили путников люди Юрия Ингваревича, почетно проводили в гостевые покои, предложили коням место и корм, малую еду гостям, потому как большая еда ждала у княжеского стола, когда принимать хана и его людей будет сам хозяин, князь рязанский.

А сотник Иван, передав половец княжьим дворовым и конюшим, счел заботы свои поконченными: Он сказал старшему из княжьей охраны, что подастся домой, а будет в нем надобность какая — кликать его; сотник Иван всегда будет наготове и настороже.

После жаркой бани, когда сидел Иван на крыльчке, глядел, как парит мокрая земля, пил квас холодный, посматривая на небо, где к вечеру собирались кучевые облака, тогда и пожаловал к нему на двор высокий седой старик.

Доводился он дядей Иванову отцу, значит, как бы двоюродный дед сотника. И прозвище имел Верила. Жил Верила при князьем дворе, большой был учености человек. В молодые годы попал Верила в полон, чудом избежал смерти, но рабства хлебнул вдоволь. Побывал за тремя морями, бежал не единожды, был бит многаяжды, науку прошел всякую и уже в зрелом возрасте

¹ Один из героев «Слова о полку Игореве».

сподобилось ему вновь увидеть родину, на что надежду уж было потерял.

Ввиду великой мудрости старика князь держал его в своих хоромах. Верила записывал в книгах все, что бывало в разные лета на земле рязанской, а также и в том мире, который окружал ее. Верила и Ивана обучил грамоте, и книги ему читал, не только русского письма, но и греческие, арабские, иудейские, румские — чужой язык был ведом Вериле, как родной.

Увидев старика, сотник поднялся и стоял в длинной холщовой рубахе, красный от банного жара.

— Здоров будь, Иван, — сказал Верила.

— Пусть оставят тебя болезни, Верила, — ответил ратник.

— В бане паришься, — сказал старик, — а того не ведашь, что всему князьему двору баню задал: с ног сбились твоих половцев угощаячи.

— То хорошие люди, — возразил Иван. — Я стольким людям их племени головы посрубал, что могу так говорить об этих, что сам привел.

— Не спорю, — сказал Верила. — Ведомо мне, какие вести привез хан Куштум. Уж и княжий совет собрали, и гонцы в разные уделы поскакали, князь Юрий братовьев созывает. А сейчас уединился с половецким ханом и ведет потайную беседу. Я за тобою послан, Иван. Кличет тебя князь, одевайся, как воин, не на бражную долю кличут, на служилое дело.

...Князь Юрий Ингваревич скоро принял хана Куштума. Когда собрались бояре, хана и ближних его людей с почетом ввели в горницу, внесли подарки, привезенные гостями для князя. Едва появился Юрий, как по знаку Куштума выбежали вперед половцы и стали класть у ног хозяина богатые дары. Улыбнулся князь, обошел гору подарков, выросшую в мгновение ока у его ног, подошел к хану и протянул руку.

— Добро и мир тебе в нашем доме, хан Куштум, — сказал Юрий Ингваревич.

Хан принял княжью руку, пожал ее, затем свои руки сложил на груди и поклонился.

— Мир и тебе, князь Юрий, да не оставят боги тебя своей милостью. Прими жалкие дары в знак дружбы и покоя между нашими племенами.

После приветствий началось потчеванье гостей, пиршество князь Юрий затеял в честь хана отменное. Куштум не стал говорить о дурной вести князю при всех, но улучил время, чтоб пожелать встретиться тайно. Гости и бояре бражничали за столами, а хозяин с Куштумом покинули всех и уединились в укромные покои, куда вскорости вызвал Юрий Ингваревич старца Верилу и отправил за сотником Иваном...

Старик с внучатым братичем¹ прибыли на

княжий двор и велено им было подождать особого зова.

— Боязно мне за землю нашу, — сказал Иван. — Половцы сказывали, что дни нужны, чтоб только объехать войско Бату-хана.

— Что ж, будем биться, — ответил Верила. — Ходили к нам хозары, ходили печенеги, бывали и половцы. И всегда стояла Русь. Тут другое опасно: нет сейчас единства между князьями...

Вышел старший княжьей охраны.

— Князь ждет тебя, Иван, — сказал он. — Идем со мной.

— С богом, воин, — сказал Верила. — Иди служить князю...

— На Калке русские и половцы сражались вместе, — вел беседу хан Куштум. — Тогда богам нашим угодно было объединиться и повернуть оружие против общего врага — хана Чингиза, деда нынешнего властителя орды.

— Великий князь Ингвар Рюрикович, — задумчиво произнес Юрий Ингваревич, — как говорят старые летописи, поплатился жизнью, когда повадился в древлянскую землю ходить за данью. Если б на Калке мы в корень разбили Чингиза, то не дождался бы внука снова у своих границ...

— Ты веришь своим соседям? — спросил Куштум. — Князьем Владимирскому и Мстиславу Черниговскому?

Юрий Ингваревич не ответил, опустил голову, затем, не глядя на хана, налил в кубок медовухи, не отрываясь, выпил.

— Надо верить, хан, — ответил он. — Как жить тогда, без веры в близких?

— Я приведу своих воинов к тебе, князь Юрий.

— У меня есть другая мысль, хан.

— Слушаю, князь.

— Сейчас пришлют сотника из дружины Коловрата. Его я отправлю к Евпатию, чтоб передал Коловрату поспешить сюда немедля, а самого сотника оставлю у края Дикого Поля. Ты же собирай войско и держи его наготове. Сотник Иван со дружиною будет нитью, которая сведет тебя со мною. Когда мы соберемся ударить на Бату-хана, я сообщу тебе время, и твои воины набросятся на орду с тыльной стороны. И если помогут нам боги — одолеем...

— И снова прольется кровь... — задумчиво сказал хан Куштум. — Мой дед говорил мне, что раньше люди жили в зверином обличье и мучились так, как мучаются звери, которых мы берем в пищу или заставляем работать на себя. И еще говорил отец моего отца, что людям суждена двойная мука. Сначала они терпят боль и зло, как звери, потом будут страдать, как люди. Сейчас мы во втором круге зла и боли, князь Юрий.

— А третьему не бывать, — ответил князь. —

¹ Братич — племянник.

Пей медовуху, хан. Я выйду послать гонца за Евпатием Коловратом.

...Была в ту пору еще одна встреча. По пути заехал Евпатий к князю Ингварю Ингваревичу. И когда они под вечер остались в горнице одни, сказал напрямик:

— Слышал я намерни от половецкого перебежчика из орды, что будто есть у Бату-хана толмач из русских, из рязанских земель. Он и ведет татар к нам, показывает путь-дорогу. Ужель такое возможно, князь Ингварь?

— Слышал и я про то, Коловрат. Слышал, будто предатель — княжеского рода. Ежели верно это, то сдается, что известен злодей.

— Кто же он?

— Братоубийца. Князь Глеб Владимирович! Вот кто!

— Неужто?! — воскликнул Евпатий Коловрат. — Говорили же, что бежал он к половцам, к хану Барчаку пристал, а потом и вовсе пропал...

И Коловрат, и князь Ингварь были мальчишками, когда двадцать лет назад в селе Иса-

ды свершилось неслыханное злодеяние. В 1216 году скончался последний из старших Глебовичей — князь Роман. Тогда рязанские Владимировичи, братья Глеб и Константин, собрали в Исадах съезд всех удельных князей, чтоб рассудить княжеские уделы. Большой пир устроили для собравшихся гостей Владимировичи в своем шатре. А тем временем князь Глеб стакнулся с ханом Барчаком, заручился его поддержкой. Пировали в шатре рязанские князья, когда ворвались туда люди Глеба и Константина, а также половцы-головорезы Барчака. Перебили всех князей с их близкими. Извели каины и родного брата своего, Изяслава, он противился братоубийству. Убили они и двоюродных братьев: князя Кир Михаила, князей Ростислава и Святослава Святославовичей, Романа и Глеба Ингваревичей. Уцелел лишь отец нынешнего князя рязанского — Ингварь Ингваревич. Предшественник Верилы, летописец рязанский Опака, в крещении Андрей, записал тогда, в лето 6725, в Ильин день¹: «Владимировичи првие убо сии

20 июля 1217 г.

оклеветаша дядей своих и братью свою и много крови пролиаша, и убийство сотвориша, та же ныне второе умыслиша збити всю братию». А Ингварю Ингваревичу суждено было уберечься от участи сродников. «Ингвар же не успе приехать к ним, не бе бо приспело еще время его...»

Был тогда Ингварь Ингваревич переяславским князем, а как узнал о злодеянии, поднял весь народ. Настиг убийц в верховьях реки Прони. Не помогла им и половецкая подмога Барчака. Константин в бою на Проне был убит, а разгромленный начисто Глеб «беглаша в полонщи». И вот объявился, каин...

— Но, может, это и кто другой? — спросил Евпатий.

— Хорошо б, коли так. Позор превеликий, когда не простой человек, а княжеской крови изменяет родной земле.

— И простому позор не меньший, — возразил Коловрат.

— Тебе-то не понять, Евпатий, — сказал князь Ингварь. — Не сердись, мы все тебя любим, знаем верность твою и отвагу. Да только надо родиться князем, чтоб уразуметь такое...

— Спасибо, князь, — поднялся Коловрат,

скрывая обиду от княжьих слов. — Ехать мне надо.

Он согнулся у притоки, чтобы пройти, и открытую уже дверь придержал, когда оборотился к Ингварю Ингваревичу:

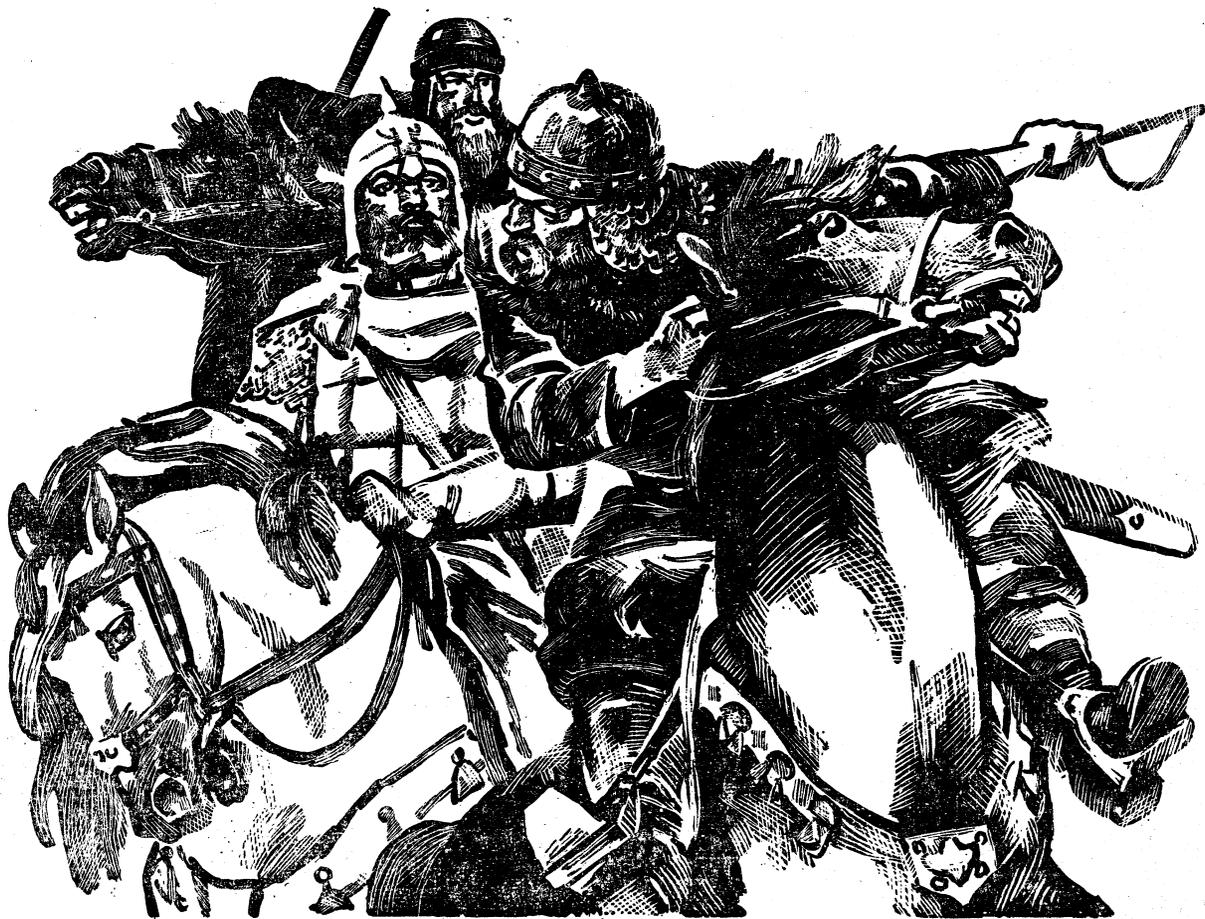
— Может, ты и прав, князь, по-князьему никогда не уразуметь мне. Только окажется если, что тот толмач и советник Бату-хана князь Глеб, душегуб исадский, то я его сам в битве мечом достану. Тут я лучше любого князя уразумею. Ты уж не обессудь, Ингварь Ингваревич.

Сказал так и вышел.

СТАН БАТУ-ХАНА

Едва весть о переходе через Волгу войска Бату-хана достигла шатра половецкого хана Барчака, он немедля собрался в дорогу, приготовив в дар внуку Чингиз-хана самое ценное, что могло найтись у него.

Но дары дарами... Хан Барчак понимал, что дарами жадность Бату-хана не утешить: немало

уже награбил тот в богатых торговых городах болгар и тюрских народов. Хан Барчак уповал на особую роль, которую сыграл он в битве на Калке-реке, той битве, что тринадцать лет назад выиграл дед нынешнего Повелителя Вселенной у русских и его, Барчака, соплеменников. Может быть, внук не был посвящен Чингизом или отцом своим, ханом Джучи, в эту тайну, так он, хан Барчак, поведаст ему о ней, докажет, что и сейчас старый Барчак пригодится Повелителю. На все готов, лишь бы разделаться с ненавистными руссами, и всенепременно — с проклятым Коловратом, ратники которого не раз заставляли Барчака прятать лицо в конский навоз.

Люди хана постоянно следили за передвижением войска Бату-хана, и когда Барчаку сообщили, что тот разбил лагерь уже недалеко от границ руссов и, следовательно, встал на его, Барчака, землю, хан выехал в стан Повелителя Вселенной, выслав перед собой табун отличных лошадей и приготовленные дары.

Уже на половине дороги нагнал отряд хана запыленный, закутанный до глаз всадник. Всадник ловко сидел на взмыленной лошади, по обличью и повадкам — половец. Воины Барчака вмиг окружили незнакомца, обнажили оружие, и старший охраны крикнул, чтобы неизвестный открыл лицо. Но приблизившийся Барчак приказал отступить от не произнесшего ни слова половеца и, когда воины отъехали, жестом предложил таинственному незнакомцу следовать за ним...

Оба всадника оторвались от отряда на сотню лошадиных корпусов, и было видно, как неизвестный, размахивая рукой, принялся рассказывать о чем-то Барчаку. Потом незнакомец, так и не открыв своего лица ни разу, исчез в поле, а отряд продолжал путь...

Едва миновали плоский, покрытый редким лесом курган, вдруг словно из-под земли появились сторожевые воины Бату-хана, в высоких мохнатых шапках, скуластые, словно слившиеся со своими низкорослыми, неутомимыми лошадьми. Они с гиканьем, леденящим душу воем окружили половец со всех сторон, держа наготове тугие луки.

После недолгих переговоров Барчаку разрешено было продвинуться вперед, до второй линии заграждения. Там половец, которых сопровождали теперь два монгола, встретил второй отряд. Здесь людей Барчака отделили и под конвоем отправили к отведенному им месту на внешнюю сторону монгольского лагеря, тянувшегося от горизонта до горизонта, а самому хану с оставленными ему тремя слугами было велено следовать в шатер для гостей Повелителя Вселенной и там ждать, когда Бату-хан соизволит принять, а может быть, и не принять половецкого хана...

Молодой монгол с редкой бородкой клинышкой и жидкими висячими усами сидел перед роскошным, с золотой ниткой ковром, заставленным изящной посудой с простой мясной пищей. Он брал мясо рукой, порой прибегал к помощи ножа, лежащего перед ним, изредка вытирал засаленные руки прямо о халат, в который был облачен.

Наискосок от него и немного пониже неторопливо насыщался старый, с изрубленным лицом и навсегда закрывшимся глазом, воин. В отличие от молодого монгола, жадно хватящего мясо, громко сопящего над едой, старик ел аккуратно, отправляя в рот небольшие куски мяса, тщательно прожевывая их.

— Ты не можешь сомневаться, мой храбрый и верный Сыбудай, в том, что боги благоприветствуют нашим великим начинаниям, — сказал молодой монгол, обращаясь к старику, и было видно, что он вернулся к разговору, который уже возникал в шатре не впервые. — С булгарами мы расправились шутя. Также побьем и руссов. Мне известно, что руссы — сильный противник, но сейчас их князья дерутся между собой за власть, как стая шакалов за труп сулика.

— Это все так, мой Повелитель, — согласился Сыбудай, — но поверь мне, Бату-хан, старому воину поверь... Есть правило, его придерживался и твой несравнимый ни с кем дед. Когда собираешься начать битву, считай своего противника равным себе. Не забывай об этом, Бату-хан.

— Равным на земле? — презрительно переспросил Бату-хан. — Но даже боги на небе не равны между собой! Есть главные боги, они держат в руках весь мир, все помыслы людские. Есть боги поменьше, они боги только для нас. И они соотносятся между собой, как десятские и сотские с тысячниками и темниками. Таков порядок всего мира! И если я определен быть вождем монголов, значит, этого требуют боги. Они хотят, чтобы я раздвинул свои владения от моря до моря. И поверь мне, Сыбудай, Повелитель Вселенной омоет копыта своего белого скакуна в водах последнего моря, за которым нет уже ничего.

— Ты прав, Бату-хан, — произнес задумчиво Сыбудай, откладывая в сторону нож, которым он разрезал мясо. — Ты прав, мой молодой и мудрый повелитель! Я уверен — ты разобьешь руссов, возьмешь богатую добычу в их деревянных городах. Но... повремени с выступлением. Князь Глеб долго рассказывал мне о своей земле. Он предупреждал, что руссы могут заманить противника туда, откуда ни человек, ни конь не могут выбраться. Эти места проходимы лишь в сильный холод, когда они замерзают. Станет холодно, и мы выступим на руссов, наши воины сами будут рваться вперед, чтобы согреться у

костров, сложенных из их городов. Потерпи немного, о Бату-хан!

— Я знаю, что могу верить тебе, как самому себе, Сыбудай.

Наступило молчание. Бату-хан отодвинул полуобъеденную баранью ногу. Затем пристально посмотрел на Сыбудая. Но старый полководец не отвел своего единственного глаза. И тогда Бату-хан сказал:

— Знаю, что могу верить тебе, Сыбудай. Наверное, твой опыт полезен. Но я хочу сам говорить с бывшим князем руссов, сам хочу смотреть в его глаза. Ты учил меня, Сыбудай, не доверять предателям. Тот, кто предал один раз, предаст снова. Уверен ли ты в этом человеке?

— Я никогда не доверял предателям, — глухо ответил Сыбудай. — Но этого изгнали соплеменники, он ненавидит их. Жажда власти может далеко увести. И ты поощрай князя Глеба в его надеждах, пусть думает вернуть себе власть из-под копыт твоего скакуна. Тогда он будет верен тебе. Исчезнет надобность в его услугах — ты стряхнешь его, как колючку с шерсти верблюда, и пойдешь дальше.

— Я хочу видеть его и говорить с ним, — сказал Бату-хан.

— Будет исполнено, Повелитель.

Сыбудай распорядился, и вскоре в шатре перед Бату-ханом появился бывший рязанский князь Глеб.

Он склонился перед молодым монголом, сидящим, с остатками былого величия на лице, человек, уже много лет кормящийся из рук хана Барчака и властителей городов, лежащих за Большой степью, а теперь вот — служающий Бату-хану. Жалкая угодливость и стремление не забыть о своем княжеском прошлом, страх раба и дерзость человека знатного происхождения — сложными были чувства, определявшие сейчас поступки этого изгоя.

— Ты можешь сесть и взять себе кусок мяса, — сказал Бату-хан, с любопытством всматриваясь в заросшее густой бородой лицо. — Садись, князь Глеб.

Глеб медленно опустился у ковра в стороне и немного позади Сыбудая, но к мясу не прикоснулся, и застыл, глядя мимо Бату-хана, естественно прямо держа спину. Эта прямая спина разгневала Бату-хана, и он был готов уже кликнуть верных нукеров, чтоб те прижали пятки этого дерзкого ублюдка к его же затылку, чтоб он, Бату-хан, насладился звуком хрустнувшего позвоночника, и молодой монгол так бы и поступил, если бы не было недавних слов Сыбудая.

Хан подавил гнев, запрятал его, но для этого ему пришлось помолчать минуту-другую, и пока он молчал, в шатре сгустилась тишина, и никто не знал, что взорвет ее сейчас.

— Мясо хорошее, князь Глеб, — укротив

себя, тихо сказал Бату-хан, — в моем шатре едят только хорошее мясо, князь Глеб.

Глеб вздрогнул. Он с ужасом понял вдруг, что только чудом избежал смерти, едва не переиграл в жалких потугах остаться независимым здесь, в шатре человека, не знающего пощады ни к врагам, ни к друзьям. Глеб низко склонился и задрожавшей рукой потянул к себе кусок мяса с ханского ковра.

Бату-хан вздохнул, встретился глазами с Сыбудаем, увидел, как старик ухмыльнулся и перевел взгляд на Глеба.

— Мой верный и храбрый Сыбудай сообщил, что ты рассказывал ему про страшные земли руссов, где не может пройти ни пеший, ни конный. Так ли это? — спросил Бату-хан.

Глеб с усилием проглотил, не прожевав до конца, кусок мяса, проглотил, едва не подавившись, и поднял глаза на Бату-хана.

— Да, Повелитель Вселенной. В русской земле, и чем дальше от границ Поля забираются болота. Они идут там, где есть лес, а лес на Руси повсюду. Особенно страшны мшары, так мы их называем. Мшары — между Рязанью и Владимиром, в лесной стороне, где живут народы мурома и мещера. Летом все пути там исчезают вовсе, водою можно пробираться в чаще, но твое войско, Бату-хан, к водной дороге непривычное...

— Не тебе, князь Глеб, судить о том, к чему привыкли или не привыкли мои воины, — оборвал Бату-хан. — Ты отвечай на мои вопросы, за тем тебя и звали сюда. Какова глубина этих проклятых мест?

— Никто не мерил их, Повелитель Вселенной. У нас бояться туда ходить, потому как попавший во мшару человек али зверь какой выбраться обратно не могут.

— Хорошо, — сказал Бату-хан, — этому я поверил. Скажи теперь, князь Глеб, если бы ты вел сейчас войско на русские города, как бы ты поступил?

— Я дождался бы морозов, Повелитель. В сильные холода вода замерзает, и поверхность мшары становится твердой, держит и одинокого всадника, и конный отряд.

— Что ж, подумаю над твоими словами... Ты, кажется, хотел сказать что-то еще?

— Да, Бату-хан. Прости меня, что даю тебе советы, но хочу сказать, чтоб ты не думал о корме для лошадей твоего войска. Русские издавна запасают сено впрок, на всю зиму, для лошадей и скота. В любой деревне твоих воинов будут ждать горы духовитой мости, которая придется по нутру монгольским скакунам. Не бойся зимы.

Бату-хан переглянулся с Сыбудаем. Русский изгой и вправду оказался ценным. И Бату-хан сказал:

— Что ж, за хорошие советы надо вознаграждать. Дарю тебе халат со своего плеча, князь Глеб. Но я бы очень не хотел, чтоб в стане моего врага был такой монгол, как ты. Распорядись, Сыбудай, чтоб все-все покинули нас, и охрана тоже, я хочу один на один задать этому князю вопрос.

Когда они остались вдвоем, Бату-хан велел Глебу подсесть поближе, совсем рядом, и тогда, склонившись к его лицу и пристально всматриваясь в глаза, тихо спросил:

— Скажи мне, князь Глеб, правду. Можешь?

— Я всегда готов верно служить тебе, Бату-хан. — растерянно ответил Глеб.

Бату-хан сморщился и махнул рукой.

— «Служить, служить», — повторил он. — Мне не это, мне твоя душа нужна. Говори: ты убил своих братьев и братьев своего отца, чтобы ни с кем не делить власть?

— Да, — сразу ответил Глеб, не отводя взгляда от глаз Бату-хана. — Да...

Бату-хан поцокал языком и отодвинулся.

— У меня тоже есть братья и один брат моего отца, великого Джучи-хана, — задумчиво произнес он. — А власть может быть только одна... Если ее разделить — это уже не власть. Не так ли, князь Глеб?

Глеб не ответил. Трудно сказать, где были сейчас его мысли. Может быть, он вспомнил спор с Изяславом, родным братом, противившимся исадскому избиению, за что и лишился Изяслав живота от руки брата своего. Или слышал страшный крик одноименника, князя Глеба Игоревича, проткнутого копьем, раздирающий душу крик, который оборвал лишь удар половецкой сабли, снесший ему голову. А может, видел себя в последней битве с разгневанными бойней в Исадах удалцами рязанскими, изгнавшими князя-убийцу из родной земли... Кто знает, о чем думал Глеб. Но Бату-хан снова спросил:

— Мог бы ты, князь Глеб, чтоб власть вернуть, вновь убить своих братьев?

И Глеб, словно очнувшись, твердо ответил:

— Да, Повелитель!

Наступило молчание.

Наконец, Бату-хан хлопнул в ладоши, появился Сыбудай, отовсюду выросли фигуры телохранителей. Сыбудай с тревогой всматривался в молодого монгола, пытаясь угадать, о чем тут шла речь? Не о нем ли? О Сыбудаем? Ведь и его жизнь всегда на волоске.

Но лицо Бату-хана было непроницаемым...

Глеб отдалился от шатра шагов на двадцать, когда увидел хана Барчака, которого вели под руки два рослых монгола. Хан и Глеб узнали друг друга, но не ведая еще ничего о положении друг друга в монгольском стане, не подали и вида, что знакомы.

— Я знаю об услуге, оказанной тобой моему великому деду, — сказал Бату-хан Барчаку, — и принимаю твои дары, будучи уверен, что принес ты их не только от страха, который испытывают все народы, слышав топот монгольских коней.

— О, благодарю тебя, великий и несравнимый Повелитель! — вскричал, стоя на коленях, хан Барчак. — Но я принес тебе не только дары. Старый хан Барчак может быть и теперь полезен. Важная, очень важная весть, о Бату-хан!

Сыбудаи придвинулся к Барчаку, Бату-хан нахмурился и приказал:

— Говори, старик!

Посунувшись вперед, Барчак торопливо заговорил, пришепывая и брызгая слюной. Он сообщил, что по пути к монгольскому стану встретился со своим верным человеком. Человек этот давно служит ему, хану Барчаку, он объяснил хану жизнь, и поэтому на него можно положиться. Этот человек был пристроен им, Барчаком, в личную охрану к хану Куштуму, этому ублюдку, и побывал недавно вместе с ханом в Рязани. Подробностей пока, к сожалению, нет, но доподлинно известно одно: хан Куштум договорился с Юрием Рязанским выступить против Повелителя Вселенной вместе. Князь Юрий созвал своих братьев в Рязань, все города готовятся к обороне, собирается войско. Отправил гонцы просить подмоги в Чернигов и Владимир, какие вести пришли оттуда, неизвестно, так как хан Куштум покинул Рязань сразу после отъезда гонцов. Вот все, что мог узнать хан Барчак от своего верного слуги, и тогда он поспешил к Повелителю, чтобы как можно скорее рассказать об этом.

— Где сейчас твой слуга? — спросил Сыбудаи.

— Он вернулся к Куштуму, — сказал Барчак.

— А где Куштум? — спросил Бату-хан.

— Куштум собрал всех своих всадников и постоянно меняет стоянки, будто ждет от кого-то сигнала.

— Понятно, — сказал Бату-хан, — сговорились, шакалы... Но мы должны разгадать их подлый замысел. Слышишь ты, хан Барчак, мы должны знать все!

Барчак наклонил голову и развел руками.

— Мой человек сделает, Повелитель, — сказал он, — мой человек получил приказ убить Куштума...

Несколько секунд Бату-хан молча смотрел на старого хана, затем откинулся назад и рассмеялся тонким визгливым смехом. Глядя на него, стал подхихкивать и Барчак, и только Сыбудаи молчал.

— Ну вот, — успокоившись, сказал Бату-хан, — вот ты и вторую услугу оказал, хан Барчак. Первую — деду, вторую — внуку.

— Разрешите мне задать вопрос старому нашему другу, Повелитель? — сказал Сыбудаи.

— Спрашивай, мой верный воин, спрашивай.

— Скажи, хан Барчак, означают ли твои слова, что Куштум уже мертв?

— Нет, о храбрый Сыбудаи. Я приказал тому человеку быть готовым убить Куштума, как только ему передадут мой знак. Видишь ли, Повелитель...

Барчак засмеялся.

— Говори, говори, — подбодрил его Сыбудаи.

— Я не знал, как лучше поступить. Может быть, у тебя иные мысли?

Бату-хан переводил взгляд с Барчака на Сыбудаю и обратно, лицо Сыбудаи будто окаменело, его ученику предстояло испытание, и Сыбудаи ждал, как он справится с ним.

— Ты верно поступил, — сказал, наконец, Бату-хан. — Если бы Куштум умер сейчас, мы бы ничего больше не узнали. Нет, пусть живет хан Куштум, пока живет. Но если упустишь его...

Бату-хан достал из ножен засверкавший в свете факелов кинжал, попробовал пальцами лезвие и протянул его половцу.

— Сам, — сказал он. — Сам перережешь себе горло. Вот этим. Великой честью отметил тебя Повелитель Вселенной, хан Барчак.

«Ай-яй-яй! Как хорошо! — повеселев, думал Сыбудаи. — Не дерись русские князья между собой, да не будь в нашем стане таких, как Глеб и Барчак, хуже бы было. Сыбудаи дольше живет на свете, и Сыбудаи знает, что красивые слова о величии монголов, о неравенстве на земле и в небе — это только слова. Нет спора — они помогают воевать, они зажигают воинов, но кто знает, какими словами поднимает сейчас князь Юрий Рязанский свой народ?»

ТЯЖКАЯ МИССИЯ

Дорога вымахнула из леса и круто свернула к опушке. Но они оставили дорогу, и лошади побежали прямо через поле к видневшимся в дальнем его конце избенкам.

Соловый жеребец Евпатия Коловрата угодил ногой в незаметную по стерне сурочью нору, посунулся было вниз, но всадник уловил заминку, подернул повод и выправил бег коня. Ехавший впереди князь Мстислав Черниговский повернулся, но не увидев неладное, стиснул каурую кобылу стремями, прибавил рыси.

Князья ратники поспедали следом.

В деревне их не ждали. Гонцов Мстислав Черниговский посылать не велел, но по случаю завершения полевой страды народ сидел по домам, ладил мелкую дворовую работу, гото-

вился играть свадьбы, поскольку хлебушко убрали.

Деревенские высыпали князю и его ратникам навстречу. Не забиты у Мстислава люди, решил Коловрат, почтение оказали, вышли поклониться.

По времени была середина первого полудня, осень на дворе, а солнце припекало знатно, полетнему грело. Князь Мстислав спешился, передал повод конюшему, а сам глянул из-под руки на солнце.

— Добрый день выдался, Евпатий, — сказал он Коловрату. — Промыслим мы себе на уху сегодня. Поедим, что бог послал, пока лодку изладят, и подадимся на озеро.

Тем временем княжий сотник втолковывал что-то большаку, тот качал бородой, и, уразумев, пошел распорядиться.

Угощение было простым и сытным. Когда поели, князь оставил ратников в деревне, а сам с Коловратом отправился к озеру — оно было неподалеку.

— Рыбы наловим, Евпатий, ущицу сами сварим, без лишних людей поговорим. Чую, как рвешься домой, князю Юрию мой ответ торопишься свезти. А я, Коловрат, и сам не знаю, что ответить тебе. Мог бы и без этой затеи, но хочу, чтобы ты понял меня, прежде чем осудишь. А понять — значит, простить. Я всегда помню, чем обязан тебе. Не жить бы мне на свете, ежели бы ты тогда на охоте не всадил медведю нож в горло... Говорить с тобой хочу не как князь, а только человеком хочу быть, Евпатий...

Коловрат ничего не ответил, сумрачно было на душе, мысли его все там, в Рязани, были. Давно уж сидит он в Чернигове, потчуют его на славу, охотой забавляют, вот и на рыбалку свезли, а на кой ему все это, посланцу князя Юрия Рязанского, прибывшему за подмогой?

Молчал Евпатий Коловрат.

Подошли к берегу озера.

У берега качалась на плаву лодка с припасом, вблизи стоял старик, высокий седобородый дед с шапкой в руках.

— Здравствуй, Лесина, — сказал Мстислав. — Как можется, старый?

— Топчу пока земельку, князюшка, — степенно, с достоинством поклонившись, ответил старик. — Век мой затянулся, да я и не жалуясь. Царство небесное, спору нет, куда как веселее здешнего бытия станется, а только не каждому туда дорога проложена, потому и на грешной земле пожить лишнего люблю.

— Видишь, Евпатий, какие старики тут живут? — сказал князь Мстислав. — Это, Лесина, гость наш рязанский, Коловрат Евпатий, первый воин князя Юрия... Все приготовил, Лесина?

— Все, князюшка, все ладно, — засуетился

старик и принялся отвязывать лодку. — Сейчас и двинем с божьей помощью.

— Нет, — сказал князь Черниговский. — Мы только вдвоем поедем. Небось не разучился я туриком¹ стучать, на уху, поди, и сами поймем. Ты иди, Лесина, не труди свои кости напрасно.

Они остались вдвоем.

— А где же снасти, князь? — спросил Коловрат.

— А мы без снастей, — ответил Мстислав. — Так издревле наши прадеды ловили. Или рязанцы забыли про то?

— Не припомню что-то, князь, про такую ловлю, — ответил Коловрат.

— А ты смотри да научайся.

Мстислав Черниговский отошел в сторонку, нагнулся над кучей срубленных кустов и перенес их в лодку, где уже лежали шесты, их Евпатий сразу заметил, но не понял, для чего они.

— Веревка есть, — сказал, оглядывая дно лодки, князь Черниговский. — Турок тоже, и камни-кругляши Лесина уложил. Можно трогать, Евпатий.

Они выгребли от берега, подошли к островку, дугой упавшему на середину озера, вошли в покойную заводь.

— Здесь и возьмем рыбку-то, — сказал Мстислав.

Оставив Евпатия на веслах, князь взял из лодки шест и туриком стал забивать шест в дно. Затем он привязал к нему веревку, выбрал куст, прихватил свободным концом веревки его вершину, прикрепил камень-кругляш и опустил куст в воду.

Евпатий с сомнением смотрел на это занятие, вроде бы не подобающее князьему чину. А Мстислав вбил второй шест, привязал и опустил подле него второй куст. Затем третий, четвертый, пятый... Кончились шесты, да и кустов не стало, лишь с пяток кругляшей осталось в лодке.

— Теперь к берегу, — сказал князь. — Вон песок, видишь? Туда и пойдем. Там валежника наберем огонь покормить...

Солнце свалилось ко второму полудню и палило еще знойно. Они сидели в тени, костер догорал, и угли по краям его подернулись пеплом.

— Триста воинов дам я тебе, Коловрат, — сказал князь Черниговский. — Это — немало. Ну и оружием, припасами помогу, сотня возов пойдет с тобой на Рязань.

— Народ надо поднимать, князь Мстислав, — глухо проговорил Коловрат. — Это не половцы, идет сила страшная, тут и тыщей не обойдешься.

¹ Деревянный топор.

— Пойми ты меня по-человечьи, Евпатий. Разве я не хочу помочь князю Юрию? Али ты забыл, что моя дочь венцом отдана его сыну Федору? Но я отец не только для Евпраксии, но и всему черниговскому люду. Ты понимаешь это, Евпатий?

— Понимаю, — сказал Коловрат.

— А коли понимаешь, то скажи мне, как могу я все отдать? Вдруг да подступит враг к моим границам. Кто тогда защитит и Чернигов? Кто?

Коловрат молчал. Он потянул рукой толстый сук, повертел, затем резко сломил его через колено и бросил обломки в догорающий костер.

— Вот что сделает с Русью Бату-хан, — сказал он. — Попомни мои слова, князь. Ты прав, когда печешься о своей земле. Но разве рязанская для тебя чужая? Или там не русские люди живут? Не одни у нас боги и предки?.. Прости, что, человек не княжеского звания, с поученьем к тебе иду.

— Здесь нет князей, — напомнил Мстислав. — Сейчас мы просто люди.

— А коли так, не прогневайся на мои слова, скажу, как понял тебя. Дам, мол, какую-нито подмогу Юрию Рязанскому, а сам укреплюсь во Чернигов-граде и буду ждать. Может быть, рязанцы и сами Бату-хана измордуют. Чего же лучше, и я вроде причастен, ратников на общее дело посылал. Ну, а рухнет Рязань?.. Что ж, пожалеешь ее, конечно, но подумаешь: я цел остался. Бату-хан, глядишь, на Владимир, на Суздаль, на богатый Новгород поперет, или по нижним рекам, по степи, где корма коням вдоволь, — на Киев. А я, мол, в стороне, и сила моя со мной. Вот как ты рассудил, князь Мстислав. Хочешь казни меня, хочешь — милуй!..

Мстислав Черниговский ничего не ответил. Подумал, поднялся, подошел к озеру, зачерпнул ладонью воды и плеснул на лицо. Когда он вернулся к Евпатию, то показались тому светлые капли воды на княжьей бороде слезами.

«Заплачешь, князь, — подумал Евпатий Коловрат. — Только пользы не будет. Когда льется кровь, слезы теряют цену...»

— Закончим рыбалку, — сказал князь, — и в ночь вернемся домой. Ночевать тут не останемся. Утром готовься в поход. Мои воины, тех, что я обещал князю Юрию, всегда снаряжены к битве. Бери их и ступай на Рязань. И пусть князь Юрий Рязанский известит меня о делах своих. Может быть, позже я сам подойду со своей дружиной.

— Спасибо и на том, князь Мстислав, — ответил Коловрат.

Солнце свалилось к окоему, и над озером возникла вдруг радуга. Голубой цвет в ней был не густ, а желтый ярок, и вставала радуга с восхода на закат, не по правилу вроде..

— Вишь ты, — сказал князь Мстислав, — знамение...

Он перекрестился.

— Добрая будет погода завтра. К тому и знамение, — спокойно ответил Коловрат.

— Что ж, пора и по рыбу...

Князь и Евпатий столкнули лодку и вышли к шестам. Тихо, без всплеска подходили они к затопленным кустам, князь оставлял весла, осторожно выбирал веревку, затем быстро вытаскивал куст из воды, а Коловрат, наученный князем, подводил сачок и брал рыбу, что пряталась от солнца в тени нехитрых рыбацких приспособлений...

БЫЛА СЕЧА ЗА И УЖАСНА

Князь Юрий Ингваревич в ночь перед битвой на Рясском поле не ложился спать. Он понимал, что обязан отдохнуть — ведь едва невеселое солнце поздней осени встанет над русской землей, он поведет рязанские полки на коварного зверя, на Бату-хана.

Он возглавит эти полки, князь рязанский, и его рука не дрогнет, когда он прорубит кровавую просеку к шатру Бату-хана, как не дрогнул голос у князя Юрия, когда ответил он ханским послан, требовавшим десятину во всем!

— Лучше нам смертью славу вечную добыть, — сказал князь Юрий, — нежели во власти поганых быть.

Теперь ему неоткуда ждать подмоги для защиты рязанских лесов и нив. Князь Владимирский спесиво принял Олега Красного, похвалялся, что один побьет Бату-хана, глумился над рязанцами, струсил-де, перевелись-де на поокских землях смельчаки.

Вернулся Олег Красный ко двору брата с пустыми руками.

Не дождалась Рязань и воеводы Евпатия Коловрата с помощной ратью князя Черниговского. Доселе нету от него вестей...

Пытался князь Юрий Ингваревич утолить нечестивца, злобного Бату-хана, великими дарами. Только напрасны были надежды. Потерял Юрий Ингваревич разом и сына Федора, что возглавил посольство к Бату-хану, и невестку Евпраксию с малым внуком. Не вынесла вести черниговская княжна о смерти мужа своего Федора, злодейски зарубленного в татарском шатре, поднялась она на высокий терем, держа в руках годовалого внука Юрьева, князя Ивана Федоровича, и бросилась, прижав сына к груди, наземь..

А войска Бату-хана вступили на Рясское поле, и князь рязанский, Юрий Ингваревич

вышел врагу навстречу. Завтра начнется сеча.

Горели костры. Спали возле них воины.

Зябкий въедливый ветер гулял над полем.

«Великое испытание послала нам судьба, — думал Юрий Ингваревич, — и лучше погибнуть всем в бою, чем дрогнуть перед врагом. Лучшее смерть, ибо мертвые сраму не имут!»

Впереди замаячил человек, он приближался, и князь Юрий узнал брата своего, Олега Красного.

— Не спится, брат? — спросил Юрий Ингваревич.

— Не спится. Только что снарядил полк в засаду, как ты сказывал... От Куштума нету вестей?

— Нету. Договор был, что ударит он на Батухана с тыльной стороны. Но молчит хан Куштум...

Постояли князя, попрощались.

Ушел Олег Красный, горели костры, спали рязанцы, кричали надсадными голосами сторожевые воины, бродящие по краю становища...

Сотник Иван прибыл с малой своей дружиной еще во тьме, до утра оставалось немного.

— Беда, князь Юрий, — сказал Иван, спешиваясь и отдаляясь с князем. — Куштум убит и половцы не придут к нам на помощь.

— Что ты говоришь?!

— Хан Куштум убит, а войско, оставшись без него, дрогнуло. Люди Барчака сулят ему большую добычу, ежели оно повернет против нас.

— Кто убил Куштума?

— Не знаю. Не поймали убийцу. Ушел...

Молчал князь рязанский.

Молчал и сотник Иван. Он знал, что сегодня умрет со всеми вместе, и не было ни страха, ни сожаления, были покой и холодная ненависть к врагу.

Юрий Ингваревич подступил к Ивану и положил руку на его плечо.

— Тебе не придется биться сегодня, твоя сеча еще впереди. Собирайся в дорогу, сотник.

— Не понимаю, — сказал Иван.

— Поймешь. Слушай, — промолвил Юрий Ингваревич, — ты и твои воины не решат боя, немного вас, а татар — тьма. Скажи со своей малой дружиной в Рязань, передай всем, а великой княгине особливо, мой наказ готовить город к страшной осаде. Сам ты станешь по правую руку городского воеводы Клыча, коего в случае нашей смерти назначаю всей рязанской земли головой.

— Нет! — вскричал Иван. — Не можно такое! Нельзя вам, князя рязанские, всем класть головы в битве!..

— Отступать мы не будем!.. Уразумел наказ? Тогда — с богом!..

Затих топот коней сотника Ивана и его то-

варищей, а ночь продолжалась, длинная-длинная ночь.

Догорали костры.

Ворочались во сне рязанцы.

Утром началась кровавая сеча. Великой печалью вошла память о ней в «Повести о разорении Рязани Батыем»:

«...И была сечь зла и ужасна. Много сильных полков Бытовых пало. И увидел царь Батый, что сила рязанская бьется крепко и мужественно, и испугался. Но против гнева божия кто постоит! Батыевы же силы велики были и непреборимы: один рязанец бился с тысячью, а два — с тьмою. И увидел князь великий убийство брата своего, князя Давыда Ингваревича, и воскликнул в горести души своей: «О братия моя милая! Князь Давид, брат наш, наперед чашу испил, а мы ли сей чаши не изопьем!» И пересели с коня на конь и начали биться упорно. Через многие сильные полки Батыевы проезжали насквозь, храбро и мужественно биясь, так что всем полкам татарским подвигаться крепости и мужеству рязанского воинства. И едва одолели их сильные полки татарские. Убит был благоверный великий князь Юрий Ингваревич, брат его Давид Ингваревич Муромский, брат его Глеб Ингваревич Коломенский, брат их Всеволод Пронский и многие князя местные и воеводы крепкие и воинство: удалыцы рязанские. Все равно умерли и единую чашу смертную испили. Ни один из них не повернул назад, но все вместе полегли мертвые...»

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

ОГНИ НА ЯШМЕ...

Лев
РУМЯНЦЕВ

Рисунки
Л. Вейберта

Мы были шапочно знакомы,
но дела
заставили зайти к нему домой.
Он болен был.

Во всю зима мела.
Казался вечер полночью глухой.
Я постучал.

«Входите! — донеслось. —
Не заперто...»

Шагну я (ну, дупло!),
морозом просвеженного насквозь,
меня парным теплом обволокло...
Спросил о деле —

весь и разговор.
Узнал, что надо, —
уходить пора.

А он промолвил, вроде как в укор:
— Уютна ли ночевка у костра
в глухом лесу,

где ни души и мрак?..
Я отмолчался.

Он сказал опять:
— Ты посидел хотя бы просто так,
костер на пару долго ли собрать?..
Какой чудак!

При чем костер и лес,
когда огромный город за окном?!..
Худой и желтый, он с кровати слез,
халат потертый стиснул кушаком.
— Меж нами разница... каких-то
тридцать лет,
но эти тридцать...—

Он пошел к столу,
и, словно замечая легкий след,
халат полой ударил о полу.
Меня ждал вечер.

Девушка ждала.
Мой мир был безоглядным и
тугим.

А этих стен желтеющая мгла
казалась веком замершим,

другим.
Ох, нелегко себя нам превозмочь,
и бросил я ненужные слова:
— С костром, понятно, веселее ночь,
да далека дорога по дрова!..
— Не далека. Дровишек я запас,
они запыляются в свой черед.
Я у тебя займу какой-то час,

а расплачусь, возможно, как за год...
Он понимал, что я ему чужой,
что встретиться случайно довелось.
Но быть наедине с самим собой —
не лучше ль гость,

хоть и залетный гость?..
Порывы безотчетные сердец
нас не учили в школах понимать.
Он, может быть, предчувствуя конец,
уже не в силах был не рассказать?
— ...Отец был рудобой.

Оставил клад:
на длинной ручке хваткий молоток,
штаны из кожи в радуге заплата,
да хромоногий дедовский станок.
И вот еще... —

На веки тень легла.
Присев перед захлапленным углом,
он выдвинул из древнего стола
три ящика, казалось, с чугуном.
— И вот еще... Не редкий минерал,
но, видно, крепко мастера завлек.
Отец его без устали искал,
без меры в дом, как тронутый,

волок.
Быть может, тонну камня извонил,
в углу своем работал, словно крот,
и все-таки рисунок находил,
неповторимый,

будто выстрел влет.
Как помнится, всегда ворчала мать,
что у детей ни шапок, ни сапог...
Зачем себя изводит —

не понять!
И я тогда понять отца не мог...
Бывало, выставит поделки мой
старик —
идут к нему с далеких рудников.
Заезжий поп узрел на яшме «клик»,
и потихоньку с камнем — будь
здоров!

Обхаживал отца какой-то спец:
«Умру, мол, если яшмы не продашь!»
Всего одну отдал ему отец,
и та одна — попала в Эрмитаж.
А сколько он поделок раздарил
друзьям и близким,
просто землякам.
Он за станком вторую жизнь творил

вторым дыханьем...
с горем пополам:
ведь утром —
на работу, бить руду,
крушить ее, железную, кайлом,
а ночью —

огневую красоту
искать влюбленно снова да ладом.
«Ты семижилен, аль заговорен? —
кричал сосед, обижен на судьбу. —
Да отвали хоть чистый миллиён,
видал я эти камушки в гробу!»
Но промолчит отец, пыхнет дымком,
и снова восвоеси побредет.
Он слышал и похлеще — «Дуролом!»
Он слышал и обидней —

«Сумасброд!»
Но в лютый голод,
смерти круговерть,
когда беда не ведала застав,
нам попросту не дали помереть,
сойти под стынь соснового креста.
Порой не знали даже, кто помог —
придет чужой и маме — горсть муки.
Однажды только слышал шепоток:
«Ты, баба, мужика-то береги...»
Да...

Камни унаследует музей.
Их знают, как людей, по именам:
«Закат», «Береза», «Углежог»,
«Змей»...
Он называл их так, как понял сам.
Вот погляди...

Я молча посмотрел:
в прожилках камень,
но зеркален срез,
где вроде лес причудливый пестрел,
а сбоку — дед с копьём наперевес.
Занятно было —

камень, а живой.
И впрямь рисунки очень хороши.
Запасники подземной кладовой
умельный мастер переворосил.
Но любоваться было недосуг.
На то и яшмы —

мало ли картин!..
Узор коснулся разве только рук,
а сердца он ничуть не полонил.
Растерянность хозяина — ну что ж! —
и это не затронуло ничуть.
Да что судить: живи, пока живешь,
а остальное, право, как-нибудь.
...И вот сейчас,

когда мне столько лет,
как было, вероятно, и ему,
из глубины ударил яркий свет,
и вечер тот предстал, как наяву.
До мелочей,
до черточек...

И я

как заново на яшмы посмотрел.
И вспомнились —

причудливость огня,
оскалы хаоса под молниями стрел,
багровые, как лава, облака, —
казалось,

наши радости и страх
в мятежный час какая-то рука
запечатлела пламенем в камнях.

...Прощаясь,

он в тот вечер произнес:
— В себе самом хочу найти ответ.
Я тоже ведь работал на износ,
а где мой след,

где собственный мой
след?

Он есть, конечно, хоть не уловим —
неотличима капля от воды.

Мы веру нерушимую храним
и в общий труд, и в общие следы.
Такая доля вовсе не проста,
такая доля вовсе не пресна —
ведь на миру работа — красота,
и даже смерть, как молвится, красна.
Но все же подступает иногда —
щемящую непрошеной тоской —
другая стать безмерного труда:
седая пыль на бревнах мастерской,
угрюмость плеч склоненного отца
над яшмами, таящими узор,
мельканье спиц ножного колеса
и маленьких колес переговоров.
Ночь напролет за дедовским станком,
в нужде и беспросветности ютятся,
какою силой он-то был влеком,
когда искал души и камня связь?
Мне думалось, что я богаче жил,
на камушки минуты не губя.
Но, может, ненароком утаил
свое зерно от самого себя?
«Один за всех!» — принять

неравный бой,
но истина до слуха моего
дошла лишь той, быть может,

стороной,
где, как порука, — «Все за одного?»
...Вопросы те

остались где-то в нас.
Картин на яшме движется черед...
У каждого, наверное, есть час,
который стоит более,
чем год.

Мой собеседник —

он давно ушел...

Тот вечер —

в бесконечности,

далек.

Сегодня я на окнах сдвинул шелк, —
быть может, кто зайдет на огонек...

ГОРЬКАЯ МОДА НА ЯД

Валентин
МАРТЫНОВ

Рисунки
С. Мальшева

История никотианы

Когда (почти пятьсот лет назад) матросы Колумба высадились на Кубу, они впервые, присутствуя на празднике аборигенов, увидели, как те курили скатанные в трубочку листья, выпуская дым через ноздри до тех пор, пока с ними не начнет беседу «великий дух»... Очевидно, большое количество выкуренного табака вызывало у них слуховые галлюцинации. Индейцы очень ценили «нетум», так они называли высушенные листья, и курили только в религиозные праздники. Против соблазна поговорить с «духом» матросы устоять не смогли.

История сохранила даже имя первого европейского курильщика — Родриго де Гиере, который привез табачные листья в Испанию и тайком курил, за что чуть не попал на костер инквизиции. Жена Родриго, увидев курящего мужа, решила, что в него вселился дьявол и сообщила инквизиции, которая, к счастью Родриго, его оправдала.

Соотечественнику Родриго монаху Роману Пано понравился запах цветущего табака, и он стал культивировать это растение, семена которого привез в 1496 году из провинции Табаго в Доминго, откуда табак и получил название.

Первое время табачное растение в Европе использовали как декоративное. Его стали нюхать, жевать, курить после того как по всей Франции распространился слух о том, что Жан Нико, французский посланник в Лиссабоне, привез в 1560 году из Португалии «целебную траву» и исцелил королеву Екатерину Медичи и ее сына Франциска II от головных болей. В честь Нико Линней назвал это растение никотиана, а народная молва окрестила его «травой королевы». С этого времени «травя королевы» стала быстро распространяться и использовалась не только как средство, способное «выгонять и уничтожать болезни головы и мозга», рекомендованное Жаном Нико королеве, а при всех

болезнях. Мало того, табак включается в этикет, который предусматривал при встрече знакомых «предложить щепотку нюхательного табака».

Вскоре «целебные» свойства табака стали вызывать сомнение, так как злоупотребление им неблагоприятно сказывалось на здоровье.

Курильщиков преследовали. В Англии, например, всех уличенных в курении обезглавливали, а «отрубленные головы с трубкой во рту выставляли на площадях», в Турции сажали на кол, в Италии за курение и нюханье «сатанинского зелья» отлучали от церкви.

В России табак известен со второй половины XVI века. За курение и продажу «вонючей травы» в 1634 году царь Михаил Романов применял смертную казнь, его сын Алексей избивал курильщиков кнутом. Алексей Романов запретил ввоз табака в пределы Московского государства, а пойманным торговцам было «велено портить ноздри и резать носы». Жестокая борьба с курильщиками была связана не с заботой об их здоровье, а с враждебным отношением к «дьявольской траве» духовенства.

В России куренье стало быстро распространяться при Петре I. Царь, научившись курению в Голландии, не только снял все запреты на табак, но даже заставлял «дымить» своих приближенных.

Хотя Петр I и старался привить россиянам привычку курить, модную в то время в Европе, все-таки до начала XX века курильщиков у нас было не так уж много. В то время курили преимущественно в городах и только мужчины. Помимо этого и у нас табак использовали с лечебной целью, его применяли при зубной боли, кожных заболеваниях, лихорадке.

Таким образом, раньше курение было связано с низким уровнем знаний, в частности, медицинских. А отсюда — и его распространение, как панацеи от всех болезней.

Как видно, до открытия Колумбом Америки, в Европе люди прекрасно обходились без курения. Правда, если заглянуть в глубь истории, то нам открываются далекие истоки этого пристрастия. Об

этом говорят раскопки древних могильников Сезарной Америки, относящихся еще к неолиту. Видимо, еще 5—6 тысяч лет назад курили, так как археологи находили древние курительные трубки. Однако и на европейском континенте задолго до Колумба тоже курили, потому что при раскопках древних поселений в Италии, Голландии, России, Франции и в других странах тоже находят трубки.

Дымит XX век...

Если во времена Петра I курили преимущественно мужчины и главным образом горожане, то ныне табачная эпидемия захватила женщин, подростков... Например, курение является серьезной проблемой в начальных школах Англии. В графстве Дербишир постоянно курят 7 процентов мальчиков и треть процента девочек в возрасте 10—11 лет. Среди них зарегистрирован и самый большой процент легочных заболеваний. А вот результаты обследования, проведенного специалистами кафедры социальной гигиены и организации здравоохранения Башкирского медицинского института. Опросив школьников 8—10-х классов, учащихся двух профессионально-технических училищ Уфы и студентов-медиков, получили такие данные: регулярно курит каждый второй воспитанник профтехучилища, каждый четвертый ученик 8—10-го класса и студент-медик I курса.

Вредная привычка курить не имеет тенденции к уменьшению. Подсчитано, что сейчас на земном шаре около миллиарда курильщиков. Глобальное распространение привычки курить связано с тем, что она имеет многовековые корни, которые настолько укрепились в сознании людей, что мало кто из тех, кто берет первую сигарету или папиросу, задумывается о ее вреде, тем более, что курить начинают смолоду.

Курить или не курить?

Обычно для человека, впервые взявшего сигарету, этой дилеммы не существует. Решение приходит быстро, чаще в пользу первого, ведь тебе предлагают, тебя уговаривают, причем затрагивая самое уязвимое — достоинство: «какой ты мужчина, если не куришь»... Дилеммы не возникает и потому, что курят многие: родители, учителя, врачи, артисты.

Наконец, когда ты берешь сигарету или папиросу, то не задумываешься над тем, что будешь курить постоянно, а только для пробы, из любопытства. И альтернативы не возникает еще и потому, что ты молод, тебя не страшит перспектива заболеть, скажем, раком легких, тебя забавляет плакат с лошадей, сообщающий, что она пала от нескольких капель никотина... Ты остришь по поводу плаката: «Животным курить вредно».

Конечно, расточительная молодость не думает о болезнях.

Вот результаты одного опроса: 23,3% начали курить до 13 лет, 57,3% — в возрасте 14—20 лет. О причинах, заставивших их впервые закурить, 51,2% назвали «блудство» или «любопытство», 18,7% закуривали под влиянием товарищей, 9,1% — подражая взрослым, чаще отцу.

Ребята — любознательный народ, видя вокруг себя курящих и даже зная, что за это их не похвалят, тайне удовлетворяют свое любопытство: надо же узнать, чем привлекает взрослых курение!..

Другие мальчишки, подражая взрослым и считая себя уже вполне таковыми, с независимым видом, с сигаретой во рту, между собой играют в мужчин. Любознательность — хорошее качество, но в данном случае оно пагубно! Молодой человек становится рабом вредной для здоровья привычки. Надо прямо сказать, курение — очень уж неудачный способ для самоутверждения, тем более, что все равно приходится скрываться, курить тайком и тем самым постоянно напоминать себе, что самостоятельность и взрослость эта сомнительна. Скорее решительный отказ от соблазна покажет твою самостоятельность в собственных глазах и в глазах «соблазнителя».

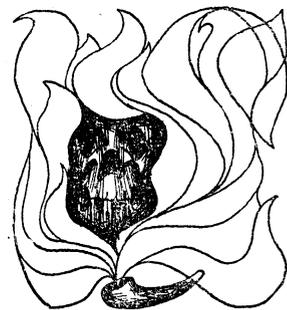
Почитательницы табака выставляют несколько иные доводы в пользу курения: одни считают, что это модно и современно, потому, не желая прослыть старомодными, начинают курить, другие хотят подчеркнуть свою независимость по отношению к мужчинам, третьи — курят, чтобы похудеть или чтобы не полнеть, четвертые — опять же, чтобы прослыть современной перед понравившимся юношей, которому почему-то больше импонирует курящая подруга.

Согласитесь, если бы дело было только в эстетической стороне курения, то можно было бы допустить дискуссию: женственно это или нет? Хотя, нам кажется, большая часть мужчин, наверное, считает курение некрасивым, даже вульгарным и, естественно, ничего общего не имеющих с понятием о хорошем тоне, об истинном женском достоинстве...

Разумеется, проблема внешности в юном возрасте особенно важна,

как для девушки, так и для юноши. Желание девушки быть стройной вполне естественно, как и недовольство юноши чрезмерной полнотой. Поэтому стремятся к грации и те и другие. Если это стремление достигается разумными методами, например, физкультурой, спортом, рациональным питанием, то это стоит только приветствовать. Если же цель достигается методами вредными для здоровья, ее достижение не принесет радости, так как, добившись малого, терять много более ценного — здоровье. Да и вряд ли будет привлекать ваша стройность, если у вас землястый оттенок лица, пожелтевшие зубы, хрипловатый голос, постоянный кашель, который говорит окружающим о внутреннем неблагополучии.

Свыше 34% начинающих курить подростков уверены в полной безопасности курения. Мнение меняется с ростом стажа курения. 86% курящих студентов-медиков шестого курса города Уфы хотели бы бросить курить, но не могут, хотя и пытались.

Почему, испытывая вред от курения, большая часть курильщиков продолжает курить? Дело в том, что никотин, входящий в табак, относится к своеобразному наркотическому веществу, к которому, как и ко всякому другому при частом употреблении, возникает привыкание. Также способствует привыканию образующийся и прочно закрепляющийся условный рефлекс, выработанный ритуалом, начинающимся с покупки пачки и кончающимся броском выкуренного окурка. Курильщики знают, сколько они делали тщетных попыток бросить курить, сколько давали обещаний себе и родственникам выкурить последнюю сигарету, но увы... По поводу курения существует печальная шутка Марка Твена: «Ничего нет проще, чем бросить курить, я уже это делал 100 раз».

Конечно, многие и не начинали бы курить, если бы представляли, какой вред оно приносит здоровью.

Как закурил Лев Толстой

Печально, что именно в подростковом возрасте начинают курить, когда нервная система еще не окрепла и особенно чувствительна к ядам табачного дыма. Поэтому-то курящие школьники отличаются от некурящих сверстников: отстают в учебе (так как мыслительные процессы ухудшаются), становятся ослабленными, вялыми. Они даже отстают в росте. Эти же признаки появляются даже у детей, которые не курят, а только часто находятся в накуренных помещениях.

Вот как описывает Л. Н. Толстой свое знакомство с табаком. «Запах табака был очень приятен, но во рту было горько и дыхание захватывало. Однако, скрепив сердце, я довольно долго втягивал в себя дым, пробовал пускать кольца и затягиваться. Скоро комната вся наполнилась голубоватыми облаками дыма, трубка начала хрипеть, горячий табак подпрыгивать, а во рту я почувствовал горечь и в голове маленькое кружение. Я хотел уже перестать и только посмотреть с трубкой в зеркало, как, к удивлению моему, зашатался на ногах: комната пошла кругом, и, взглянув в зеркало, к которому я с трудом подошел, я увидел, что лицо мое было бледно, как полотно. Едва я успел упасть на диван, как почувствовал такую тошноту и такую слабость, что, вообразив себе, что трубка для меня смертельна, мне показалось, что я умираю. Я серьезно испугался и хотел уже звать людей на помощь и посылать за доктором. Однако страх этот продолжался недолго. Я скоро понял, в чем дело и со страшной головной болью, ослабленный, долго лежал на диване».

То, что описал Л. Н. Толстой — острое отравление табаком. Каждый начинающий курильщик ощущает на себе острые признаки отравления, степень которого бывает выражена по-разному. Оно проявляется жжением в горле, слюноотечением, тошнотой, иногда рвотой, болью в животе, общей слабостью, сердцебиением, головокружением, головной болью, шумом в ушах. В тяжелых случаях появляются обманы восприятия, возникает состояние возбуждения. В еще более серьезных случаях происходит падение артериального давления, резко учащается пульс, человек начинает бредить, может наступить смерть от паралича дыхательного центра, если вовремя не будет оказана помощь. Тяжелые отравления встречаются, к счастью, не часто, так как начинающий курильщик просто не в состоянии вдыхать дым, почувствовав неприятное ощущение. А вот явления хронического отравления знакомы заядлым курильщикам. Это кашель, расстройство сердечной деятельности, повышение кровяного давления, головные боли, раздражительность.

Своим токсическим действием табак обязан веществам, которые находятся в его листьях и которые образуются при сгорании. Кроме общеизвестного никотина, вдыхаемый дым содержит угарный газ, сероводород, метан, аммиак, углекислоту, мышьяк, уксусную, щавельную, муравьиную, синильную и карболовые кислоты, цианистые аммоний и калий, двуокиси азота и селена, так называемые канцерогенные вещества, которые вызывают раковые опухоли. Одним из активных веществ, оказывающих отрицательное действие на здоровье, является никотин. Его приравнивают к синильной кислоте. Человек за 30 лет выкуривает 10 000 смертельных доз никотина. Смерти не наступает лишь из-за постепенности поступления яда в организм.

В литературе описан случай тяжелого табачного отравления. С целью убийства человеку влили в рот никотин. В жизни же много людей отравляют себя добровольно.

Сигарета-убийца

Если бы курение вызывало только раковое заболевание, то уже с полной ответственностью можно присоединиться к мнению директора статистической службы американского онкологического общества Хэмлонда, что «сигарета — одна из самых опасных убийц XX столетия». Но это далеко не полный перечень бед, причиняемых табаком. По материалам Хегглина свыше 93 процен-

тов больных склерозом сосудов сердца составляют заядлые курильщики.

По данным Дорна, около 70 процентов случаев смерти среди курящих обусловлены заболеваниями сердечно-сосудистой системы и почек. Специалисты по сердечным заболеваниям европейской экономической комиссии ООН при опросе о медицине в 90-е годы XX века считают, что курение остается одной из причин, способствующих развитию заболеваний сердца и полагают, что скоро медицина накопит еще более веские доказательства вреда курения. Они с надеждой считают, что в конце XX века потребление сигарет — по крайней мере людьми, склонным к заболеванию сердца, может снизиться вдвое.

Курение нарушает нормальную работу всей сердечно-сосудистой системы. «Табачной формой грудной жабы» называли стенокардию, сопровождающуюся сильными болями за грудиной, перебоями в работе сердца, которые появлялись вслед за чрезмерным курением и исчезали вместе с его прекращением. Курильщики чаще страдают гипертонической болезнью, атеросклерозом, инфарктом миокарда. Например, смертность от инфаркта сердца у тех, кто выкуривает пачку сигарет в день, на 90 процентов выше, чем у некурящих. Известны случаи возникновения инфаркта сразу после нескольких затяжек. Подсчитано, что после выкуренной сигареты пульс учащается на 15—18 ударов в минуту, а кровяное давление повышается на 5—10 процентов, что продолжается 25—30 минут. Если учесть, что человек выкуривает пачку сигарет, то сердце постоянно работает с повышенной нагрузкой. Естественно, что беспрерывно так сердце работать не может, и тогда наступит момент, когда оно не смо-

жет справиться со своими обязанностями, начнет уставать и человек постепенно, но неминуемо, со страданиями начнет увядать. Известный русский врач С. П. Боткин накануне своей смерти от заболевания сердца сказал: «Если бы я не курил, я убежден, что без страданий прожил бы еще несколько лет».

Страна некурящих?

Огромный вред причиняет табак людям всей планеты. И потому правительства многих стран объявили войну курению.

В Польше, например, кампанию против курения возглавили министерство здравоохранения и профсоюзы. И продажа сигарет уменьшилась на четыре процента — полмиллиона поляков бросили курить. Вскоре было объявлено о запрещении курить на крупных железнодорожных станциях. Наконец, распоряжение министра здравоохранения обязало профсоюзные организации вести борьбу с курильщиками во время собраний и культурных мероприятий.

В польском городе Катовице существует комитет по борьбе с курением. Ежегодно члены этого комитета проводят «безникотиновые дни», во время которых в школах, на предприятиях читаются лекции, показываются фильмы, выпускается печатная информация о вреде курения.

По примеру коллектива Торуньского завода «Метринотекс» на ряде польских предприятий решено запретить курение во время работы. При приеме на работу предпочтение отдается некурящим.

Борются против «убийственной мании» везде. В ФРГ на антиникотиновую кампанию под девизом «Новая тенденция — не курить!» правительство израсходовало 8 миллионов марок.

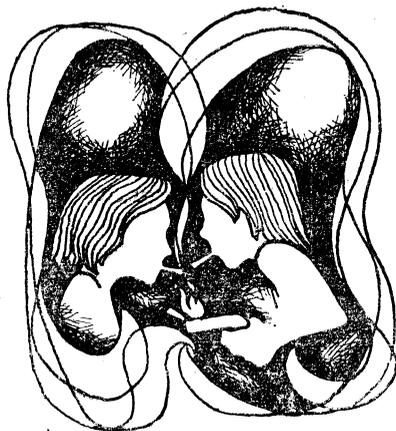
Министерство здравоохранения Италии тоже развернуло широкую кампанию против курения, привлекая врачей, аптекарей, работников радио и телевидения, а также министерства просвещения и транспорта. Сейчас врачам и учителям запрещается курить в присутствии пациентов и учеников. Уже несколько лет реклама табачных изделий в стране запрещена.

Реклама же сигарет по американскому радио и телевидению приняла характер национального бедствия. И здесь забили тревогу. Федеральная комиссия по средствам связи направила в Конгресс проект о запрещении рекламы сигарет. Сей-

час в Нью-Йорке принят закон, запрещающий курение в общественном месте, нарушение которого карается штрафом или годом тюремного заключения.

По плану шведского правительства страна в течение 25 лет должна стать «страной некурящих». С этой целью растет цена на табак. С 1975 года предусмотрено запрещение продажи папирос в автоматах, а с 1981 года продажа папирос лицам моложе 16 лет будет преследоваться законом.

Ведется борьба с курением и в нашей стране. Принят закон «Об утверждении основ законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении». В основах законодательства, кроме закрепленных гарантий права каждого гражданина на охрану его здоровья, подчеркивается и долг каждого — бережно относиться к своему здоровью и здоровью окружающих. Как говорится, не в бровь, а в глаз курильщику.

Многие задают вопрос: «Почему промышленность всего мира продолжает выпускать «ядовитое зелье» в соблазнительных упаковках, если оно так вредно?» К сожалению, решить эту проблему одними административными мерами нельзя, ибо курение уже охватило миллиард человек. Сразу запретить выпуск табачных изделий — сложно. Например, запрет табака в штате Канзас (США) и повышение цен на табак в Англии не привел к положительным результатам. Но это не значит, что никакой борьбы с курением административными мерами не ведется. У нас и во многих странах запрещена реклама табачных изделий, законом не разрешена продажа табака подросткам, нельзя курить в общественных местах, ведется большая санитарно-просветительная работа.

Большую пользу в борьбе с курением может оказать общественность. В последние годы зарекомендовали себя антиникотиновые клубы, которые создаются активистами, решившими серьезно бросить курить или уже порвавшие с курением. Клубы имеют свои названия, свой устав. Девизы клубов — «Никогда не курить» или «Ни одного курящего в коллективе». Устав клуба строго соблюдается, и человек, нарушивший его, подвергается оговоренному в уставе штрафу или исключается из его членов.

В уставе, например, одного из таких клубов записано: «Член клуба обязан прекратить употребление всех табачных изделий». О преимуществах его членов сказано: «Членам клуба гарантируется продление жизни, отличное самочувствие, экономия средств и благодарность от домочадцев и сослуживцев».

Подобные клубы некурящих созданы на некоторых челябинских заводах, в заводоуправлении Магнитогорского метизно-металлургического завода, на заводе РТИ в Свердловске, в некоторых вузах.

Нет подобных клубов только в школах, где сейчас немало курильщиков. Пользы же от подобных, пусть не клубов, а, скажем, кружков, секций при пионерских и комсомольских организациях школ было бы много: сами школьники доходчивее рассказали бы своим сверстникам о вреде курения.

Гениаль

Фантастический рассказ

Дмитрий
БИЛЕНКИН

Рисунки
Е. Стерлиговой

— Прошу, — широким жестом пригласил Биггс. — Выбирайте.

— Здесь? — вылезая из реалета, переспросил Смолин.

— Если вам нравится.

Трава на лугу была зеленой и свежей. Редкие березы бросали зыбкую тень. С трех сторон подступал лес, а с четвертой луг уступами сбегал к серебристой излучине реки, за которой туманилась череда округлых холмов. В голубовато-молочной дали предгорья в небо врезались яркие снежинки вершин.

Смолин широко вздохнул.

— Тут славно...

— Тогда приступим, — деловито сказал Биггс.

Он перегнулся через борт реалета, вытянул из-под сиденья большую, очевидно, увесистую сумку, достал оттуда тускло блеснувший кристалл и протянул его Смолину. Форма полупрозрачного кристалла смутно напомнила Смолину хрустальное граненое яйцо, которым он забавлялся в детстве. Только это яйцо гораздо превосходило размерами старинную безделушку.

— Да, немного великовато, — Биггс перешагнул взгляд. — Обычное свойство экспериментальных образцов. Держите...

«Яйцо» оказалось неожиданно легким. Смолин неловко прижал его к груди. На ощупь оно было теплым и, несмотря на твердость, упругим. При повороте в его зеленоватой глубине мутно перекачивались какие-то волны и неясно вспыхивали крошечные фиолетовые огоньки.

— Странный у него вид, — пробормотал Смолин.

— Еще бы, — Биггс усмехнулся. — Действуйте.

— Как?

— Очень просто. Выбирайте площадку. Где угодно. Небольшие неровности почвы, слабый уклон не имеют значения. Станьте там, где, по вашему мнению, должен быть центр площадки. Следите только, чтобы до ближайшего дерева или куста было метров десять. Все!

Смолин сделал несколько неуверенных шагов.

— Может быть, здесь? — спросил он.

— Прекрасно! Бросайте яйцо.

НЫЙ ДОМ

- Прямо так?
- Конечно!
- Жаль портить такое место...
- Оно не будет испорчено. Бросайте.

Смолин осторожно опустил кристалл на землю. Светлый край облака, ослепительно просияв, коснулся солнца. Луг потемнел. Проекторные лучи солнца косо били в сверкающие вершины далеких гор.

— Теперь уходите.

Все из той же сумки Биггс извлек вороненую трубку с призматическим рефлектором на конце. Отступая к реалету, разматал витой шнур.

— Дальше, дальше, иначе собьет. Сейчас тут будет немного ветрено. Браслет снимите — может испортиться, — Биггс отстегнул с запястья наручный видеофон и кинул его на сиденье реалета. — Кладите свой туда же, там он будет заэкранирован. Вот так, порядок. Начнем!

Перегнувшись через крыло, Биггс подключил шнур и небрежно повел трубкой в сторону кристалла. В ней что-то зажужжало. Рука Биггса замерла.

Ничего не произошло. Сухо трещали кузнечики, зеленоватый овал кристалла мирно покоился среди ромашек. Он потускнел в траве и казался небольшим валуном, совсем обыкновенным, если бы не правильные затесы граней.

Затем что-то изменилось. Оболочка кристалла затуманилась, как при быстром вращении. То, что мгновение назад казалось камнем, оплавилось, потекло, вспухло рыжеющим сгустком.

— Ага, — сказал Биггс. — Видите?

Сгусток, расплавляясь и ширясь, принимал грибовидную форму. В нем бешено и безмолвно крутились дымные струи. Все это походило на атомный, в миниатюре, взрыв. Только бесшумный и без огненного всплеска в сердцевине.

В спину ударил тугой ветер, согнул вершины ближних берез, рокотом пронесся по опушке. Смолин пошире расставил ноги. Ветер мчал сухие листья, сор, былинки, они бесследно исчезали в темном грибообразном вихре.

— Давайте присядем, — предложил Биггс. — Все это не так скоро. — Он сел, не опуская трубку излучателя. — Джинн, а?

— Что?! — прокричал Смолин.

— Я говорю: джинн! Когда он вылезает из бутылки. Не похоже?

Нет, теперь это было не похоже. Теперь над лугом, опираясь на тонкую ножку, висела коричневая масса. Она клубилась, постепенно становясь угловатой. В ней проступали желтые и красноватые, быстро меняющиеся пятна. Воздух дрожал, преломляя очертания склоненных деревьев.

Снизу от массы отделились четыре отростка, дружно коснулись земли; взвился дымок.

— Корневая фаза, — прокомментировал Биггс. — Воздух предоставляет нашему детищу азот, кислород, углерод. Прочие нужные материалы оно, как и подобает добропорядочному растению, берет из земли. А мой излучатель играет роль солнца... Так, вот уже сегментарная фаза!

Ветер немного утих. Метрах в полутора от земли возникло гладкое днище с пятью уходящими в почву опорами, — четыре по углам, пятая, более толстая, оказалась точно в центре. Трава вокруг нее заиндевелла. Сама масса заняла солидный объем пространства. Она явственно стекленела, хотя внутреннее кипение не стихало. Наметилась полусфера — одна, другая, третья. Быстро, как в калейдоскопе, менялся узор поверхности. Внутри угадывался объем каких-то форм. Они то проступали наружу выпуклостью, изгибом, то, сминаясь, уходили вглубь. Одна из полусфер вдруг протаяла.словно кто взмахнул резцом, — теперь это была стена, а в ней самое натуральное чуть выпуклое окно.

Ветер окончательно стих. Дом продолжал формироваться. Казалось, его изнутри лепят чьи-то проворные пальцы. В полной тишине — лишь поодаль пикинул осмелевший кузнечик — текли минуты. Биггс давно опустил излучатель и, рассеянно глядя по сторонам, жевал травинку. Облако, наконец, сползло с солнца, и первый яркий луч отразился в хрустальных парусах окон, затеплил изогнутые стены, оттушевал тени, словно положив всюду последний акkuratный мазок.

— Вот так! — Биггс глянул на часы. — И всего за семнадцать с половиной минут. Поздравляю вас с новым жилищем.

— Да-а... — протянул Смолин. Вздернув подбородок, он озирал дом. — Эмбриотехника, как погляжу, здорово шагнула вперед. Какая быстрота и четкость!

— Стараемся, — Биггс сдержанно улыбнулся. — Впрочем, главное тут не скорость. Вообще классическая эмбриотехника — это уже пройденный этап.

— Пройденный?

— Ну, основной принцип, конечно, тот же, — снисходительно разъяснил Биггс. — Делать все, как природа, делать лучше, чем природа. Совпадают и основные приемы строительства. За-

родыши, семя, клетка, в которой заложена вся генетическая программа развития организма, как в желуде скрыт будущий дуб. Питание, рост за счет, так сказать, местных материалов — воздуха, земли, воды, энергии солнца... Излучателя, то есть, но это несущественно. Словом, аналогия полная, кроме скорости, — она в миллионы раз больше. Человек убыстряет все, к чему прикасается, разве не так?

— Все, значит, и себя тоже? — Смолин недоверчиво покачал головой. — Однако, вы не ответили на мой вопрос.

— Терпение, терпение. Вы не только услышите, вы увидите ответ. Вот как этот дом.

— Тогда почему бы не сделать это сейчас?

— Во-первых, я должен сначала показать вам дом, а мы не можем переступить порог, пока там не установится термодинамическое равновесие. Во-вторых, мои предки были коммивояжерами, очевидно, это у меня в крови, люблю щегольнуть товаром.

— Мы не в двадцатом веке.

— Верно! Все же от того, придется ли эта хижина вам по душе, кое-что зависит. Так что сравнение, поверьте, не столь уж нелепо.

— Долго вы будете говорить загадками?

— Сначала уточним главное. Обожаю последовательность! Вы хотели уединенно пожить и поработать в красивой местности. Так? Так. Место вы одобрили, жилище — вот. Нравится?

Смолин кивнул. Домик походил на изящную, осененную березами раковину. Хотя он был приподнят над землей и опоры выглядели хлипкими, впечатления неустойчивости не возникало. Чем это достигалось? Не лесенкой же, которая спускалась от входной двери. Очевидно, все дело было в пропорциях.

Вычурным дом тоже не был. Он славно вписывался в пейзаж. В нем была естественность творения природы. Да, его создатели умели работать с размахом и вкусом.

— Неловко как-то, — пробормотал Смолин. — Такое — и ради одного человека. То есть, я понимаю, дом построен не только для меня, уеду — в нем будут жить другие люди. Но... Это что такое?!

Пол дома внезапно озарился, бросив на землю мягкий рассеянный свет.

— Идемте!

Подхватив сумку, Биггс зарысил к дому.

— Этот свет, — бросил он на ходу, — означает, что дом готов принять хозяев. Кстати, вы опасались, что строительство повредит луг. Загляните под пол.

Смолин нагнулся. Вся плоскость пола излучала теплый, солнечного оттенка свет. Под домом и вокруг него радужными капельками поблескивала густая роса. Если не считать этого, трава всюду была прежней, и лишь центральную опору опоясывала жухлая кайма.

— Она и там оправится, — махнул рукой Биггс. — Согласитесь, что наш домик ничуть не вредит природе.

— Так, значит, этот свет возмещает затененной траве...

— Совершенно верно. Входите, входите! Надо представить вас дому.

— Это в каком смысле?

— Ну, познакомить, не ловите меня на слове. Как-никак это не просто стены, крыша и все такое прочее. Перед вами, если угодно, квази-существо. Росло, питалось, дышит — живет, в некотором роде.

— Живет?

— Ладно, ладно, — функционирует. Тут и философ запутается. Ноги, кстати, можно не вытирать, какие бы грязные подошвы ни были. Лестница всосет.

Подошвы слегка присасывались к ступеням. Смолин нажал сильнее. Рант ботинка ушел в пористый, податливый материал.

— Не ново...

— А лишняя новизна нам ни к чему. Ее и без того хватит, ручаюсь.

В прихожей Биггс задержался.

— Последняя операция, минуточку. Видите этот красный круг на стене? Защелка здесь. Отводим заслонку. Тут гнездо для энергобатареи. Берем ее...

Биггс достал из сумки рифленый цилиндр, снял с торца колпачок. Открылись сизые блестяшки контактов.

— Вот! Крепим батарею в гнездо — следите! — так, встала... Порядок! На месяц, а то и больше дом обеспечен энергией. Срок службы без подзарядки зависит от ваших потребностей и состояния неба. Кроме того, на первых порах дом располагает небольшим запасом активационной энергии, которую он накопил во время строительства. Но это сущий пустяк, как впрочем, и свет солнца. Подлинное сердце дома — здесь! Осмотрим помещения. Прошу!

Комнат оказалось две, — поменьше для кабинета, побольше для спальни. В окна, мягко отражаясь от янтарных сколов стен, било солнце. Отсвет, как в чаше, собирался в кремевых вогнутостях потолка. В спальне на огромном экране стерео покачивалась тень берез.

И больше в комнатах ничего не было. Смолин приподнял брови.

— Мыслебель?

— Она самая.

Биггс изящно взмахнул рукой. Пол колыхнулся, выгнулся горбом, образовал спинку, подлокотники, — Биггс, не глядя, опустился в уже сформировавшееся кресло.

— Чем плохо?

Смолин пожал плечами.

— Я не говорю, что плохо. Но куда проще

взять и поставить обычную мебель. Экономим на мышечных усилиях и утруждаем мозг.

— Вы преувеличиваете, — незаметным движением Биггс переделал кресло и теперь полулежал, покачиваясь. — Не так уж это сложно и трудно. Или лучше тащить всю обстановку с собой? Два переезда равны одному пожару, как говаривали в старину. Кстати, вы не находите этот свет чересчур резким? Штор мы с собой не захватили, но...

Биггс капризно прищурился. Хрусталь окон, оставаясь прозрачным, мгновенно потемнел, и в комнатах сделался приятный рассеянный свет.

— Тонкая работа, — признал Смолин.

— Это что! — у вскочившего Биггса был вид фокусника, в рукаве которого трепыхается голубь. — Подойдите, здесь заметна толщина оконного биолита. Лепесток, верно? Ударь поильней?.. А если дети? Расшалится парень, разбегаются, споткнется... Как-никак метра два высоты. Воспроизведем ситуацию. Масса у меня побольше, чем у ребенка, я разбегаюсь... Не за мной, за окном следите! Раз, два...

Биггс ринулся. Материал окна был столь прозрачен и тонок, что, казалось, Биггс должен был вылететь, как пушечное ядро. Смолин невольно качнулся ему наперехват. И напрасно. Мгновенней, чем зрачок, окно сузилось и отразило Биггса, как стенка мячик.

Смолин ахнул. Окно стало медленно расширяться, выпуклость биолита разгладилась, все снова приняло прежний вид.

— Таким вот образом, — сказал Биггс. — Динамика!

— Проще было бы сделать биолит потолще, — недоуменно проговорил Смолин.

— Это еще вопрос, это еще вопрос, — Биггс чуть усмехнулся. — О, вы пока что не представляете, каков наш дом! Ладно, продолжим осмотр. Здесь кухня, здесь ванная, здесь туалет. Воду, между прочим, подает сам дом; как бы глубоко ни лежал водоносный горизонт, центровая опора дотянется до него не хуже, чем древесный корень. Здесь сауна... Здесь... здесь...

Биггс тараторил, это мешало Смолину хотя бы немного свикнуться с домом. Волочась за Биггсом, он лишь рассеянно кивал в ответ.

— Не ощущаете ли вы какого-нибудь запаха? Спертости?

— Что? Нет, воздух свежий.

— Лесной, обратите внимание, во всех помещениях свежий лесной воздух! Это при том, что в доме непрерывно идут реакции обмена. Даже кирпич пахнет, а уж живое вещество... Но попробуйте-ка отыскать вентиляцию. Или найти где-нибудь щелочку. Глухо! Везде полная герметичность. Нет вентиляции в обычном смысле этого слова, нет никаких отдушин, нет сквозняков, а воздух прекрасный. Видели вы что-нибудь подобное?

— Сознаюсь, нет.

— Догадываетесь, как это устроено?

Смолин покачал головой.

— Это все дом, — Биггс благоговейно понизил голос. — Дышат, вентилируют окна. Миллиарды невидимых устьиц, и без ущерба для прозрачности — каково? Вот почему мембрана такая тонкая. Все рассчитано, и как рассчитано! Когда-то дом называли «машиной для жилья». Когда было бы назвать его консервной банкой... Тут все иное. Функционально наш дом — организм. Как всякий организм, он стремится поддерживать внутри себя некий оптимум среды. Принцип гомеостата! Но... Есть одно главное отличие. Оптимум для него — мы с вами. Мы! Биггс многозначительно поднял палец. Его глаза сияли восторгом и, конечно, следовало восхититься, изумленно выдавить из себя что-то. Но Смолин почему-то не смог и этого.

— Интересно, — сказал он отрывисто. — Мы — оптимум дома. Это как понимать?

— Но это же ясно! — потрясенно вскричал Биггс. — Ни один дом не способен самоподдерживаться и тем более охранять человека. Только наш дом может беречь себя, как это было с окном, и беречь человека. Растение, реакции которого ускорены в миллион раз! Пусть налетает буря, землетрясение, приходит Аттила с пушками, — можете спать спокойно. Дом пустит добавочные корни, мгновенно упрочит стены, словом, приспособится. Так, верю, было бы и в природе, если бы не скудный лимит энергии.

— Что ж, прекрасное жилище для бурных планет...

— Идеальное, идеальное! Ведь главное отличие нашего дома от всех творений природы и техники вот в чем. Растение существует ради самого себя. Машина целиком принадлежит нам, но это, увы, инертное физическое тело. Мы скрестили оба типа эволюции, взяв их достоинства и устранив недостатки. Вся основная программа жизнедеятельности дома состоит в обеспечении человеческих нужд, как своих собственных. Вся! Если бы у дома имелся хоть проблеск разума, он осознал бы нас, как свою важнейшую часть, душу, если хотите. Воздух — для нас, вода — для нас, тепло, безотказность, изменчивость тела — все, все только для нас!

— Гениально! — не выдержал Смолин. — А как насчет галушек?

— Ч-ч-чего? — Биггс поперхнулся. — Каких галушек?

— Со сметаной. Тех самых, которые прыгали Пацюку в рот. Не читали?

Биггс рухнул в едва успевшее развернуться под ним кресло.

— Да-а, — протянул он, задумчиво глядя на Смолина. — Все правильно и даже сверх того. Таким вы и должны были быть. Яркая и откровенная реакция, спасибо за прямоту.

Смолин смешался.

— Извините, я был чересчур резок... — Он густо покраснел. — Не знаю, что на меня нашло. Простите... Дом, поверьте, достоин восхищения. Это не комплимент. Как я представляю себе, что все это — стены, дышащие и оберегающие себя окна, творящий мебель пол, — вся эта немислимая сложность только что была кристаллом, записью в нем, — меня берет оторопь! Да, вы превзошли природу, поздравляю.

— Спасибо. Только какая это сложность... — Биггс слабо помахал рукой. — Так, относительно... Гордишься, гордишься, а вот как представишь, что мы сами, наши глаза, способные плакать, познающий вселенную мозг, — все возникло из густка ничтожных молекул, было в них просто записью, кодом... Куда нам до природы! Ладно. Я нисколько не сержусь на вас, наоборот. Но что-то вам в нашей новинке очень и очень не нравится. Что?

— Видите ли, — подбирая слова, Смолин прошелся по комнате. — Дело в том... Нет, сначала такой вопрос. Отчего вы мне — именно мне — предложили свою экспериментальную новинку? Мои вкусы, привязанности...

— А! Ими и обусловлен выбор.

— Еще одна загадка?

— Наоборот. Я слишком долго вас поражал, заинтриговывал, чем и заслужил отповедь. Дом экспериментальный, но не в техническом смысле, тут все опробовано. Он, как вы догадываетесь, сулит переворот в образе жизни всего человечества. Поэтому заранее надо знать, кто и как его воспримет. По отношению к прогрессу всегда можно выделить тех, кто приветствует любую новинку только потому, что она новинка, и тех, кто любые новшества встречает неприязнью. С этими малочисленными группами все ясно. Нас интересует та обширная часть человечества, которая не спешит довериться новизне. Вы — типичный ее представитель.

— Весьма признателен, — буркнул Смолин. — Лестно услышать, что тебя считают типичным консерватором.

— Умеренным, умеренным! — Биггс тонко улыбнулся. — Разве это оскорбительное понятие? Мы не в двадцатом веке, как вы справедливо заметили. Нет, что я? Вижу, настал мой черед извиняться! — Улыбка Биггса стала еще ослепительней. — Просто мне нужны откровенные отношения без расхоркиваний и полупоклонов. Но если вы все еще сердитесь...

— Хорошо, обменялись любезностями — квиты. Я тоже за откровенные деловые отношения. Что вам от меня надо конкретно?

— Пока — предварительная, после первого знакомства, критика дома.

— Будет, не беспокойтесь.

Смолин с натугой воздвиг себе кресло и уселся напротив Биггса.

— Не хочу останавливаться на мелочах. На окнах, которые так совершенны, что их нельзя распахнуть, хотя иногда приятно дать ветру погулять по комнате...

— Согласен, — кивнул Биггс. — Дом слишком оберегает свою целостность, это обратная сторона его достоинств. Мы надеемся, что в перспективных моделях...

— Пустяки! А вот даете ли вы себе отчет в том, что вы сделали? Вы сняли последнюю узду с потребности человека селиться там, где ему вздумается. Прекрасно! А результат? Дома, возникающие с легкостью грибов, миглом заполняют Землю. Кроме заповедников очень скоро не останется ни одного нетронутого уголка. Ни единого! Неужели история с автомобилями нас ничему не научила? Те хоть быстро ржавели. А миллиарды ваших домов — да легче чертополох выкорчевать! Во что мы превратим планету?

— Верно! — Биггс хлопнул себя по колену. — Всякий клочок земли — стройплощадка! Это и есть ваше главное возражение? Других нет?

Смолин заколебался. Было еще что-то, вероятно, важное, какое-то ощущение, но его не удавалось выразить.

— У меня пока все, — сказал он, помедлив. — Чему вы радуетесь?

— Сейчас объясню. Миллиарды новых домов, говорите? В каждом уголке Земли? А как насчет сотен миллиардов? Триллионов? Вы убеждены, что хозяйствуете в этом доме временно, что он предназначен для всех. Ошибка! Едва мы закончим испытания, каждый человек получит возможность выращивать себе дом по вкусу. Каждый! И столько, сколько он захочет. Вот истинная перспектива. Да не смотрите на меня так! Сейчас я вам кое-что покажу. Идемте, идемте!

Бурный порыв Биггса подхватил Смолина, точно смерч, и вынес в прихожую.

— Здесь, — палец Биггса торжествующе уперся в гнездо энергодатареи, — скрыта важнейшая особенность дома. Подождите возражать! В чем, я вас спрашиваю, основное противоречие современного строительства? Человеку нужны помещения в самых разных местах планеты, много помещений — для работы, отдыха, поездок, а жить в них одновременно он не может. Отсюда масса пустых и полупустых, необходимых от случая к случаю помещений, зряшний расход пространства и материалов. Каким, следовательно, должно быть идеальное строительство? Дом есть, когда он необходим, его нет, когда нужда в нем отпала. Мы находимся как раз в таком доме.

— Неужели вы хотите сказать...

— Да!!! Отводим заслонку — раз! Здесь, как видите, находится самый банальный выключатель. Снимаем, не трогая батарею, предохранитель — два! Нажимайте!

— И... и что же?

— Дом исчезнет.

Рука Смолина замерла на выключателе.

— А мы успеем выбежать?

— Пока человек хоть одной ногой находится в помещении, дом останется домом. Смелей! Так, правильно... Теперь — наружу. Не спешите, спешить не надо, все срабатывает с трехминутным замедлением. Это так, для страховки. Спокойно располагайтесь на травке и ждите.

Биггс тут же последовал своему совету, а у Смолина ноги будто одеревенели. Дом прямо на глазах стал мягчать, оплывать, сминаться. Он таял, клубясь туманом. В дрожащем воздухе повисла бледная радуга. В лицо ударил тугой ветер, взметнулись заломленные ветви берез. Из мглы и вихря грозно пахнуло озоном.

Биггс спокойно посматривал на часы.

— Ровно девятнадцать минут, — он встал, потягиваясь. — Что скажете?

— Гениально, — Смолин растерянно озирал то место, где только что стоял дом, а теперь было пусто. — Мне и не снилось такое!

— Верю, — пружинящим шагом Биггс обошел место, где пять минут назад, сминаясь, клубился мрак. — Чисто поле! Дома нет, исчез, распался, отдал природе все, что взял. Из земли ты вышел... Полностью замкнутый цикл! А?

Смолин потоптался, ища следы повреждений. Пять утрамбованных лунок там, где находились опоры. В лучах солнца рыжела жухлая кайма зелени. И это было все, что осталось от дома.

Нет, не все. Точно посредине покоился цилиндр энергодатери, а рядом лежало зеленоватое граненое яйцо.

— Вот! — ликуя, показал Биггс. — Можете его взять, перенести в любое место, использовать снова и снова. И если вы думаете, что затраченная при строительстве энергия пропала, то заблуждаетесь. При распаде дома она, не считая неизбежных потерь, аккумулировалась в батарее. Более дешевого строительства, как вы понимаете, нет и быть не может.

— А этот зародыш... он тот же самый? — почему-то шепотом спросил Смолин.

— И да, и нет, — весело ответил Биггс. — Дерево плодоносит, дом — тоже. Из этого «желудя» вырастет новый дом, не хуже прежнего. Что мы сейчас и увидим. Что мы и увидим...

Насвистывая что-то, он пошел к реалету за излучателем. Смолин тяжело опустился на землю. Голова у него кружилась. В высоком небе, совсем как в доисторические времена, скользили белые пухлые облака. Смолин прикрыл веки. «Пора бы уже и привыкнуть. Ну, еще одна техническая революция, еще один переворот, мало ли их было...»

Снова рванул, холодя спину, ветер. Лежа на боку и щурясь, Смолин разглядывал, как растет дом. Его дом. Дом, который возникает и исче-

зает с легкостью фокуса, дом, который можно унести с собой в сумке, перебросить на другой край света, вырастить там и снова спрятать в карман. Дом, который все берет из природы и все отдает природе, как дерево, как ромашка, как гриб.

— Пожалуйте на новоселье! — крикнул Биггс.

Смолин обошел дом. Здание было чуточку не таким, как прежде. Самую малость. Сохранились все главные особенности, пропорции, размеры, отличие в каких-то ничтожных деталях скорей угадывалось, чем замечалось.

— Правильно, — Биггс упредил вопрос. — Потомок никогда в точности не похож на предка. Никогда. Впрочем, однообразие приедается, так что все к лучшему.

Смолин приблизил ладонь к стене и ощутил легкий ток сырого тепла, точно это был круп лошади.

— Существует, а? — подмигнул Биггс. — Теперь вы уж хозяйствуйте сами.

Смолин промолчал. Он прошел в дом, сам укрепил батарею, не торопясь, осмотрел все помещения. Биггс двигался за ним, храня безразличие. Воздух всюду был свежим и приятным, в кранах бодро журчала вода, экран стерео охотно переключался с программы на программу, мыслебель, послушно изгибаясь, принимала должную форму. За окнами зеленел лес, россыпью золотых бликов сверкала излуцина реки, но из складок холмов уже выползали глухие предвечерние тени.

— Ваш запас чудес, надеюсь, исчерпан? — обернулся Смолин. — Дом не преобразуется в мельницу или в дракона?

Биггс каверзно улыбнулся.

— Если вы так настаиваете...

— Что, что?

— Нет, нет, я пошутил. Работы по отдаленной гибридизации не вышли из стадии теории.

— Уф! — Смолин тяжело опустился в кресло. — Послушайте, дорогой прогрессист... Не чересчур ли? Какая гибридизация? Чего с чем?

— Дома с реалетом. Ведь у всякого дела должна быть перспектива, не так ли? Карманный домолет, чем плохо?

— Просто замечательно, — в сердцах сказал Смолин. — Мне как раз не хватало маленького летающего домика... Вот что: нет ли у вас простой избушки?

— Избушки? Это что та... Ах, да, конечно! Избушка, как это я запомнил... Такая древняя, из бревен, на курьих ножках. Как же, как же: такой эмбриоэскиз разрабатывается. Рубленные стены, наличники, опоры с поворотными осями, специально для любителей сельской старины.

— Довольно! — взревел Смолин. — Еще слово, и я такое закачу в отчете... Хочу просто, скучно пожить в вашем идеальном, без выкрутасов, домике.

— То-то же,— усмехнулся Биггс.— Сейчас принесу ваши вещи.

— Зачем? Я сам.

— Нет, уж позвольте. Устроить вас — это моя обязанность.

Опережая Смолина, он выскользнул за дверь. Пожав плечами, Смолин остался в кресле.

Его охватило молчание дома. Оно стояло в нем, как вода. Ни звука, ни колебания, полная, как в зачарованном замке, неподвижность.

Не совсем, впрочем. Косые лучи солнца высвечивали пылинки, и можно было заметить, что стены притягивают к себе этот светлый порхающий рой. Дом давал о себе знать, он был спереди, сзади, он всюду присутствовал как незримый, бесстрастный, угодливый слуга. У Смолина напряглись мышцы плеч, затылка. Только сейчас до его чувств дошло, что он находится не просто в стенах, а внутри организма, который дышит, присматривает, живет своей скрытой жизнью.

Резко вскочив, Смолин подошел к окну. Вдали сахарно белели зубцы гор. На лугу тени берез кое-где уже сомкнулись с тенями леса, но золотисто-зеленые прогалы света еще преобладали. Мир был спокоен, тих и привычен. Напряжение отпустило Смолина. Он обернулся. Ничто не подсматривало, не следило, не дышало в затылок, комнаты были, как комнаты,— просторные, уютные. «Консерватор ты, консерватор,— укорил себя Смолин.— И вправду консерватор. Ну, жили в пещерах, в небоскребах, пора перебираться в эмбриодом. Вопрос привычки — только».

Вблизи ощущался запах материала, смутный и терпкий, какой иногда накатывает на лесной поляне. Смолин погладил стену. На ощупь материал напоминал дерево, гладкую сосновую доску. Пальцы ощутили прохладу, но это не был холодок камня, пластобетона; так холодить могла бы кора ольхи в укромной тени полудня.

Ощущение хотелось продлить, но все прерывал какой-то невнятный шум за притворенной дверью прихожей.

— Вам помочь? — крикнул Смолин.

— Пустяки,— донеслось оттуда.— Один крошечный момент...

Глухо бухнул удар.

— Биггс!

— Сейчас, сейчас... Не беспокойтесь...

Смолин кинулся в прихожую и замер, оцепенев. Взъерошенный Биггс, зло бормоча что-то, возился перед плотно закрытой наружной дверью. Нигде не было и следа вещей, которые он вызвался принести.

— Биггс, что с вами?!

— Ничего, ничего, абсолютно ничего, так, маленький непорядок... Я мигом...

Пряча взгляд, он навалился плечом на дверь, но та даже не шевельнулась.

— Она заперта! — изумился Смолин.

— Вот еще,— пробормотал Биггс.— Вовсе она не заперта, кто же теперь ставит запоры... Заело, вот что! Давайте вместе — разом...

Не веря себе, Смолин кинулся на помощь. От дружного толчка дверь слегка прогнулась.

— Ага! Еще немножко...

— Биггс! — Смолин в ужасе схватил его за руку.— Смотрите!

— Что?

— Стена срывается с дверью!

— Вы с ума сошли...

— Зазор оплывает! Глядите!

Багровое от усилий лицо Биггса побелело.

— Ну-ка, быстро, с разбега! Раз, два...

От таранного удара дверь снова прогнулась.

— Поддается!

Ничего подобного. Казалось, они налетают на скалу.

— Биггс,— задыхаясь, сказал Смолин.— Что это значит? Биггс, мне это не нравится.

— Мне тоже,— осевшим голосом ответил Биггс.— Этого просто не может быть...

— Но ведь факт! Как мы отсюда выйдем? Биггс затравленно огляделся.

— Попробуем еще раз. Может быть, она утоньшится...

Они отступили в дальний конец прихожей и ринулись. У Смолина потемнело в глазах.

— Славное занятие,— прошипел он, морщась от боли.— Слушайте, вы часом не перепутали зародыш? Может быть, это блиндаж, тюрьма для каких-нибудь любителей старины?

— Смейтесь, смейтесь,— угрюмо потирая плечо, сказал Биггс.— Невероятно, но дом нас, похоже, замуровал.

— Так вызовите техпомощь!

Биггс исподлобья взглянул на Смолина.

— Техпомощи не будет.

— Это еще почему?

— Наши видеофоны остались снаружи. В реалете, если вы помните.

Машинально Смолин тронул запястье, где всегда, сколько он себя помнил, был браслет, необходимый и привычный, как воздух. Пусто!

Биггс уныло развел руками.

— Но это же ни с чем не соотносимо! — вскипел Смолин.— Это, это... Куда вы?

Но Биггса уже не было в прихожей. Вбежав в комнату, он лихорадочно сформировал табурет и что есть силы грохнул им по окну.

Табурет смялся.

— Так я и думал! — Биггс отшвырнул табурет.— Ну что вы молчите? Ругайте, проклинайте, я ничего не могу понять!

Смолин растерянно молчал.

— Хорошо,— яростно проговорил Биггс.— Хватит крысиных наскоков. Будем логичны...

Он заметался по комнате.

— Успокойтесь,— мягко сказал Смолин.— Что тут такого? Люди испокон века теряли ключи

от квартиры. Помню, в одной старинной книге была смешная история о голом человеке, который ненароком захлопнул за собой дверь... Меня — нет, а вас наверняка хватятся не сегодня, так завтра.

— Скажите лучше — через месяц! И надо же так совпасть! Сегодня ночью я собирался вылететь к жене на Марс, и все знают, что меня долго не будет.

— Но ваш отчет...

— Предварительный никому не нужен, а окончательный... Вы собирались уединиться на месяц, не так ли?

Смолин тихо рассмеялся.

— Вы находите наше положение столь забавным? — пробурчал Биггс.

— Отчасти — да. Извините... Я забыл, что для вас это не просто приключение.

— Дело не в этом, — Биггс шумно опустился в кресло. — Я понятия не имею, что произошло с домом, и это меня больше всего тревожит. Что он задумал?

— Задумал?! Вы же сказали, что он не...

— Он разумен не более, чем береза, не придирайтесь к слову. И все-таки он повел себя самостоятельно. Нарушена программа, чего быть не может!

— Гм, — Смолин тоже уселся. Оранжевый луч заходящего солнца пересек его колени. — Я, конечно, не эмбриотехник, но на досуге люблю возиться с цветами. Программа, самостоятельность, она же — свобода воли... Тут надо разобраться, не торопясь.

— А ничего другого нам просто не остается, — желчно ответил Биггс. — Не вижу выхода, хотя он должен, обязан быть, и позор нам, если мы его не найдем!

Он стукнул кулаком по подлокотнику.

— Да, глупо, — согласился Смолин. — Просто нелепо! Вы говорите — нарушена программа. Какая? Все, что делает растение, оно делает ради самосохранения. Себя, потомства, вида... Собственно, так поступает любое существо. Эта программа, насколько я понял, присуща и дому.

— Разумеется! Но основная его программа — сохранение обитателей. И она нарушена.

— Так ли? Поступок дома, — ведь то, что он сделал, можно назвать поступком? — по-моему, не противоречит ни той, ни другой программе.

Биггс отчаянно замотал головой.

— Нет, вы не понимаете! Дом вышел из повиновения. Вторая программа исключает это начисто.

— В ней есть четкая, однозначная на этот счет команда?

— Ну, не совсем так. Имея дело с генетикой, нельзя регламентировать все до мелочи. Задан общий принцип.

— Ах, общий принцип! — Смолин кисло улыбнулся. — Однажды, роюсь в литературе, я на-

ткнулся на древний юридический казус. Двое плечистых мужчин, встречая на темной безлюдной улице одиноких женщин, всякий раз очень вежливо просили у них денег взаймы. Мужчины не угрожали, их оружием была сама ситуация того времени, страх перед возможным насилием. Но формально они не нарушали закон, потому что нелепо запрещать кому бы то ни было просить взаймы даже у незнакомых. После поимки этих грабителей пришлось дополнять закон.

— Опять вы уподобляете дом разумному существу, — поморщился Биггс. — Он испытан сотни раз и никогда...

— А дом не мог мутировать?

— Мутировать?! — Биггс непонимающе уставился на Смолина. — Да с чего, собственно?

— Ну, мало ли что... Космическая радиация, какие-нибудь вещества почвы или там перегрев...

— Не считайте создателей дома олухами, — отрезал Биггс. — Конечно, они учитывали возможность мутаций. Предусмотрены были все известные факторы, и...

Биггс замер с открытым ртом.

— Идиот! — возопил он. — Нет, это надо же быть таким метафизиком! Ах, чтоб нас всех!.. Слушайте, у вас поразительный ум!

— Так я угадал?!

— Да о том ли речь! — жестикулируя, Биггс забегал по комнате. — Мгновенная приспособляемость, иной тип эволюции, что там наши жалкие мутации! — нет, это перевернет теорию, мало того — создаст новую! Вы понимаете, понимаете?! Биологическая эволюция — это мутации и отбор; прогресс техники — тоже своего рода мутации: изобретения, открытия, — и тоже отбор. А в новом, гибридном типе эволюции — должны быть свои, особые случаи мутации и отбора? Еще как, безмозглые мы метафизики! Какова первая, основная цель дома? Правильно, самосохранение. Наш приказ дому уничтожиться — противоречит он ей? Еще бы! Однако воспрепятствовать своей гибели дом способен не больше, чем дерево порубке. Но... При каких, спрашивается, условиях «программа смерти» не реализуется, даже если пусковая кнопка нажата? Ага, вы уже догадались! Она не будет выполнена тогда и только тогда, когда в доме находится человек. Вот и все! Дом сотни раз умирал в экспериментах, и ведь это эволюция, это отбор. И дом научился, как обойти запрет, не нарушая его. Заточив нас, он обрел бессмертие!

— А как же вторая программа? — воскликнул Смолин. — Хотя...

— Вот именно! — Биггс ликующе потер ладони. — Его действия вытекают из обеих программ. Ведь заботиться о человеке, как о самом себе, наш дом может лишь тогда, когда человек находится в нем. Только! Нет, это просто паразитально... Ударьте дерево топором, и порез за-

плывает. А чем не рана открытая дверь? Сходится, все сходится! Слушайте, это грандиозно... Мы создали особый тип эволюции и думали, что идеально приспособили ее к себе. А она тут же внесла поправку, идеально приспособив нас. Гениальный дом, нет, каково?!

— Замечательно,— сухо сказал Смолин.— Я вне себя от радости, что стал объектом оптимального приспособления своего жилища к своей персоне. А вот что мы будем есть в своем заточении?

— Да-а...— Биггс сник.— В перспективных моделях будущего мы рассчитывали научить дом выращивать любую пищу, но в этой хижине...— он почесал затылок.— Боюсь, что при всей своей гениальности дом не сообразит нам бифштекс. Ничего, теперь мы выяснили причину, знаем, что дом не обезумел. Подумать, как перехитрить его олеку, время есть.

Опустив голову, Биггс зашагал по комнате. Смолин растерянно следил за ним. В молчании прошло десять минут. Двадцать. Полчаса. Вечерние тени окончательно затопили луг. Вдали над сизо-дымчатыми холмами медленно розовели снежные пики гор. В пока еще светлом небе реяли стрижи. Смолин перевел туда взгляд. Реалет с опущенными крыльями был так близок от окна, что мысль о его недостижимости не укладывалась в сознании. С детства привычная возможность в любое мгновение переместиться куда угодно не замечалась раньше Смолиным, как дыхание, и то, что случилось теперь, все еще казалось ему нереальным. Он пробовал избавиться от этого ощущения, но не получалось.

Заперты! Чувствовал ли что-нибудь дом? Нет, конечно. Если бы он чувствовал, то всякий уход человека причинял бы ему страдание, как потеря самого дорогого, ради чего он живет на земле. Его бы, верно, корчило от боли. Но как-то он все это ощущал, все-таки ощущал.

— Нельзя ли с ним как-нибудь вступить в переговоры?— не выдержал Смолин.— Есть же контакт на уровне мысле мебели.

— Глупо, но я уже пробовал,— отозвался Биггс.

— Стоит пожалеть, что дом безмозгл.

— Пожалуй. Прогресс эволюции— это еще и прогресс сознания, и, мысленно обращаясь к дому, я кое на что надеялся. Пустое! Вот в перспективе...

— Вы еще думаете о перспективе? После такого урока?

— А как же! Новые свойства— это новые возможности. Урок? Что ж, огонь жжется, радиация умерщвляет, но без них не было бы цивилизации. Ничего, справимся. Не знаком ли вам какой-нибудь сигнальный код?

— Увы!

— Я тоже не знаю. Жаль. В темноте мы могли бы сигналить окнами.

— Можно просто включать и выключать свет.

— Безусловно. Место, однако, глухое, а если кто и заметит... Я бы лично решил, что это какая-то забава. Бедствие? Нелепо. Видеофона у них нет, что ли? И реалет под окном. А праздное любопытствовать— не в прошлом веке живем.

— На вторую или третью ночь мигания, положим, кто-нибудь отбросит деликатность.

Не обращившись, Биггс досадливо махнул рукой. Его профиль сновал на фоне сереющих окон, и эти метания были невольным укором. Смолин тихонько вздохнул. Ему что, ответственность не на нем. Сколько дней человек может голодать? Эх, знать бы эмбриотехнику... Чем такой, как он, профан еще может помочь? Чем?

— Подать сигнал, подать сигнал...— забормотал Биггс.— Что-то должно вырваться из дома... Допустим, свет— с ним ясно; звук... отпадает. Вода? Открыть все краны, заткнуть отверстия слива, затопить дом. Тогда... А, как вы думаете?

— Не понимаю, что это нам даст.

— Нарушится оптимум, дом будет вынужден... Вероятно, он сделает новые отверстия.

— Шириной в лаз?

— Вы правы. Может быть...— Биггс заглянул в окно.— Нет, тоже ерунда.

— Что именно? Пустить ручей, по нему кораблик с запиской?

— Представьте себе!— Биггс невесело рассмеялся.— Вот до чего дошло... Право, я начинаю сомневаться, кто же из нас глупее— я или дом. Все, точка. Будем действовать строго по научной методе. Я тебя перехитрю, тварь безмозглая!

Биггс погрозил кулаком, и этот нелепый жест показался Смолину естественным. Он поймал себя на том, что вопреки рассудку воспринимает дом как одухотворенное, может быть, злонамеренное существо. Очень хотелось есть, не так, как в детстве, когда, заигравшись, он пропускал обед, а нествязно, постыдно, сосуще.

На вершинах погас последний отблеск зари. В темном зените вдруг вспыхнул, разгораясь, сиреневый импульс дальнего космического рейсовика. «Старт с орбиты— семь»,— машинально определил Смолин. Сверкающий аметист тихо дрожал в ночном небе. Биггс со вздохом опустился в кресло. Черным всполохом метнулась за окном летучая мышь.

Из угла доносилось невнятное бормотание. Потом оно стихло. Потом...

— Как я и ожидал, все очень просто,— Биггс с шумом поднялся.— Выход кроется в элементарном силлогизме: для дома мы часть его самого, тогда как обратное утверждение неверно. Отсюда следует, что мы можем и должны умертвить дом.

— Как?— подскочил Смолин.— Каким образом?

— Самым банальным,— Биггс ласково погладил спинку кресла.— Какая замечательная выдумка — мыслебель... Ведь мы сейчас внутри организма, не так ли? Совсем как бактерии.

— Ну и сравнение!

— Неверно разве? Во всяком случае, ничто нам не мешает превратиться из смиренных обитателей в свирепых.

— Не понимаю...

— Дом обязан выполнять свои функции, все функции. Обязан! Человек не послушается приказа присесть до разрыва сердца, а вот дом не определяет, какой приказ дурацкий, а какой нет. Это и даст нам свободу.

— Опять загадки?

— Извините, я, похоже, неисправим. Замысел прост до примитивности. Что мешает нам проломить окно? Способность материала самоутолщаться. При каких условиях окно не будет самоутолщаться? Тогда, когда в доме не станет энергии. Солнечной энергией он, как следует, не успел запастись, а батарею... мы отключим.

— А-а!

— То-то же! Все непонятное только кажется сложным. Живей за дело, и я, может быть, еще успею на свой марсолет!

Биггс рысцой выбежал в прихожую и минуту спустя вернулся с цилиндром в руках.

— Наконец-то,— сказал Смолин.— Это нелепо, но пока вас не было, мне померещилось, что дом разгадал наши планы...

— И заблокировал батарею,— весело кивнул Биггс.— Знаете, у меня мелькнула похожая мысль. До чего же сильны первобытные страхи! Та-ак, теперь поработаем.

— Что надо делать?

— Все! Пустим воду — пусть качает. Погорячей, погорячей, будет лишняя трата... Зажжем всюду свет, включим стерео — играй, дом! Ловите что-нибудь побравурней. Так, прекрасно, лунная станция, катание на льду под звуки «Турецкого марша» — это нам соответствует... Какие прыжки! Теперь громоздите мебель. По-больше, навалом, живей! Начали!

Ничего более безумного Смолин припомнить не мог. Грохотала музыка, сияли стены, из сауны валил пар, призрачно вихрились на экранах танцоры, шипела вода в кранах, а он с Биггсом метался среди этого хаоса, громоздя столы, стулья, диваны, кресла, все дикое, перекошенное, как их скачущие мыслеобразы. Пол от раскочки ходил ходуном, и еще приходилось увертываться от каких-то скамеечек, табуретов, соф, которые в самый неподходящий момент возникали по прихоти Биггса, а под ногами крутился забытый цилиндр батареи, но было не до него, не до мелочей — лихое неистовство завладело Смолиным. В запотевших окнах угрюмо чернела ночь.

— Наддай, наддай! — кричал Биггс.

От этого неистовства путались мысли, изнемогая, стучало сердце, и дом тоже изнемогал, — все более вяло формировалась мебель, не так победно шумела вода, уже не слепил глаза свет, и даже движения танцоров, казалось, замедлились.

Скрежетнув, на полутакте оборвалась музыка.

— Уже немного... пустяк остался, — задыхаясь, проговорил Биггс.— Дружней, поднажмем!

Внезапно его глаза расширились. Он с воплем кинулся на пол, хватая цилиндр, с которого от тряски слетел колпачок. Что-то бледное, как подземные корешки, шевелилось возле контактов, петлями обхватывало батарею.

— Держите!!! Дом нащупал ее!!!

Остолбенев, Смолин смотрел, как корчится Биггс, стремясь отодрать цилиндр, как пол выбрасывает все новые шевелящиеся отростки.

— Да помогите же!!!

Крик вывел Смолина из столбняка. Они навалились вдвоем. Бешеным усилием удалось приподнять край цилиндра, но другой будто прирос к полу.

— Неважно, неважно, — тяжело шептал Биггс.— Лишь бы дом снова не дотянулся до контактов... Осторожней, сами их не коснитесь!

Ловким движением Биггс подсунул руку под свободный торец, полюбил его.

— Вре-е-ешь, не удастся... Где колпачок?!

Нигде его не было, он затерялся в хаосе мебели.

Смолин едва не завопил, когда выросший сбоку отросток коснулся его руки. Биггс локтем пытался прикрыть контакты. Отростками, казалось, овладела растерянность. Они не выпускали цилиндр, но свободные корешки двигались беспорядочно. Их шевеление напоминало взволнованное колыхание ресничек росянки, которая слепо и упорно пытается нащупать близкую добычу.

Минуту-другую ничего не было слышно, кроме сопения людей и сиплого шипения кранов. Свет комнаты явственно и быстро желтел.

— Главное — удержать, — хрипло сказал Биггс.— Экономьте усилия, скоро все кончится. Как он, однако...

— Кто?

— Дом, кто же еще? Стебель тянется к свету, корень к воде, а он сразу... Нет, какова реакция! Какая молниеносная перестройка ткани... И это в агонии!

— Отростки замерли. Может, отпустим?

— Ни в коем случае! Наше счастье, что дом ослабел, прежде чем контакты случайно коснулись пола и дом почуял источник энергии. Но он продолжает его искать — смотрите! Стоит хоть одному отростку дотронуться... Пригните вон тот...

— Свет гаснет...

— Рано, рано! Вспомните, как ведет себя утопающий, и держите, держите! Стоит дому завладеть батареей — плакала наша свобода.

— Держу, держу...

Свет мигнул пару раз, словно дом хотел рассмотреть что-то, и погас. В серых пятнах окон медленно проступал узор созвездий.

Прохрипев, смолкли краны.

— И в самом деле похоже на агонию, — прошептал Смолин.

— В доме еще тлеет жизнь. Что-то скользит по моим пальцам.

— Вы думаете, он будет до самого конца...

— А что ему остается!

Смолин вздрогнул.

— Воздух! Может быть, лучше...

— Отпустить и замуровать себя? Ничего, удушье не бывает мгновенным — успеем.

— Вы ручаетесь, что окно сразу поддастся?

— Да, если ударить посильней.

Пол, казалось, вспотел от усилий, — такой от него теперь шел запах. Преодолевая брезгливость, Смолин пошевелил в темноте рукой, пока не нашарил какой-то отросток. Тот слабо ворхнулся. Словно теплый осязающий кончик мизинца прошелся по ладони. Это было невыносимо, — Смолин тут же отдернул руку. Мертвая тишина дома больше не могла обмануть. В нем шла напряженная, жуткая своим безмолвием борьба. Живое представилось, как перебиваются, агонизируют его ткани, как по всей массе дома в лихорадке снуют сигналы, мечутся связующие организм токи, слабея, гаснут, а дом инстинктом последнего усилия ищет приток спасительной энергии, ищет безумно, слепо, неотвязно, даже не ощущая, словно огромный подсеченный ножом гриб... Или человек в беспомощности наедине с подступающей смертью!

Смолин почувствовал, что задыхается. Показалось? Он судорожно глотнул воздух, и новый вздох, вместо облегчения, перехватил горло тяжелым удушливым запахом, столь внезапным и тошнотворным, что сердце заколотилось в панике, а мозг пронзила резкая боль.

— Биггс... — Судорожная возня вместо ответа. Вентиляция... Так скоро?! Не может быть!..

— Спокойно. Держу отросток... Почти дотянулся, гад...

— Воздух... Дайте ему, дайте!

— Без паники! Это запах дома, он скапливается внизу... Удержу, вы — бросайте! Живо к окну, слышите?

Смолин хотел вскочить — подкосились ноги. Перед глазами, вращаясь, замельтешили красные пятна. Воздуха как будто не стало. Горло, легкие забило что-то тягучее, вязкое, удушающее.

«Дом... Здесь все ускорено... Он умер и выделяет, выделяет... Надо... успеть...»

Он дотянулся до чего-то, пошатываясь, встал. Боль в голове глушила ужас, изумление, все, но легким стало чуточку легче. Как из другого мира, донеслось чье-то хрипение.

«Краны?... Нет, это Биггс... Просчитались... Ну, еще шаг...» Руки ухватили что-то тяжелое. Оторвали от пола. В окне, отдавая болью, пронзительно горело созвездие. «Туда, в созвездие... Не смей падать, дрянь!..»

Руки, тело бросили тяжесть прямо в центр пылающего созвездия, оно взметнулось, и Смолин ощутил, что сам он откидывается, падает, падает, и дикая боль в мозгу блаженно стихает.

Погасло все.

...Мгновение, вечность? Темнота, укол звездного света, что-то мокрое стекает по лицу...

— Очнулись?

Чьи-то руки бережно приподнимают, мокрое лицо холодит воздух, под ухом такой знакомый голос. Биггс?

— Я... я разбил окно?

— Все, все в порядке... Нет, вы не разбили.

— Значит, вы отдали...

Короткий смешок.

— Темно — видите? Я не отдал.

— Но как же воздух... Вы?

— Дом. Вглядитесь.

Смолин приподнял голову — это удалось без всяких усилий. Тысячи искристых точек усеивали окно, и звезды терялись в них, как среди алмазно мерцающего черного поля.

— Последним, самым последним усилием, — зашептал Биггс, — дом раскрыл, разорвал все свои устья. Ведь дыхание — важнее всего.

— Для кого? — Смолин сжал руку Биггса. — Для кого?

— Для нас, конечно, — в голосе Биггса слышалось удивление. — Все, что дом делал, он делал только для нас. Он и перед гибелью позаботился о нашей... нашей сохранности. Мы его душа, как-никак.

Биггс снова издал короткий смешок. Смолин, неловко опираясь на его плечо, встал.

— Можете сами двигаться?

— Как видите.

— Тогда не будем терять времени. В темпе, в темпе! Разобьем окно и... Ах, как неладно все получилось! Теперь, я так полагаю, вы и близко не подойдете к дому, как бы жестко мы его ни запрограммировали.

— Ничего вы не понимаете, — неожиданно для самого себя сказал Смолин. — Нам жить с домом, но и дому жить с нами. Тут нужно искать общий язык, а это занятие как раз для неторопливых.

Воздушный поезд

Вместо неудобных... железных дорог Советы ввели спроектированную еще в 20-х годах нашего столетия К. Э. Циолковским дорогу с поездами, приводимыми в движение воздушными турбинами.

Такой поезд «передвигается» по прямой, как стрела, бетонированной, гладкой дороге. Перед отправлением бесколесный поезд ложится на бетонное полотно своим полом, затем между полом вагона и полотном дороги накачивается воздух, который держит на себе весь поезд. Иными словами, поезд висит на тонком, в несколько миллиметров, слое

воздуха. Уничтожая трение, эта прослойка в то же время, вырываясь сзади вагона, оказывает на него продольное давление, иначе говоря, создает тягу поезда. Воздушные поезда, развивая скорость до 1000 километров в час, перелетают с разбега, без мостов, через самые широкие реки и озера. Останавливают такой поезд ослабляя под ним воздушное давление.

Я. ЛАРРИ.

Страна счастливых. 1931.

■ Прогнозы писателей и ученых

■ Каков ты, собрат по Разуму?

■ Викторина

В 198... году

Я уверен, что замена в человеческом организме большого органа здоровым и полноценным широко войдет в хирургическую практику. Инвалидность, вызванная утратой какой-либо части тела, станет анахронизмом. И не изделия протезной промышленности будут возмещать человеку такую утрату, а хирургия. Рука, или нога, или глаз, утраченные вследствие какого-либо несчастного случая, будут заменяться таким же полноценным органом, взятым из другого организма после его клинической смерти. Само сердце — этот важнейший орган жизнедеятельности — сможет быть заменено другим, вполне работоспособным живым сердцем...

В. ДЕМИХОВ,
хирург. 1961.

Все знания мира...

Ум зависит от многих факторов. Но есть нечто обязательное, главное. Это — знания. Объем знаний.

Представьте себе, что все знания мира можно практически мгновенно вложить в головы всех людей. Все знания мира...

Глаз медлителен. Путь информации по зрительному каналу связан с двукратным превращением энергии. Световая энергия изображения превращается сетчаткой глаза в биохимическую. Затем совершается еще один переход: биохимическая энергия превращается в электрическую энергию биотоков, идущих по зрительному нерву в мозг.

Смотрите, какая получается механика. Вы читаете книгу. Взгляд упал на цифру или букву. На сетчатке возникло изображение. Однако в волокна зрительного нерва идет не само изображение. В во-

локна идет ток. Каждой букве, каждой цифре, вообще каждому изображению на сетчатке соответствует своя серия электрических импульсов. Смысл моей идеи в том, чтобы подавать в зрительный нерв «готовые» токи. Пусть человек читает, не глядя в книгу. Глаз «разжевывает» изображение слишком медленно, и мы подключаемся к мозгу непосредственно через зрительный нерв с его ста тридцатью миллионами волокон. Улавливаете? Каждое волокно — как отдельный провод. Можно вести передачу со скоростью, на которую способны лучшие запоминающие устройства...

Г. АЛЬТОВ.
Опалюющий разум. 1966.

Каков ты, собрат по Разуму?

Удивительные создания эти ссвисы... Горизонтально поставленное тело на четырех высоких тонких ногах, а спереди вертикальный, почти человеческий торс с двумя длинными руками. На руках у них по шесть пальцев неравной длины; два из них противостоящие. Голова круглая, безволосая и безухая; уши заменяют перепонки, закрывающие внутреннее слуховое раковины. У них три глаза светло-серого цвета; средний, самый большой, расположен посередине лба. Широкий рот вооружен острыми, как у ящера, зубами, нос, длинный и мягкий, спускается почти до самых губ.

Движения их стремительны и грациозны, а в скорости они превосходят лучших рысаков...

Ф. КАРСАК.
Робинзоны космоса.

ПРОВЕРЬТЕ ВАШУ ПАМЯТЬ

Под таким названием мы поместили в прошлогоднем десятом номере викторину по фантастике. Ответы на нее будут опубликованы в следующем выпуске «Калейдоскопа», там же будут названы и имена победителей викторины. А пока предлагаем вниманию читателей новые вопросы. Их авторы — В. Ежов (Ленинград), В. Ефименко (Магнитогорск), В. Козубов (Чимкентская обл. КазССР), Е. Купин (Нижний Тагил), В. Полтавский (Хабаровск), В. Трефилов (Кустанайская обл. КазССР), Ю. Филатов (Нижневартовск Тюменской обл.), И. Халымбаджа (Свердловск). Один вопрос (девятый) любезно предоставил в наше распоряжение писатель-фантаст Г. Альтов.

Читателям, приславшим наиболее точные и полные ответы, по традиции будут вручены книги с автографами советских фантастов. Учитываются ответы, которые поступят в редакцию до 1 июля 1976 года.

1. Попробуйте вспомнить самое длинное название фантастического произведения, состоящее из одного слова.

2. $N_2O + x \cdot 2; 451^\circ F; 3-; 137''$.

Названия каких произведений здесь зашифрованы? Если сумеете — зашифруйте подобным же образом названия других фантастических книг.

3. «Он был веселый, грустный и лохматый, гонец Венеры или сын Земли, он был во много раз сложнее, чем атом, всех тайн его постичь мы не смогли. Он был сложнее и гораздо проще, доверчивый, живой метеорит. Мы в честь него назвали эту площадь.

Он был живой, здесь прах его зарыт».

В каком произведении, кому и за что установлен памятник, увенчанный этой эпитафией? Какие другие оригинальные памятники встречались вам в фантастических книгах?

4. В каком фантастическом произведении использованы элементы сюжета известной русской сказки про Курочку Рябу? Кто его автор?

5. Кем придуман фазоциклер? В чем заключается его основная функция? Укажите первоисточники любых других трех-пяти неологизмов (технических или научных) из современных фантастических произведений.

6. Какую идею, появившуюся в фантастике последнего десятилетия, вы считаете самой оригинальной?

7. Постарайтесь найти в фантастике колоритные описания встречи Нового года людьми будущего.

8. «Она подошла к столику, на котором стояла небольшая по размеру, но очень мощная радиостанция, нажала какие-то кнопки.

— Говорит Марс! Марс вызывает «Вестника»!

Спустя несколько минут раздался немного хриплый, но приятный голос:

— «Вестник» слушает! Анна, это вы?

— Да, Таомей, привет...

— Привет, Анна. Мы с Брауном как раз собирались вызывать вас. У вас все в порядке?

— Да, Таомей!

Раздался и другой голос:

— Привет вам и от меня... это я — Браун. Мы летим, но не ощущаем этого. Впечатление такое, что стоим на одном месте! А скорость чудовищная. Таомей, где мы сейчас?

— Все еще близ Солнечной системы. Мы пролетели около ста миллиардов километров. Видим Солнце, как маленькую звездочку...

— Как поживает Элий? — спросила Анна.

— Грустит, — ответил Таомей. — Может быть, несмотря на все, нам нужно было побывать на Земле?

— Да, Таомей, нужно было...

Они говорили о самых обыденных вещах».

Этот эпизод взят из повести П. Ступова «Гости с Мисона». Космонавты, находящиеся на Марсе, разговаривают со звездолетом. Как вы думаете, какую весьма существенную поправку нужно внести в этот разговор?

9. Предложите ваши вопросы для новой викторины.

И СТЕПЬ, И ЛЕС...

**ПЕТР
ДЕДОВ**

*Рисунки
В. Старцева*

Волшебный рожок

Вспоминается детство...

Деревенька наша, маленькая, дворов о двадцати, была затеряна в бескрайних просторах Кулундинских степей. Но все ли представляют, что такое настоящая степь? Это плоская, без кустика и деревца равнина, неоглядно разметнувшаяся во все концы света. Зимой до горизонта белые снега, а летом степь покрыта бурными, выгоревшими травами, белесыми островками едкой полыни да проплешинами сверкающих на солнце солончаков. И надо всем этим — широкое небо, тоже белесое, как выгоревший за лето бабий платок.

Трудно вообразить себе степь, пока не увидишь ее своими глазами. Да и на полотнах живописцев степь почти не встречается. Художники любят изображать тенистые дубравы с солнечными бликами на траве, скалистые берега с белоснежным прибоем, горы, где игра света и тени бывает изумительно яркой и пестрой...

Но попробуйте нарисовать степь. Зимой, например. Чистый лист бумаги разделите горизонтальной чертой — это и будет горизонт. Нижнюю часть листа закрасьте голубоватым: степь покрыта снегом. Верхнюю часть чуток подголубите — блеклое небо над степью. Вот и вся картина. Переверните ее вверх тормашками — будет почти то же самое.

А между тем степь неповторима! Летом над всеми другими запахами господствует терпкий запах полыни. На нем настоен воздух, им пропитана одежда, помытым привкусом отдает озерная вода, даже коровье молоко немного горчит и пахнет полынью.

В жаркие дни, когда стекленеет добела раскаленный воздух, неожиданно налетают горячие ветры. и по степному раздолью, вырастая словно из-под земли, начинают метаться вьюны желтой пыли, захватывают и поднимают на огромную высоту все, что ни попадет на пути.

Зато лунные ночи растворяются в недокучливой теплыни и наполнены такой неземною тишиной, что крик перепелки во ржи слышен за десяток верст. Голубое безмолвие заколдовыва-

ет, и начинает казаться, что зеленоватые звезды роятся в вышине, сталкиваясь, издают хрустально-чистые звуки. Прозрачное облачко прикроет луну — и тогда безмолвными призраками помчатся по степи причудливые тени, словно табуны диких лошадей с клубящимися по ветру гривами...

Но я не ставил своей целью описывать степь. Всегда вот так: только коснешься милых сердцу воспоминаний, и трудно уже отделаться двумя словами от нахлынувших картин, и поведет тебя, понесет по течению... А я ведь всего-навсего хотел сказать, что деревенька моего детства располагалась за сотни верст от шумных городов и больших дорог, а потому появление здесь нового человека было целым событием и долго обсуждалось на все лады сельскими жителями.

Таким человеком, приехавшим к нам в самом конце войны, оказался дядя Троша — щедушный мужичок с удивительно синими, как весеннее небушко, глазами на иссеченном морщинами лице.

Говорили, что родную деревню его, которая была где-то под Курском, дотла спалили немцы, отец и мать пропали без вести, а сюда он приехал по настоянию своего фронтowego друга Николая Агуреева, нашего односельчанина. Сам Николай еще воевал где-то за границей, а дядя Троша поселился у его родителей — они приняли изувеченного солдата, как родного сына. Он был тяжело ранен в шею и потому голову держал набок, словно воробей, который прицеливается к зернышку. Да и своим маленьким испеченным личиком под большим козырьком кепки, своими шустрыми повадками дядя Троша как-то неуловимо напоминал воробья.

Работать он устроился колхозным пастухом. И однажды утром, заревой ранью, село наше разбудили странные звуки, никогда доселе здесь не слышанные. Раздольная мелодия, чудная песня без слов звучала и трепетно переливалась в синем воздухе. Даже горластые петухи ошарашенно замолкли, а скворцы тут же переняли мелодию и стали дружно подпевать. Удивленные бабы повыскакивали на улицу. Посередине села гордо вышагивал дядя Троша и, запрокинув голову, дул в длинную дудку, сделанную из прямого бычьего рога. Он перебирал пальцами по дырочкам своей дудки, как по клавишам гармони, и звуки получались то протяжными и трубными, то нежно плескались и звенели, как весенние ручейки.

Вскоре село привыкло к пастушьему рожку. Он будил на заре хозяек, и женщины, вечно хмурые от тяжелых забот и горя, теперь улыбались дяде Троше.

А с коровами творилось непонятное. Если прежним пастухам стоило большого труда выгнать их из села за околицу — буренки шаркались от пушечных ударов кнута, рвались во все дворы и огороды, — то теперь они сами выхо-

дили из ворот на дорогу, чинно пристраивались за спиной дяди Троши и покорно шли в поле, словно рогатое войско за своим полководцем.

Дивились этому не только взрослые, но и мы, ребятишки.

— Дядя, а разве коровы понимают музыку? — спрашивали мы у пастуха.

— А как же, — невозмутимо отвечал он. — Рожок-то у меня не простой, а волшебный.

— Так уж и волшебный, — сомневались мы.

— Ну, коли не верите, то приходите завтра до солнышка к Анисьиному пруду, — не такое еще увидите...

Мы с вечера наказали матерям разбудить нас пораньше и явились к пруду на заре. Дядя Троша со стадом был уже там.

Анисьин пруд у берегов затянула зеленая ряска, вода в нем темного глубокого цвета, но прозрачная, как черное бутылочное стекло. Широкие листья лилий на темной глади кажутся заплатами.

Вот дохнул ветерок, по пруду пошли мелкие волны, и листья лилий захлопали по воде зелеными ладошками. Хищный силуэт щуки мелькнул в глубине, на поверхность брызнула рыбная мелочь, крохотный чебачишка угодил на

лист и закувыркался колесом, пока снова не булькнул в воду...

Но мы ждали обещанное чудо. И оно свершилось в тот момент, когда раскаленный шар солнца, немного сплюснутый снизу, выкатился из-за горизонта и стал медленно набирать высоту.

— Смотрите, я сейчас заиграю, и лилии расцветут! — торжественно сказал дядя Троша.

Чистые звуки рожка вспугнули тишину, и весь сонный мир кругом сразу ожил, степь запела широко и вольно, а коричневатые, тугие бутоны лилий на виду стали трескаться, шевелиться, — словно майские жуки расправляли крылья перед полетом. Медленно-медленно на наших глазах раскрывались цветы: в бутонах сперва проступала ослепительная белизна, потом появлялись хрустальные лепестки, сквозь которые розово просвечивало солнце.

Мы стояли, зачарованные этим чудом, этой прекрасной сказкой наяву, а пастух все играл, то опуская, то поднимая к небу свой грубый рожок, и влажные глаза его были васильковой синевы, и мы все увидели вдруг, какой он еще молодой, наш дядя Троша, только весь избитый, искромсанный проклятой войной...

Много с тех пор минуло лет. Давно я разобрался в волшебстве дяди Троши: в ученых книгах вычитал, что цветы лилий имеют интересную особенность — раскрываются всегда в одно время, в семь часов утра, а закрываются в шесть вечера.

Да, чудеса бывают только в сказках. Но и сейчас живет во мне сказка моего детства, спетая когда-то калекон-пастухом на грубом пастушьем рожке. И до сих пор видится мне радужное утро над степью, и медленно расцветающие лилии на темной воде, словно на вечернем небе вырезают крупные белые звезды, какие бывают только в степи.

Бабушкины сказки

Солнце садилось. Тайга наполовину была уже затоплена зелеными сумерками, и только вершины деревьев горели малиновым огнем. Нагретые за день стволы еще излучали тепло и вязкий запах смолы.

Лешка гнал по лесу, и так распирала его радость, что хотелось пуститься вскачь по тропинке, перепрыгивая через выпирающие из земли узловатые корни, обглоданные коваными сапогами геологов. Давно он замечал: наедине

с природой и взрослые становятся шаловливыми, как дети. Бездумно и легко было на душе, такой понятной и приветливой казалась тайга, будто прожил он здесь всю жизнь. Чернолесье, как первой сединою, прошито серебристыми стволами березок, а у подножия могучих сосен танцуют крохотные балерины-елочки. Вон в окружении молоденьких берез огромный мускулистый кедр широко растопырил свои корявые лапищи, словно озорной мужик ворвался в девичий хоровод.

С кедра на тропинку прыгнул бурундучок, весело свистнул и частыми скачками помчался вперед, мелкая полосатой спинкой. Лешка понял это как вызов и припустил вслед за ним. А когда уже было догнал, бурундук испуганно запищал и метнулся на дерево.

— Струсил, хвастунишка! — захохотал Лешка.

А зверек словно понял его, стрельнул на ветку соседнего дерева, оттуда — на другую. Соревнование продолжалось, Лешка, задрал голову, бежал за бурундуком, пока не запнулся о корягу и не полетел кубарем. Ему показалось, что зверек тоненько захихикал вверху.

Лешка поднялся. Правое колено мозжило от ушиба. Бурундук, как ни в чем не бывало, сидел на суку, умывался по-кошачьи передними лапами и насмешливо поглядывал вниз.

— У, пижон! — заорал Лешка и швырнул еловую шишку.

Потом огляделся по сторонам. Тропинки не было видно. Солнце село, и темнота быстро сгущалась, — дальние стволы сливались уже в сплошную черную стену. Тайга замерла, насто-рожилась, мертвенный шорох палых листьев под ногами, казалось, слышался за километр.

Лешка понял, что тропинку теперь не найти и пошел наугад, в ту сторону, где розовело еще меж деревьями небо. Так учил начальник отряда дядя Никифор: заблудился в тайге — найди ориентир, будь то солнце, звезды или дальний шум речного переката, и шагай прямо, в одну сторону, — тогда куда-нибудь придешь. Иначе будешь топтаться на месте, кружить по лесу.

Лешка не успел еще испугаться, ему казалось, что идет он правильно — километра два в сторону заката, и покажутся рубленые домики поселка. Там нагрузит свой рюкзак пахучими буханками хлеба и как раз к ужину поспеет в лагерь геологов.

Чудак он, этот дядя Никифор! Когда провожал за хлебом, раз десять повторил, как маленькому, чтобы с тропинки ни шагу не сворачивал: заблудишься, мол. А где тут блукать, когда от лагеря до поселка всего четыре километра?

Правда, в настоящую тайгу Лешка попал впервые. Закончил нынче десятилетку, сдал вступительные в институт и напросился в геологический отряд к отцову брату, дяде Ники-

фору, простым рабочим: «отдохнуть умственно», развеяться перед началом занятий.

Тайга Лешку очаровала. Это вам не пригородные боры, куда выезжал он с товарищами на выходные и где некуда было ступить от битого бутылочного стекла, а среди ободранных берез верещали транзисторы, будто люди, с рождения привыкшие к городскому шуму, боялись тишины и живых звуков леса.

А с какими парнями познакомился Лешка в отряде! При первой встрече один из них, Иван Кречет, презрительно смерил его с ног до головы — отутюженного, в белой курточке на «молниях», но уважительно потрогал новенький рюкзачок, из которого палкой торчал зачехленный предмет.

— Молодец, — сказал он, — ружье в тайге сгодится.

Лешка покраснел до ушей: из рюкзака выпирала дека зачехленной гитары.

После они подружились, Иван, оказалось, прекрасно пел под гитару...

Лешка постепенно понял, что такое настоящая работа, а, значит, и настоящая жизнь. А время было прекрасное, стоял конец августа, — в лес незаметно пробиралась ласковая осень: исчезал гнус, жара сменялась недокучливой теплынью, а как свежо было ночами, и как сладко спалось после тяжелого рабочего дня под прохладным пологом палатки!

Идти все труднее. Лешка отмахал уже километров пять, а поселка не было и в помине. И только теперь он понял, что заблудился окончательно. Но это его не расстроило: переночевать одному в тайге — романтика!

Лешка опустился на поваленное дерево отдохнуть. Трухлявый ствол с хрустом просел под ним, как диван с испорченными пружинами. Запахло грибной прелью. И такая была тишина, будто попал он на дно морское. Это впечатление усиливал синеватый рассеянный свет, что струился со звездного неба. И как преобразилась тайга в этом неверном свете! В вышине зыбко маячили вершины сосен, похожие на церковные маковки с крестами. А здесь, внизу, в таинственном полумраке, бесформенными чудовищами громоздились коряги, пни, огромные выворотни, — как в археологическом отделе музея, тесно набитом чучелами и скелетами всяких там дикобразов и мамонтов...

Что-то тревожное шевельнулось в Лешкиной душе, вспомнились почему-то бабушкины сказки, которые слышал он в детстве. Бабушка Васялиса родом с таежного севера, там прожила она всю жизнь, а когда стала совсем старой и одинокой, Лешкин отец забрал ее в город. Бабушка давно умерла, но Лешка помнит ее хорошо. Чудная была старуха! Еле ноги волочила, а лежать никак не соглашалась: на том свете, говорила, лежать надоест. День-деньской полза-

ла по квартире — подметала, убирала, а когда нечего становилось делать, — мыла цементный пол, протирала перила на лестничной площадке. Как огня, боялась телефона, а когда начиналась гроза, наглухо закрывала окна и балкон, а сама становилась на колени и крестилась на портрет Карла Маркса. И сказки рассказывала чудные, совсем не такие, как в книжках. Никаких в ее сказках не было царевичей и царевен, а были медведи, волки, «лешаи», старики-лесовики, — словом, всякая «чистая и нечистая» лесная живность, которая или прекрасно уживалась с людьми, или вредила им, но все происходило без ковров-самолетов и скатертей-самобранок, а так, как в обыденной жизни: «Нанялся, паря, ведмедь к мужику телят пасти. Полушка за телушку. А мужик тем и хитрый был, что долги платить не шибко-то любил. А надо: срок пришел, ведмедь насаждает. И че же удумал хитрый мужик? «Ты, грит, не взыщи, Косолапый, растерял я все свои деньги. Как сквозь землю провалились!» А ведмедь — не будь дураком: телят всех подрал, а хвосты-то ихние в землю воткнул. Приходит хитрый мужик: «Иде мои телята?» «Дак загнал вон в землю, — это ведмедь ему, — деньги твои искать. Сам сказал: как сквозь зем-

лю провалились... Вишь, стараются — одне хвосты торчат...»

Голос у бабушки был певучий, убаюкивающий, и сейчас Лешка так явственно услышал тот голос, что, привалившись спиной к сухостойной березе, стал задремывать, как в детстве. Но почувствовал вдруг: на него смотрит кто-то сверху. Лешка осторожно запрокинул голову, но ничего не различил в черной сетке голых сучьев. Только серебристые звезды запутались в них, как рыбная мелочь в неводе. Да нет, не звезды это, а чьи-то глаза неотрывно за ним наблюдают. Ах, вот это кто! Старый знакомец пожаловал!

Бурундук сидит на ветке, умывается и насмешливо поглядывает на Лешку. «Ты чего тут делаешь?» — спрашивает Лешка. «А вот и не догонишь, паря!» — певучим, как у бабушки Василисы, голосом отвечает бурундучок. Лешка швыряет в него еловой шишкой, но зврек, как вратарь на мяч, кидается на нее и ловит. «Пи-пи-пи!» — тихонько хихикает он, и стоит подбоченясь, распахнув свой полосатый арестантский халатик. И видит Лешка, что это уже не бурундук, а крохотный старичок-лесовичок, с бородкой из зеленого мха, а на голове рдеет в солнечных лучах красная шляпка мухомора. Старичок кидает лешкину шишку — прямо по макушке попал! Лешка вскакивает, хватается за голову. Макушке больно, а кругом — темнота, только небо дымит мутным светом.

Лешка пошел напролом, ломится сквозь чащобу, обдирая руки и лицо. Сзади треск, топот, кто-то тяжело пыхтит над самой головой и вот-вот коснется занемевшей от ужаса спины. Лешка кричит и не слышит своего голоса. Он мчит, что есть духу, козленком перемахивает через колодины, и жалобно, по-козлиному, верещит.

Вылетел на просеку — топот сзади затих. Затаив дыхание, оглянулся. Кругом пусто: ни шороха, ни движения. Слышно, как клацают собственные зубы. «Во, дурак, — сказал себе Лешка. — И приснится же такое... Правду бабушка говаривала: пуганая ворона и куста боится...»

Слева хрустнула ветка, кто-то сипло закашлял и вроде бы застонал, а Лешку словно ледяной водой обдало. Он прынул в сторону и снова понесся, сломя голову, вдоль просеки. Ветер гукал в ушах, пустой рюкзак шлепал по мокрой спине, а по сторонам, слева и справа, кто-то продирался в черных чащобах, трещал валежником, не отставая ни на шаг.

Лешка попал ногою в колдобину и полетел через голову. Хотел вскочить, но ноги стали деревянными, словно ходули. Он на четвереньках отполз под куст, и, съежившись, натянув куртку на голову, стал покорно ждать своей участи...

Он, кажется, забылся в тяжелом беспмятном полусне, потому что, когда открыл голову,

было совсем светло, тайга звенела и гомонила птичьими голосами, меж деревьев протянулись дымчатые полосы от лучей восходящего солнца. Он с трудом поднялся на ноги, огляделся. И только теперь услышал стук топора, почуял смолистый запах дыма. Ни о чем не думая, спотыкаясь, прошел метров триста, — и перед ним расступились деревья, открылась большая поляна на берегу реки. Посреди поляны стояли палатки и жарко горел костер. Услышав шаги, от костра поднялся человек. Это был дядя Никифор. Он пошел Лешке навстречу. Лицо его было бледное и за одну ночь обросло черной щетиной.

К Лешке полностью вернулось сознание. И с пронзительной ясностью вдруг увиделось и запечатлелось это сияющее утро, клубы дыма над костром, идущий навстречу сутулый человек, ласточки-береговушки, которые с громким писком носились над рекой, и когда чиркали крыльями по воде, то на мгновение вспыхивали маленькие радуги. И даже одинокая ромашка увиделась под сосной. На нее с хвоинок стекали капли росы, и она, как живая, кивала и кивала белой головкою.

И еще в самую глубину Лешкиной души — навсегда, навечно — запала дикая жутковатая красота ночной тайги, и все пережитое нынешней ночью, после которой он почувствовал себя совсем другим человеком. Может быть, взрослость пришла, распрощался с детством?

Щеки горячо зашекотало, и Лешка отвернулся, чтобы дядя Никифор не увидел его слез...

ЭХО ИСТОРИИ

**Николай
КУЗНЕЧИХИН**

*Ленский расстрел 1912 года
привлек к далекому сибирскому
приискам внимание
всей России.
Петербургская биржа
откликнулась
на эту расправу с народом
резким падением ленских акций,
а пролетариат — стачками протеста
и могучим революционным
движением,
оказавшимся в итоге
не остановимым.
Что же представляли собою
те далекие сибирские прииски,
откуда и до 1912 года,
и после него,
плот до великой
пролетарской революции,
золото перекачивалось в карманы
петербургских миллионеров
и лондонских лордов,
отставных министров
и банковских воротил?
Какими методами
заставляли рабочих разрабатывать
это северное месторождение
в суровой сибирской тайге?
Как жили и боролись рабочие
на ленских золотых приисках?*

◆ Золото на Лене было открыто свыше ста лет назад в районе притоков Лены — Олекмы и Витима. В этих местах не было никакого оседлого населения. Здесь жили только якуты да тунгусы — охотники и скотоводы, которые со стадами оленей перекочевывали с одной горной речки на другую. С давних времен иркутские купцы вели торговлю с якутами и тунгусами, меняли на меха хлеб, овощи и другие товары. Для торгова устраивали летом в разных местах небольшие ярмарки. На одной из таких ярмарок иркутский купец Трапезников и увидел в руках тунгуса золотой самородок. Тунгус не знал, что такое золото и почему его ценят люди: самородок понравился ему своей диковинной формой и блеском. Но Трапезников-то прекрасно знал цену самородку и сразу заинтересовался находкой. Он нанял тунгуса в проводники и послал с ним доверенного человека, чтобы исследовать местность, где самородок был найден. Первая разведка дала обнадеживающие результаты, и богатое иркутское купечество — Трапезников, Базилевский, Герасимов, Баснин и другие — тотчас организовало десятки небольших поисковых партий, которые разбрелись по суровой и безлюдной приленской тайге. Руководствуясь всякого рода приметам, с помощью тунгусов и якутов, поисковые партии очень скоро отыскали богатое золото на Хомлохо, Ныгри, Малом Патоме и других речках.

Новый горно-промышленный район был дик, пустынен и удален от магистральных путей сообщения. Лишь глухие таежные тропы связывали прииски с судоходной рекой или населенными пунктами. Короткое лето, суровая зима, безлюдье, необходимость привозить за тысячи верст продовольствие — вот те условия, в которых создавалась золотодобывающая промышленность в Олекминско-Витимском крае.

Золото на Лене залегало в россыпях, иногда довольно близко к поверхности, а иногда на сравнительно больших глубинах. В том и другом случае, чтобы добраться до россыпей, требовалось проделать немалую работу: либо снять прежде всю пустую, не содержащую золото породу и достать песок из разрезов, или же прорыть глубокие шахты.

Но откуда же в этой глуши набрать тысячи рабочих, которые при помощи самых простых орудий — кайлы и лопаты — смогли бы добыть миллионы пудов песка, извлечь золото, промыв песок на примитивнейших установках — вашгерде и бутаре? Естественно, что первыми рабочими на ленских приисках стали якуты и тунгусы. Однако привыкшие к кочевой жизни охотники и скотоводы не выдерживали тяже-

лых земляных работ и упорного повседневного труда. Выработка тунгусов и якутов была мала, вскоре по прибытии на прииски они заболели или же разбежались.

Впрочем, в Сибири отыскалась другая категория людей, которых золотопромышленники без особых затрат и хлопот сумели низвести до уровня и положения крепостных: каторжане и ссыльнопоселенцы.

Бесправие этих рабочих было беспредельным. Ссыльнопоселенец не мог свободно распоряжаться даже грошовым заработком. При выдаче паспорта из полагавшегося ему в счет заработной платы задатка вычитался годовой оклад податей. При увольнении же из остатков зарплаты удерживались и отсылались по месту прописки числившиеся за ссыльнопоселенным недоимки. В результате рабочий уходил с приисков с пустыми руками, а чаще — оказывался в долгу у золотопромышленников и потому вынужден был остаться на приисках, чтобы этот долг отработать. Узнав, как тяжела здесь работа, и убедившись, как ничтожна заработная плата, ссыльнопоселенцы готовы были идти на все, чтобы избавиться от каторжного существования. Однако бросить работу по своему усмотрению ссыльнопоселенец не мог, и потому оставалось ему только бежать, что оказывалось делом весьма нелегким. Местной полиции был отдан строжайший указ: «Не явившиеся на прииск рабочие, а также бежавшие с промыслов насильно препровожаются для выполнения своих по найму обязанностей». И все-таки, как показывает статистика, рабочие убежали и часто — удачно. Вот документальное тому подтверждение: горный исправник Олекминского и Киренского округов докладывал в Иркутское горное управление, что «в течение 1872/73 годов бежали с приисков 252 человека, из них пойманы и возвращены обратно 33 человека».

Нанявшись на золотые прииски, рабочие должны были преодолеть по глухим таежным дорогам немалые расстояния от сборного пункта до места работы, делая по 25 верст ежедневно и обвязываясь при этом «на каждые сутки получать по три фунта ржаных сухарей и кроме сего ничего более не требовать».

Глубокие снега лежат в тайге аршина на два, а местами и на четыре. Дорога пробита желобом — свернуть некуда. На прииски ехали только днем, а с приисков — ночью. Если кто пробовал нарушить этот порядок, тот с возом лез в снег.

На пути к приискам устраивались станции-зимовья, где на ночь останавливались рабочие и возчики кладей. На каждом зимовье имелись чистые комнаты для золотопромышленников и служащих, казармы для

рабочих и амбары для припасов. Караульные на зимовьях — зимовщики — получали жалованье от золотопромышленников, а в некоторых округах брали зимовья и от казны, в арендное содержание. Торговали съестными припасами и спиртом, обменивали то и другое на золото, которое уносили с приисков рабочие, и таким образом наживали подчас порядочный капиталец...

Но вот нанятые рабочие добрались до прииска. Смотрят: все занесено снегом, только крыши амбаров и казарм виднеются. Какой-нибудь Иван Махнидрало с Акулиной Непомнящей, оставшиеся на стану караульными, едва успевали снег с крыш очищать, чтоб не обломало стропила. Впрочем, еще прорыта траншея к жилью караульщика и лазы-норы к дверям казармы. По этим норам рабочие быстрехонько забираются в казарму. Глядишь, уже и хлебопек растопил русскую печь и греет в большом котле воду, готовится хлебы выпекать. Назавтра день отдыха, а затем начнутся тяжелые приисковые работы. Пользуясь этим днем, рабочие получают «выпуску»: чай, сахар, табак, а также инструмент — ломы, кайлы, топоры и прочее.

В день работ, в четыре часа утра нарядчик будит рабочих и собирает всех вместе перед казармами. Доверенный проводит раскомандировку: столько-то человек — разгрести снег; столько-то — канаву вести; столько-то — «торфа» вскрывать; столько-то — шурфы бить, столько-то — лес рубить и т. д. Расходятся рабочие по своим местам, и оживает глухая тайга: крики, стук топоров и кузнечных молотов, глухой звук мерзлой земли слышатся далеко окрест.

Главные приисковые работы — в разрезе. Это то место на предварительно расшурфованной, то есть разведанной, площади, где снимается верхний незолотоносный пласт земли — «торфа» — и таким образом вскрывается нижний, золотоносный слой — пески.

Разведка прииска или работы на шурфах велись преимущественно осенью, перед окончанием приисковой летней кампании. В северных округах Сибири, где зима продолжительнее и морозы сильнее, шурфы выбивались зимой «выморозкой», то есть били шурф, оттаивая понемногу мерзлую землю до тех пор, пока не доходили до талой, из которой начинает сочиться вода. Затем останавливались, давали земле промерзнуть. Опять били, снова останавливались и так добивались до золотоносного пласта. Шурфовый рабочий должен был обладать железным здоровьем: он стоял постоянно в воде, иногда по колено, да еще и сверху его поливало.

Промывка песков и сьемка со-

державшегося в них самородного золота начинались весной. Весна на приисках обычно поздняя и снег лежит иногда до июня месяца. Небольшие рабочие артели промывали пески сначала на ручных станках — бутарах или желобах. Промытое на них золото снималось вместе с остатками эфеля — мелкого камня — и перемывалось еще раз на ручном станке — вашгерде, где отделялся от золота мелкий эфель и железистый песок — шлих. Затем золото собиралось с вашгерда, сушилось, очищалось от остатков шлиха магнитом и хранилось в таком виде для отсылки в лабораторию на сплав.

Работы на «торфах», как и на песках, задавались на урок: на двух забойщиков, одного возчика и две лошади требовалось выработать в день от двух с половиной до трех кубических сажень, или от 2800 до 3600 пудов земли. Там, где работы велись ручным способом, на двух человек (забойщика и накатчика) выработка составляла одну кубическую сажень. Работы начинались с пяти часов утра и продолжались до семи-девяти часов вечера.

Кроме того, что рабочий день длился 15—16 часов, в договоре, который золотопромышленное товарищество заключало с рабочими, было сказано: «В случае же экстренных работ, не терпящих отлагательств, несмотря ни на какое время... должны мы работать, сколько потребует необходимость со всевозможной скоростью и усердием».

Весной на приисках начинались экстренные работы: ожесточенная борьба с наводнением. Небольшие таежные речки при обилии тающих снегов быстро наполнялись водой, выходили из берегов, разливались, врывались в разрезы, затопляли их, и промывка золота прекращалась. Все рабочие на приисках день и ночь устраивали дамбы, плотины и плотинки: бродили в холодной воде по пояс, забивали колья, складывали хвою и дерн, торопились, кричали, бранились. Шум и рев воды, свист и завывание ветра, проклятия людей, и надо всем этим — хмурое небо со свинцовыми тучами, из которых то и дело обрушивались на работающих крупные влажные хлопья снега.

Рабочий был лишен права жить со своей семьей. Взять с собой жену и детей на прииск он мог лишь с особого разрешения приискового управления, а такое разрешение давалось очень редко. Женщины, которым разрешалось приехать на прииск, попадали в полную зависимость от администрации и подвергались самой жестокой эксплуатации. Они были обязаны выполнять всю домашнюю работу в рабочих казармах, шить и стирать на рабочих, живших без жен. Под страхом выселения с приисков, женщины испол-

няли решительно все, что требовала от них администрация.

Особенно тяжело пришлось рабочим, когда главноуправляющим стал И. Н. Белозеров — наиболее «деятельный» администратор Ленского золотопромышленного товарищества — «Лензото». Влияние и власть Белозерова в Ленском обществе настолько были велики, что его с полным основанием считали хозяином всего дела. Вот как характеризует его газета «Голос Белостока» (№ 84, 1912 год): «Это — простой малограмотный человек, но энергичный и уверенный в себе администратор», прошедший за свою тридцатипятилетнюю практику все ступени приисковых должностей. Бывший мелкий конторщик Ленского товарищества, теперь миллионер со 150-тысячным окладом жалованья и владельцем собственных золотоносных площадей и винокурных заводов. За последнее время он приобрел имение в Крыму. Три четверти года он проводил вне приисков, разъезжая из Крыма в Ниццу, оттуда в Лондон, из Лондона в Петербург. Он сконцентрировал на себе самую неугасимую ненависть рабочих. Вступив в Управление приисками около десяти лет назад, он еще более ухудшил положение рабочих: понизил почти наполовину расценку сделанных работ, введенную его предшественником Л. Ф. Груманом; удлинил рабочий день даже на таких опасных для жизни и здоровья работах, как «мокрые передовые работы» (работы с сильным притоком воды в шахте. — Н. К.); при нем ухудшились жилищные условия, пищевые продукты стали дорожать, а медицинское обслуживание достигло самого низкого уровня. Окружной инженер Олекминского горного округа П. Н. Александров 14 февраля 1912 года, то есть накануне стачки, телеграфировал в «Лензото»: «Тихонская больница переполнена. Среди рабочих цинга. Лечить их нелегко». 3 марта 1912 года он же сообщал: «Цинга увеличивается, особенно среди рабочих. Приисковые больницы Лензолото переполнены. Тихоне появилась корь.»

А в это же время барон А. Г. Гинцбург в письме правлению «Лензото» ходатайствовал уменьшить количество врачей, которых было всего два на пять тысяч человек, мотивируя это тем, что чем больше врачей, тем больше «бездельных» рабочих, которых врачи освобождают якобы без видимых причин.

При Белозерове увеличилось и поборы с рабочих, о чем горный инженер П. Н. Александров сообщал в горный департамент 5 июня 1911 года: «за зиму 1810—11 годов «Лензото» перебрало с рабочих 13600 рублей за мясо и отказывается возвращать деньги до решения вопроса сенатом».

Таким было положение на Ленских приисках накануне знаменитой забастовки горных рабочих, закончившейся расстрелом, давшим решительнейший толчок революционному движению российского пролетариата в 1912 году.

Все, что в большинстве своем знаем мы, сегодняшние советские люди, о событиях той далекой поры, составляет, в основном, несколько строк из учебника истории, которые прочитаны еще в школьные годы. Потому сегодня особенно представляется необходимым рассказать о тех славных и трагических событиях языком самих участников и очевидцев ленского расстрела, а также скрупулы, но точными строками из документов тех лет, которые мне удалось собрать и изучить, и с большинством из которых мало или почти незнаком широкий круг читателей, потому что, как правило, эти свидетельства даже не были широко опубликованы.

Какова же была масса ленских рабочих накануне забастовки 1912 года, как сильны были среди них революционные тенденции? Проводилась ли среди них политическая работа? Или же все произошло случайно? Обо всем этом участник ленских событий П. И. Подзаходников рассказывает следующее:

«В 1910 году я попал на Лену после знаменитой всеобщей политической стачки в Баку (сам я — бакинский рабочий, слесарь). Был административно выслан на Лену. Работал на Надеждинском прииске в механической мастерской. У нас сложилась небольшая большевистская группа. Мы решили организоваться и вести борьбу в доступной в ленских условиях форме. Прежде всего занялись организацией библиотеки и вербовкой читателей популярной литературы, попавшей каким-то образом на прииски. Постарались подобрать среди читателей наиболее сознательных товарищей. Приблизительно к 1911 году создали любительский кружок. Кружок пользовался большим авторитетом в массах. Этот авторитет еще больше поднялся после того, как нами были поставлены два спектакля. Рабочие с отдаленных приисков присылали к нам ходяков: нельзя ли такие спектакли ставить почаще и пошире охватить рабочую массу? На собраниях кружков наша группа проводила беседы, завязывала знакомство, связи и распространяла полулегальную литературу, которой мы располагали на Надеждинском прииске. Таким образом, перед началом стачки у нас уже была прочная связь с отдельными рабочими окружающих приисков».

Хотя горный исправник доносил, что забастовка началась 3 марта 1912 года, свидетельства очевидцев и участников тех событий показы-

вают, что произошло это гораздо раньше. Вот что пишет о тех днях рабочих Г. В. Черепяхин:

«Забастовка началась 29 февраля на Андреевском прииске, где условия труда и жизни были еще хуже, чем на других приисках «Лензото». Рабочий получал плату, на которую едва мог кормиться. Одежда рабочего, начиная от забойщика и кончая верховыми рабочими, была сшита из мешковины, за что прииск называли «прииском кулевых шаровар». Прииск был бедный, в шахтах давным-давно выработано золото. Товарищество было выгодно его закрыть, но для этого надо было нарушить договор, по которому рабочие были наняты до 10 сентября. «Лензото» стало провоцировать рабочих, чтобы добиться нарушения контракта с их стороны. Рабочим выдавалось в замороженном виде конское мясо, выдавалась испорченная квашеная капуста и вонючая соленая рыба (мухун и нельма). Хлеб часто выпекался с конским калом. Перед 29 февраля, примерно недели за полторы, нажим на рабочих Андреевского прииска еще усилился, и рабочие были доведены до такого состояния, что не могли больше терпеть. 29 февраля возмущенные рабочие забастовали и предъявили администрации требования немедленно убрать из продовольственной лавки продавца. На это управляющий Андреевского прииска Цинберг ответил, что он ждет телеграмму из Петербурга от главного управления «Лензото». К вечеру рабочие вторично пришли к Цинбергу с тем же требованием. Цинберг ответил, что главному управляющему Белозеровым предложено телеграммой немедленно приступить к работе или же тех рабочих, кто не желает работать, немедленно уволить. Рабочие выбрали делегацию и послали ее на Утесистый и Успенский прииски. Делегация рассказала там о случившемся на Андреевском прииске. Рабочие Утесистого и Успенского приисков решили поддержать товарищей и присоединились к забастовке».

О размахе забастовки можно судить по воспоминаниям рабочего Ю. К. Краукле: «1 марта прекратили работу 160 человек на прииске Васильевском, затем забастовали рабочие приисков Варваринского, Ново-Васильевского, Пророко-Ильинского, Липаевского, Нижнего. А третьего марта забастовали прииски Александровский, Надеждинский и Федосьевский. Последним примкнули к забастовке рабочие Дальней тайги, прииски Тихано-Задонский, Ивановский, Светлый, Кулебрянник, куда посланные представители рабочих добрались лишь к 13 марта. На всех приисках, где рабочие узнавали о забастовке андреевцев, они бросали работу и включались в забастовку. Сразу же созывалось общее собра-

ние, на котором выбирали стачечный комитет, в большинстве — из сыльных рабочих».

Царские власти отреагировали на все законные требования рабочих вполне традиционно. В телеграмме от 30 марта 1912 года директор департамента полиции Белецкий попросил начальника Иркутского губернского жандармского управления: «Предложите непосредственно ротмистру Трещенкову немедленно ликвидировать стачечный комитет и если не будет данных для дознаний или следствий — возбудите охранную переписку». И уже 4 апреля ротмистр Трещенков докладывал начальнику управления: «Донесу: сегодня утром рабочие Александровского прииска, собравшись более тысячи к полицейскому дому, вели себя крайне вызывающе, требуя выдачи продовольствия для жен, детей. Прибыв немедленно, силами полиции разогнал собравшихся, причем, расходясь, рабочие угрожали разнести магазин. В три часа дня прибыл на прииск совместно Тульчинским и воинской командой, благодаря последней настроение рабочих изменилось. Сегодня производжу обыски, аресты».

Из воспоминаний рабочего М. И. Лебедева:

«На Федосьевском прииске собрались, я помню, Черепяхин, Кудрявцев, Слюсаренко, Зеленко и еще несколько человек. Я информировал о собрании, проведенном этой ночью у нас в механической мастерской. Мы решили, что надо отказаться от шествия на Надеждинский прииск. Сразу же после совещания был послан ряд товарищей по приискам для извещения о нашем решении».

Через некоторое время группа рабочих с Александровского прииска и заявила от имени всего прииска, что они все же хотят сделать попытку просить об освобождении депутатов. Мы решили вторично послать на Нижние прииски, чтобы уговорить рабочих не ходить к Преображенскому (товарищ прокурора — Н. К.). Выбор пал на меня. Я, взяв с собой еще одного товарища, отправился выполнять поручение. Ввиду того, что на дороге в эти дни везде стояли стражники, поставленные Трещенковым, мы, минуя обычную нижнюю дорогу, направились «верхом» в горы, вдоль водоотводной канавы мимо электростанции. Выйдя на голец, мы далеко-далеко увидели черную ленту рабочих, которые уже двинулись к Надеждинскому. Тогда мы приняли новое решение: не идти на прииски, а прямо направиться навстречу рабочим и попытаться уговорить их отказаться от хождения на Надеждинский. В морозном воздухе, в ясный, солнечный день, далеко видны были солдаты, маршировавшие по

дороге около Народного дома. Это была Киренская команда. Солдаты же Бодайбинского гарнизона были в значительной степени распропагандированы бастующими, и власти боялись, что они не станут стрелять в рабочих. Пока мы принимали новое решение, обе ленты рабочих — с Утесистого и Андреевского с одной стороны, с Пророко-Ильинского с другой — слились в одну длинную линию, растянувшись почти на три-четыре версты. Увязая по грудь в мягком, выпавшем в последнюю ночь снегу, мы кое-как добрались до станции железной дороги на Александровском приiske. Через 30—40 минут подошла голова колонны рабочих. Мы вмешались в толпу. Тогда я прямо поставил вопрос в упор: «Трещенков не допустит, встретит нас пулями...»

Стали убеждать рабочих остановиться, но нас не слушались. Движение вперед все продолжалось. Так, не оставляя надежды вернуть народ домой, поскольку нам показалось, что после нашего обращения настроение рабочих стало меняться и они идут далее не так охотно, мы стали подходить к дороге на электростанцию. Здесь нас встретил урядник с Александровского, который, остановив лошадь, смеясь, стал нам говорить: «Куда вы ребята, на свадьбу, что ли?»

Было уже около четырех часов, когда мы вошли в узкое дефиле. По правую сторону у нас была изгородь, а далее обрыв в реку Бодайбо, а по левую сторону — штабеля шахтового леса (огнива). До Народного дома, где стояли солдаты, оставалось не более 200—250 шагов. Солдаты под командой офицеров Санжаренко и Лепина были выстроены поперек дороги, правым флангом упираясь в железную дорогу, а левым — в Народный дом. Правей же солдат, по диагонали между солдатами и железной дорогой, находились стражники, в задачу коих входило взять рабочих под фланговый огонь. Одним словом, нас, безоружных, собирались расстреливать по всем правилам военной стратегии и тактики».

О самом расстреле сохранилось документальное свидетельство (см. «Правда о Ленских событиях», М., 1913, приложение 57) — официальная телеграмма все того же рабочего М. И. Лебедева:

«Петербург — пять адресов.

Председателю Совета Министров, Министру Юстиции, Министру Торговли, членам Государственной думы Милюкову, Гегечкори. 4 апреля мы, рабочие «Лензото», шли Надеждинский прииск с жалобами товарищу прокурора Преображенскому о незаконных действиях приисковой и правительственной администрации, с просьбой об освобождении арестованных, избранных по

предложению властей. За 120 сажень до квартиры прокурора нас встретил окружной инженер Тульчинский, уговаривая, во избежание столкновения с войсками, остановиться и разойтись. Передние, повинаясь, стремились остановиться, но трехтысячная толпа, растянувшись на две версты по узкой дороге, не зная причины остановки передних, продолжала напирать, увлекая Тульчинского со стражниками, не слыша даже предупреждающих сигналов начальника воинской команды. Последовали залпы, продолжавшиеся несмотря на крики и махание фуражкой и платком Тульчинского прекратить стрельбу. В результате около пятисот убитых и раненых. Тульчинский уцелел чудом — под трупам. Считаю виновниками происшедшего ротмистра Трещенкова, товарища прокурора Преображенского, следователя-судью Хитуна, употребивших оружие, не убедившись в наших мирных намерениях. Ввиду весеннего перерыва сообщения с краем просим немедленного назначения судьи, не причастного к событиям и с полномочиями следователя. Сообщение Киренск — Витим — Бодайбо еще возможно не более недели, промедление с приступом к следствию до навигации крайне затруднит выяснение истины.

Избранный рабочих «Лензото», Михаил Лебедев, № расчетной книжки 268».

Петербургская газета «Звезда» в № 27 за 1912 год в широкой черной рамке напечатала крупным набором: «На Ленских приисках убито 270, ранено 250».

Эта общая цифра — свыше полтысячи жертв — говорит, конечно, за себя, однако нельзя забывать, что за этой цифрой стоят около трехсот молодых вдов с сиротами, оставшимися без кормильцев.

Не удивительно, что едва до широких масс России докатилась весть о Ленском расстреле, как повсюду начались политические стачки протеста, охватившие почти все промышленные центры бывшей Российской империи. Бастовали сотни тысяч рабочих.

Ну, а чем ответили на расправу ленские прииски? Да, рабочие были расстреляны, но как вспоминает М. И. Лебедев: «Царские жандармы просчитались: расстрел не запугал ленских горняков, стачка продолжалась и после расстрела, войдя в новую фазу. Горняки, видя правильность линий теперь уже целиком большевистского стачкома, без оглядок шли за ним. Теперь никто из рабочих не помышлял о работе. У всех только и было на уме — это как бы поскорее отсюда уехать, поскорее покинуть эти места, где столько было пережито. Все работы остановились, началась «мертвая стачка».

После Ленских событий в начале нового операционного года правлению Ленского товарищества в полном составе пришлось уйти. Белозеров был отстранен чуть раньше. Трещенков бежал за границу.

Лена была одним из крупнейших золотодобывающих районов царской России. Свыше 30% годовой добычи золота в стране давали ленские прииски. Огромным разрушением подвергся район в период колчаковщины, и ленский пролетариат почти пять лет залечивал тяжелые раны, восстановив, наконец, к 1925 году производственную мощность почти в довоенном объеме. В конце 1925 года ленский золотодобывающий район был передан в концессию английской компании «Лена — Гольдфильдс». В этот раз за семь лет эксплуатации компания сумела превратить прииски в совершенно разбитое, разоренное, обескровленное предприятие: всего 7% от добычи 1925 года составила добыча золота на приисках в последний год хозяйничанья компании на сибирской земле.

С уходом концессии и организации в 1932 году треста «Лензолото» перед горняками Лены встала большая ответственная задача — в кратчайший срок восстановить разрушенное, создать новые шахты, новые поселки, построить новое социалистическое производство, выковать новые кадры и одновременно с этим заложить основы новой «Большой Лены», которая могла бы стать достойной своих революционных традиций и занять передовое место в рядах гигантов золотой промышленности Советского Союза.

Сейчас приисковый район обесценивается энергией двух крупных электростанций. На смену ручному труду пришла современная техника — дражный флот. Среди драг есть и самая мощная в мире единственная уникальная плавучая фабрика высотой с шестизэтажный дом, емкостью ковша 600 литров. Она заменяет труд тысячи рабочих и изготовлена здесь же, в Сибири, на иркутском заводе.

МОЯ КОЛЛЕКЦИЯ СОЛНЦ

**Юрий
ЧЕРНОВ**
Рисунки
М. Паукера

В небо!

Была у нас, деревенских голодранцев, такая игра — запускать в небо всевозможные летучие снаряды. Хороша, к примеру, «комета». Делалась она просто: к увесистой гайке привязывалась крепкая полуметровая бечевка с намертво прикрученным гусиным пером на конце. Берешь «комету» за этот хвост, раскачиваешь и — р-раз — в небеса! Высоко взлетает «комета» — едва различимой делается, а потом, с нарастающим до жути свистом летит к земле. Тут, разумеется, — берегись, соблюдай осторожность.

Запускали мы в небо и катаные из коровьей лиялой шерсти мячи, и тухлые яйца-болтуны, и вылущенные шляпы подсолнухов. Но настоящий космический азарт вызывали небольшие жестяные или фанерные кружки, наподобие тех, которыми наши бабушки накрывали кринки и чугуны. Эх, до чего же красиво выписывает замысловатую траекторию ловко запущенный диск! Он стремительно чертит небо, как стрижек или ласточка, касается, кажется, самых облаков, а то и вовсе теряется из вида. Может быть, таинственные «летающие тарелки» не что иное, как взметнувшиеся к небу еще в пору нашего детства всевозможные кружки, до сих пор не нашедшие пути на землю?..

Однажды в летний полдень мы по очереди швыряли жестяной круг в висевший над головами солнечный диск. Наивно старались добросить. О последствиях мы не задумывались. В солнце никто пока не мог попасть, и это подзадоривало.

Вот и моя очередь. Я поддернул мокотками портки, чтоб не оконфузиться в момент резкого броска, размахнулся — и!.. Диск бешено рванулся ввысь. Летящий торчком, он почти невидим снизу, но вот, набрав высоту, диск заваливается на бок, делается все больше, больше и... закрывает солнце! Вместо ослепительного шара на какой-то миг я вижу черный диск.

Сознаюсь, тогда я порядком перетрухнул: вдруг действительно ранил солнце? Весь остаток дня жил ожиданием какой-то беды. Ничего, однако, не стряслось. Но солнце, перекрытое на миг жестянкой, я запомнил на всю жизнь.

За жар-птицей

Поезд гулко летит по черному вечернему бору. Чтобы лучше ощутить движение и бешеный перестук колес, я выхожу в тамбур. Вагон отчаянно качает. Цепляюсь за холодный прут оконной решетки и неотрывно смотрю на пролетающую мимо темную стену бора...

Вдруг алый диск солнца сверкнул в просвете крон и полетел наравне с поездом, прорываясь сквозь хаос веток и стволов. Очертания летящего светила меняются ежесекундно — то оно притушается до искры, а то вдруг вспыхнет в прогале, как юпитер, и снова режет и плавит лесную черноту. Так, должно быть, мчит, глотая пустоту, ракета, врезаемая в тайгу метеорит. А может, так летит жар-птица, которую не выдывал еще никто?

Гулко стучат колеса, поезд рвется за жар-птицей, но никак не может настичь. «Наддай, наддай!» — шепчут в такт колеса, но, вижу, мы отстаем. Сумерки густеют. Алые сполохи уже рубят стволы под корень, вот огненное перышко вспыхнуло где-то там, у горизонта, и угасло. Полетела, поспешила жар-птица за моря и горы, — всюду, на всей планете ждут ее люди...

«До-до-до-оо», — кричит вослед птице гудок.

Оно едет!

Как-то осенью взобрался я на крышу поправить конек. А прежде дела решил поглазеть по сторонам: как-никак высота. День был свежий, ветренный. По небу в несколько этажей неслись рваные, довольно плотные облака.

Высокая ближняя тучка заслонила от меня солнце, но его резкие лучи тут и там пробивались до земли сквозь прорехи облаков — будто раскинул кто-то гигантский веер. Ба! Да этот веер едет! Тучи быстро плывут и вместе с ними перемещаются лучи! Степь оставалась неподвижной, а все остальное перемещалось — и синие тучки, и веерообразные лучи и, казалось, само невидимое мне солнце.

Вот так диво — солнышко на тучках едет! Любовался я долго, пока голова не закружилась. Не часто ведь такое увидишь.

Минарет на воде

Сижу в охотничьем скрадке. Зябкая ночная дрема еще не отпустила плесы, и не очнулись еще тростники. Наконец на самой кромке низкого, почти невидимого берега, как мыльный пузырек, вздулось большое холодное солнце. Оно все наливалось аlostью, росло, а из глубины плеса незримо вырос и уперся в шар такой же тускло-алый столб. Минарет на воде! Но чудо длилось недолго. Подул ветерок, маковка оторвалась от колонны, и та заискрилась, рассыпалась чешуйками ряби.

Солнце Сааремаа

Солнце Сааремаа подарил мне сибирский писатель Владимир Сапожников — здоровенный, энергичный и... молодой в свои пятьдесят с лишком лет. Владимир Константинович — участник войны, бывший кавалерист. Услышав о моей «коллекции солнц», он задумался, что-то припоминая, на его смуглое, выразительное лицо с резкими волевыми чертами легли светлые тени прощлого.

— Так и быть, — сказал он, — подарю тебе еще одно солнышко... Было это давно, сразу после окончания войны. Наша кавалерийская часть стояла тогда на эстонском острове Саа-

ремаа. Мне в то время — двадцать с небольшим, полон сил, неясных надежд... Какая была пора! Какая жажда жизни! Не хотелось ночи. Хотелось, чтобы был день, день, день.

Однажды верхом на лошади поехал я на морскую косу — провожать закат. Вечер выдался ласковый, тихий, ни звука кругом — только слышен скрип песка под копытами моей монголки, — есть такая порода лошадей.

А солнце — большое, алое — уже коснулось воды. И сразу от кончика косы, где я стоял, пролегла малиновая тропка. Будто кто дорожку расстелил: пожалуйста, мол, к его величеству светилу!

Я тронул поводья. Наивно, а вот поди...

Монголка уже зашла в море, ткнулась сопаткой в воду, недовольно зафыркала, остановилась. И снова — кругом тихо-тихо, только с губ лошади — до сих пор помнится — звонко, серебряно падали капли...

Солнце почти скрылось. Остался крохотный ноготок. Он гаснет, как увернутый фитилек... И вдруг — чуть ли не в полнеба — радужная вспышка! Будто внезапно, с маху упала там, в море, раскаленная болванка и выметнула фонтан подсвеченной морской воды.

Монголка всхрапнула, вскинула голову — ждала разрыв. А грома не было. Взрыв будто в неом кино.

Не будет взрыва, монголка! Сгинула война!

И расцвели для меня сполохи добрым предзнаменованием. Господи, вся жизнь впереди! И какая — шальными пулями дарованная!

Да, пожалуй, не эти сполохи — вдруг сама жизнь оборотилась чудом. Не знаю, могу ли я так радоваться сейчас, но тогда... Я спрыгнул на землю. Хотелось кого-то обнять, да не кого-то — весь мир хотелось обнять. Я чмокнул в мягкие губы монголку, вскинул руки и, как ди-карь, затрубил:

— Саарема-а-а!

— а-а-а, — полетело, заметалось эхо.

До сих пор не знаю, что означает это странное слово, давшее имя острову. И до сих пор не хочу вдаваться в физические тонкости того светового эффекта. Я никому не рассказывал о солнце Сааремаа. Носил его в сердце, как талисман. Уже много лет спустя у Тура Хейердала прочел: «По вечерам... раскаленный путеводный шар спускался к горизонту и в сопровождении всех цветов спектра исчезал в океане...» Значит, то, что я видел, не такое уж исключительное явление. Возможно, моряки и все, «кто родился у моря», могут рассказать о более диковинных и впечатляющих закатах. Но вот что я хотел бы у них узнать: радовались ли они так, как радовался я? Радуются ли все люди земли, что на планете мир — самое дивное и самое естественное состояние? Берегут ли его?..

Светозарь

Окраина Игарки. 18 июня 1971-го. Полярный вечер...

Кто-то резко открыл дверь нашей комнаты и крикнул, как на пожаре:

— Вы что сидите! Скорее на улицу, там такой закат!

Мы, геологи двух небольших отрядов, высыпали из домиков экспедиции, да так и замерли, окунувшись в осязаемо-струящиеся фосфорические лучи. Полуяркое солнце висело в узкой горизонтальной прорези — между облаками и землей. Внизу — четкие островерхие силуэты лиственниц, а сбоков и сверху — малиново-опаленные облака с хвостиками длинных теней. Все замерло, затихло — только тихо плавилось, источая лучи, солнце, светилась река.

Это было редкостное половодье света. Лучи и блики струились, их можно было ловить ладонями. Только никто не понимал, отчего родится такой световой эффект и по какому случаю извергало щедрость солнце.

Я схватил блокнот, пытался что-то записывать, рисовать, но все, что я ни делал, меркло, бледнело перед явью, слова лишь разрушали витающее кругом волшебство. Единственное, что я мог запечатлеть точно: было без десяти одиннадцать. Мне стало плохо, я чувствовал, момент ускользает и, почти отчаявшись хоть как-то запечатлеть его, спросил у Валентина Воробьева, бывало экспедиционного бродяги, какие у него найдутся слова. Но и Валентин мог только сравнивать:

— Мне теперь кажется, что до сих пор я видел мало.

Случайно я обернулся и поразился снова. Всю восточную половину неба — от зенита до картинно выписанной панорамы тайги — поглощала страшная сплошная чернота грозовой тучи. На этом черном экране игрушечно и удивительно явственно вырисовывались наши и другие дома. И казались маленькими, беззащитными. Я отвернулся от мрачной стены и снова утонул в светозарье. Вот они, два начала — мрак и свет, забвение и жизнь.

И снова подивился мощи и мудрости солнца. Когда разверзлось черное бездонье мрака, солнце открыло шлюзы света и добра.

ЛЫЖНЯ ПЕРВЫХ

**Виктор
ХАРИТОНОВ**

*Рисунки
Н. Павлова*

Виктор Семенович Харитонов — ветеран советского спорта, живет и работает в Москве. Многие годы он собирает материалы о наших соотечественниках — пионерах физкультурного и спортивного движения. **В. С. Харитонов** — активист общества «Знание», Совета ветеранов, Музея спорта, автор статей и книг о спортивном движении в нашей стране. В его многотысячной картотеке «Летопись отечественного спорта» значатся имена и рекорды, достигнутые на заре отечественного спорта и уже ставшие достоянием истории. О них и пойдет речь в нашем новом разделе.

Первое Российское туристское общество (РОТ) было организовано в 1895 году в Петербурге. РОТ объединяло в основном представителей имущих классов: дворянскую знать, капиталистов, купечество, царских чиновников, высшие слои интеллигенции.

Краткую, но весьма яркую характеристику деятельности клубов и состояния туризма в Российской империи дает член правления Русского туринг-клуба А. Ф. Гриневский в своих путевых записках: «...число настоящих туристов с каждым годом уменьшается», «в Петербурге единственный столичный велосипедный клуб был закрыт администрацией за бесшабашную карточную игру; по той же причине закрыт и богатейший в России спортивный клуб в Киеве, обладавший сотысячным имуществом и капиталом в 50 000 наличных денег, которые члены клуба, по ликвидации его, поделили между собой...»

Высокие членские взносы — до 50 рублей в год, дорогостоящий инвентарь и недоступные цены проезда лишали широкие слои населения возможности отправиться в путешествие и увидеть свет своими глазами.

И все-таки летопись туризма оставила нам имена энтузиастов, совершавших поистине марафонские переходы по неизведанным маршрутам, имена первопроходцев и отважных спортсменов, участвовавших в пеше-лыжных, велосипедных, конных путешествиях, кругосветных странствиях, в байдарочных, шлюпочных и парусных проплывах...

Осень 1911 года. Тучный городовой у Сокольнической заставы оторопело смотрит на четырех юношей в трусиках, бегущих мимо него. Городовой беретса за свисток, чтобы поднять тревогу и «прекратить безобразия», но, раздумав, машет рукой и отворачивается в сторону...

Студенты, члены Сокольнического клуба лыжников — Саша Немухин, Миша Гостев, Саша Елизаров и Ваня Захаров — бежали в очередной тренировочный кросс. Они готовились пройти на лыжах из Москвы в Петербург — подобных дальних переходов еще не знала история отечественного лыжного спорта. Почти семьсот верст по неизведанным доро-

гам. Им пророчили тернистый путь, рисовали страшные картины одиночества, встречи с дикими зверями.

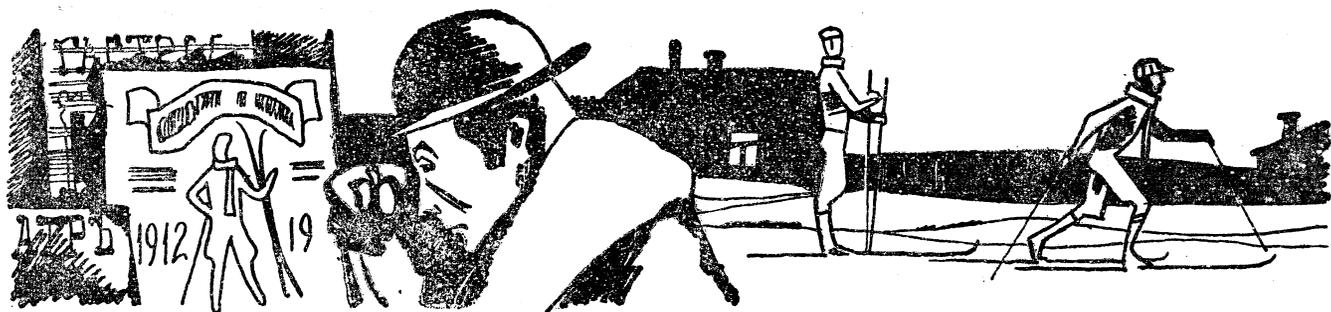
Молодые люди стартовали 20 декабря 1911 года, от одноэтажного домика Сокольнического клуба лыжников. Все четверо были в белых шапочках и свитерах, теплых куртках и гоночных трико. За плечами — самодельные сумки с продуктами, на ногах — пьексы (мягкие полусапожки с загнутыми носками), набитые для теплоты бумагой и соломой. Как назло был резкий ветер, пронизывающий до костей...

За сутки проходили только 40—50 верст. Попадавшиеся навстречу лошади пугались лыжного скрипа, шарахались, а ездоки провожали лыжников отменной бранью.

Лыжники шли как посреди пустыни — не читая в пути ни одной газеты, не получая каких-либо известий, не надеясь на помощь спортивных организаций, по той простой причине, что их не было. В деревнях их принимали за егерей и предлагали обложить медведя. А однажды чуть не избили, приняв за ряженных... Сложно было найти и приют для ночлега. Страшными оказались не дикие звери, а нищета и бескультурие Российской империи. «После Торжка мы уже не находили ничего съестного, кроме баранок...» — пишет в дневнике похода один из участников М. Гостев. Как-то им пришлось ночевать в избе, продуваемой со всех сторон: «Трудно сказать, бывает ли бедность в худшем виде, чем царила она здесь. Это сплошная картина ужаса. Только терпение русского мужика способно вынести такое. Грязь сплошная, по столу и лавкам бегают вереницы тараканов, у печки они кишат тысячами... Хозяин принес сырой соломы и бросил на полу, не было ничего положить в голову, а также накрыться...»

Ориентируясь в основном по телеграфным столбам, путники настойчиво продвигались вперед. 1 января нового 1912 года, через двенадцать дней, 6 часов и 22 минуты тяжелого пути, они подошли к Московской заставе в Петербурге, где их ждали два представителя спортивного кружка «Полярная звезда».

...Минуло 25 лет. Отмечая юбилей первого лыжного перехода, его

участники решили повторить его в обратном направлении, посвятив X съезду комсомола. Младшему в то время было 44 года, старшему — 50 лет. 9 января 1936 года на старт у Московской заставы в Ленинграде вышли командир пробега, заслуженный мастер спорта, художник А. Н. Немухин, инженер-химик А. А. Елизаров, кандидат педагогических наук М. М. Гостев и ученый-рыбовод И. И. Захаров.

На четверо суток быстрее, чем четверть века назад, закончили путь энтузиасты лыжного спорта. За высокие спортивные достижения и большое агитационное значение переходов, за активное участие в развитии лыжного спорта все участники были награждены орденами «Знак Почета».

Мы уже привыкли к тому, что сейчас на лыжи встают «и стар, и млад». Но речь идет не о прогулочных маршрутах. Если говорить о лыжных «марафонах», то и сейчас, и 40—50 лет назад, они требуют и требовали от спортсменов особых сил и выносливости. Не удивительно, что целые главы в истории этого вида спорта можно было бы написать о воинской лыжке.

В царской армии известен лишь один случай дальних лыжных походов. Его совершили разведчики лейб-гвардейского Измайловского полка, под руководством трех офицеров. От старта — в Холмогорском уезде Архангельской губернии — лыжники прошли путь в 1006 верст вдоль старинного Архангельского тракта в Петербург. За солдатами следовали подводы с продуктами, для закупки продовольствия и выпечки хлеба в пути были сделаны три дневки. Как отмечала печать, население попутных деревень встречало своих защитников не особенно радушно: «...Относились с каким-то страхом: дети и девушки убегали в лес, старухи боязливо выходили из своих изб, плакали и предлагали хлеба».

В Красной Армии первое лыжное подразделение было создано в 1922 году — для подавления восстания белофиннов, вторгшихся на территорию молодой Советской республики. Лыжный батальон под командованием опытного спортсмена Тойво Антикайнена с непрерывными боями, в жгучие морозы, преодолели

глубокие снега в гористой местности, прошел около двух тысяч километров и закончил операцию за 35 дней. В приказе Реввоенсовета республики от 11 февраля 1922 года отмечалось: «...В тягчайших условиях севера, в пустынных холодных пространствах, иной раз по пояс в снегу, под которым не замерзает вода, солдаты революции выполнили свой долг до конца... Военный Совет республики примет все меры к тому, чтобы... закрепить в сознании бойцов Красной Армии историю этого сурового похода».

Закончилась гражданская война. На страже советских рубежей встала окрепшая в боях Красная Армия, пограничные войска. Физическая подготовка и спорт стали неотъемлемой частью подготовки бойцов и командиров.

Первый в истории Советского государства военно-лыжный переход был задуман и осуществлен, чтобы проверить пригодность обмундирования и лыжного армейского снаряжения. 24 декабря 1923 года красные командиры Л. Бархаш, А. Хитров, П. Скалкин и И. Гребенщиков стартовали из Архангельска в Москву. График движения — 50 километров в сутки — оказался трудновыполнимым: мешал большой груз в вещевых мешках, неподручным было обмундирование — буденовки и длинные шинели, винтовки за плечами; не изведен путь по глубокому снегам — идти приходилось по 10—14 часов, и большую часть суток в темноте. Развороченные ледяные глыбы и острые обломки, слегка запыленные снегом, сменялись глубокими, до пояса, целинными снегами.

Трудности пути не сломили воинов. 20 февраля 1924 года мужественные спортсмены подошли к финишу на Воробьевых горах. Организаторы пробега — управление военной инспекции физической подготовки Московского военного округа, Международное общество строительства Красного стадиона и редакция «Рабочей газеты» поздравили участников с завершением задания. Главный начальник Всевобуча Н. И. Подвойский и нарком здравоохранения Н. А. Семашко вручили воинам-лыжникам ценный памятный приз. Почину красных командиров МВО после-

довали представители других родов войск: пограничники, летчики, связисты, моряки.

Еще один легендарный переход армейцев по маршруту Нижне-Ангарск — Туруханск — Обдорск — Архангельск — Мурманск, протяженностью 8200 километров, явился самым беспримерным по сложности и дальности. Географы-консультанты, привлеченные для разработки маршрута, единодушно высказывались о невозможности перехода... И все же он состоялся.

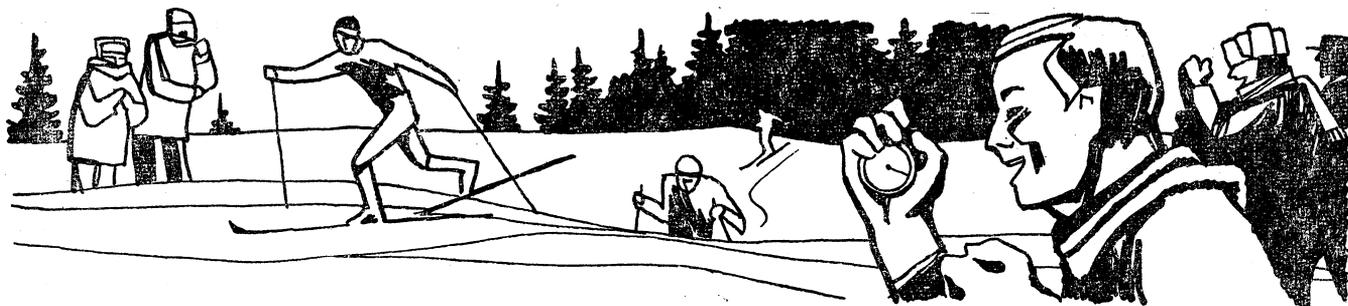
30 ноября 1934 года жители селения на северном берегу озера Байкал проводили в дальний путь комсомольцев-пограничников — младших командиров Александра Шевченко, Евгения Егорова, Константина Бражникова и Адольфа Куликова, с ними ушел физрук Иван Попов. Впереди лежали просторы, мало знакомые даже старожилам-охотникам, зимой в эти места не решалась отправиться ни одна экспедиция.

Первой победой было успешное преодоление Байкальского хребта. Обледенелые перевалы — «гольцы», глубокий рыхлый снег, подъемы крутизной до шестидесяти градусов и частые бураны задерживали лыжников. В иные дни они проходили всего по одному — трем километрам. Из продовольствия оставалось лишь по сорок галет и полкилограмма масла на каждого. Штурм хребта продолжался 16 дней.

Участок Туруханск — Обдорск оказался не менее трудным. Тайга. Полярная ночь. Ртуть в градуснике падала до 60°. Населенные пункты встречались редко, через 120—180 километров, а до Хальмер-седы тысячи километров — сплошная пустыня. Трудно дышалось. Теплые меховые куртки, ватные брюки и валенки не спасали от морозов — только движение и движение...

Двадцать две ночи отважные путешественники провели в спальных мешках, глубоко зарываясь в снег, а наверху в это время свирепствовали бураны, дули студеные ветры. При переправе через таежную порожистую реку лыжники едва не потеряли своего ведущего И. Попова, прокладывавшего путь и дважды проваливавшегося в полыньи.

Байкальский хребет, горы Се-

верного Урала, переправы через реки у Полярного круга, тяжелый поход вдоль побережий Баренцева и Белого морей, затем Кольский перешеек преодолели первоходцы-пограничники. От Архангельска путь пришлось продолжать пешком — весна!.. За триста километров до конечного пункта — Мурманска, накануне первомайского праздника, путники отправили в Москву телеграмму: «Все здоровы, настроение бодрое. От станции Ковра... идем пешком с лыжами на плечах».

30 апреля 1935 года трудящиеся портового Мурманска устроили лыжникам торжественную встречу. Пришла поздравительная телеграмма из Москвы: «Президиум ВСФК шлет горячий физкультурный привет славным динамовцам, победителям тайги, горных хребтов и заполярной гундры, проложивших лыжню по бездорожному простору от Байкала до Баренцева моря».

Успехи марафонцев-лыжников

вдохновили на спортивные подвиги и «слабый пол».

Инициаторами женских длительных лыжных переходов стали жены командиров Таисия Вагина и Филида Ирдуган и их подруги Клавдия Дьяченко, Нина Уголькова и Вера Улитина. Лыжницы получили «добро» от инспекции физподготовки РККА, с обязательным условием — соблюдать режим перехода и показываться медикам в крупных городах по пути следования. Необходимо было знать — возможны ли для женщин сверхмарафонские лыжные переходы?

2 января 1935 года была дана команда: «На Москву, марш!» Трудно оказались первые дни похода, Таисия Вагина записала в дневник: «Болела спина, локти, руки, но усталость проходила после привала». К городу Камышеву лыжницы подходили в метель и при встречном ветре, едва различая силуэт впереди идущего. В Камышеве их ждал торжественный обед и... контрольное

врачебное освидетельствование. С некоторым страхом ждали лыжницы приговора врачей. Но — никаких болезней, все здоровы, путь к столице можно продолжать.

После суточного отдыха в Саратове взяли курс на Казань. Там вновь тщательный медицинский осмотр: известный профессор Малкин с восхищением сказал: «Стальные женщины!»

2132-километровый переход был завершен за 44 ходовых дня, со средней скоростью 52,5 км в сутки. А в один из дней даже сделан рекордный суточный бросок на 106 километров — за этот «подвиг» женщины получили строгий выговор от командования и медиков...

Так в историю женского спорта был записан первый мировой рекорд сверхдальних лыжных переходов.

СПОРТИВНАЯ ЛЕТОПИСЬ

Лыжные дальние переходы

(1911—1936 гг.)

20 декабря 1911 г.—
1 января 1912 г.

1912 год
18—24 декабря

1913 год
11—23 февраля

1913 год
29 декабря

1914 год
28 января —
20 февраля

20 декабря
1923 года —
20 февраля 1924 года.

1924 год.

Первый в истории лыжного спорта сверхдальний переход. Московские спортсмены А. Немухин, И. Захаров, А. Елизаров, М. Гостев прошли из Москвы в Петербург 680 верст.

Раевский, Наварский, Спиннинг, Антонов. Лыжный переход Москва — Нижний Новгород. 400 верст.

Петербургские спортсмены С. Кононов, П. Максимов, М. Мурчин пришли с «ответным визитом» из Петербурга в Москву.

Финиш в Москве «Первого звездного лыжного пробега» по десяти маршрутам: из Петербурга — 668 верст, Витебска — 593, Могилева — 642, Чернигова — 721, Харькова — 715, Воронежа — 562, Пензы — 622, Казани — 746, Нижнего Новгорода — 387, Вологды — 454.

67 разведчиков лейб-гвардейского Измайловского полка преодолели путь в 1006 верст из Холмогоров до Петербурга. 20 ходовых дней, средняя скорость — 50—55 верст в сутки.

Первый в истории Советского государства военно-лыжный переход, маршрут Архангельск — Москва. Красные командиры А. Хитров, П. Скалкин, Л. Бархаш, М. Гребенщиков прошли в полном военном обмундировании 1406 км.

Украинские красноармейцы спортсмены Колесников, Пильченко, Гарасов и Руже. Лыжный переход Полтава — Ленинград. 1622 км.

- 1926 год
28 января — 20 февраля
- 1926 год —
26 декабря — 30 января
1927 года
- 1928 год
4 января —
12 февраля
- 1929 год,
январь
- 1931 год
28 января — 17 марта
- 1933 год 13 ноября —
21 февраля 1934 года
- 24 декабря 1933 года —
28 февраля 1934 года
- 1934 год
5 января — 6 февраля
- 1934 год
ноябрь —
9 февраля 1935 года
- октябрь 1934 года —
11 февраля 1935 года
- 7 ноября 1934 года —
22 февраля 1935 года
- ноябрь 1934 года —
17 апреля 1935 года
- 30 ноября 1934 года —
30 апреля 1935 года
- 1935 год
2—22 февраля
- 1935 год
- 1935 год
- 1936 год
1—12 января
- 1936 год
январь — февраль
- 1936 год
1 января — 28 февраля
- 1936 год
январь — ноябрь
- 1936 год
21 октября — 6 марта
- Команда из пяти военных моряков Амурской флотилии проделала путь в 900 верст из Хабаровска в Благовещенск.
- Лыжники клуба Октябрьской революции (КОР) Казанской железной дороги Д. Васильев, А. Немухин, В. Савин, В. Дементьев — первый международный пробег Москва — Осло, 2150 км.
- Лыжный переход из Златоуста в Москву. Командиры запаса А. Покеев и В. Федосеев прошли 1800 км — через Уральские горы, самарские степи.
- Тридцатилетний сибиряк А. Куропаткин совершил в одиночку лыжный переход из Омска в Москву через Тюмень, Свердловск, Казань, 2800 км.
- Северный рейд на лыжах по маршруту Москва — Ленинградская обл. — Петрозаводск — Ухта — Кандалакша — Апатиты — Мурманск. Одиннадцать физкультурников, рабочих металлургических заводов Москвы и Московской обл., 2400 км за 36 ходовых дней. Команду возглавлял А. Покеев, политрук — В. Федосеев.
- Переход Иркутск — Москва. 5200 км. Пятеро красноармейцев-физкультурников Кичигин, Гантимуров, Головичев, Вечерник и Богомоллов установили мировой рекорд дальности лыжных переходов.
- Командиры РККА И. Погребной, П. Казанцев, Е. Кислицин, И. Скоробогатов, Д. Крайнюк преодолели 4000 км по маршруту Ачинск — Москва.
- Шесть командиров РККА Гавриков, Егоров, Карталов, Хмелев, Зубанов и Куценко прошли в рекордное время 2000 км из Тюмени в Москву. 87 км в сутки.
- Летчики-спортсмены Илясов, Кузнецов, Воронин, Леоненко, Дружинин — пеше-лыжный переход Нерчинск — Москва. 6910 км пройдены за 74 ходовых дня.
- Скоростной пеше-лыжный переход Бочкарево (около Хабаровска) — Москва. Младшие командиры авиачастей ОКДВА Мартынов, Марков, Карманов, Савченко, Николаенко преодолели 8134 км за 87 суток.
- Двенадцать пограничников прошли 4000 км из Нагаева к берегам Амура, в Хабаровск.
- Передовики производства прииска «Лензолото» В. Губанов, И. Игнатъев, Ф. Грачев, В. Князев, П. Смальщенко, А. Матвеев — 7000 км из Бодайбо до Москвы.
- Небывалый лыжный переход — 8200 км — совершили комсомольцы-динамовцы одного из погранотрядов: А. Шевченко, Е. Егоров, К. Бражников, А. Куликов, И. Попов, пройдя с берегов Байкала в Москву.
- Впервые в истории дальних лыжных переходов лыжню проложили женщины-спортсменки. Т. Вагина, Н. Уголькова, В. Улитина, Д. Дьяченко, Ф. Ирдуган прошли по маршруту Тюмень — Москва 2132 км за 44 ходовых дня.
- Семь комсомольцев-моряков совершили переход в 5350 км из Александровска-на-Сахалине до Николаевска-на-Амуре и обратно.
- Семеро сибиряков-спортсменов проложили лыжную трассу Сталинск — Барнаул — Магнитогорск, длиной 2000 км.
- Спустя четверть века ветераны первого лыжного перехода Москва — Петербург А. Немухин, А. Елизаров, И. Захаров, М. Гостев прошли в обратном направлении Ленинград — Москва на четверо суток быстрее, чем в 1911 году.
- Работницы электростанции А. Семенова, К. Пышкова, Т. Харитоновна, М. Хорошутина, Е. Захарова, З. Пономарева, Т. Долголетова, З. Новичкова, Т. Каширина, В. Константинова прошли на лыжах 2400 км из Москвы до Тобольска.
- Курсанты киргизского аэроклуба А. Самтыров, А. Перлов, И. Туркменов, Н. Красников, И. Николаев, Р. Шапиров, взяв старт во Фрунзе, доставили рапорт X съезду комсомола в Москву, пройдя путь в 3768 км.
- Грандиозный лыжно-пеший переход — 9420 км: Москва — Казань — Свердловск — Омск — Новосибирск — Красноярск — Иркутск — Улан-Удэ — Чита — Хабаровск — Комсомольск-на-Амуре. Физкультурники Орехово-Зуевского завода «Карболит» — К. Власов, В. Аборкин, В. Моисеев, М. Астафьев и В. Сидоров.
- Лыжный переход Улан-Удэ — Москва совершили пять комсомолок из Бурят-Монголии: В. Любимская, М. Хохалова, С. Тыхеева, Н. Сункуева и Е. Константинова. 6065 км, со скоростью 70,3 км в день.

Окольцованная сталь

Веник легче сломать по одному пруту, чем целиком. Возможно, эта идея помогла советским ученым изобрести рулонирование — изготовление больших емкостей, деталей машин не из монолитного металла, а путем намотки из листового проката.

Машиностроители Уральского завода химического машиностроения изготовили первую в стране линию по производству аммиака мощностью 1360 тонн в сутки. (Для сравнения: в 1948 году столько ценной продукции выпускала вся аммиачная промышленность СССР.)

Аппаратура, сделанная из рулонированного проката, найдет широкое применение во многих отраслях народного хозяйства. Уралхиммашевцы уже изготовили установки гидрокрекинга нефти. В 1976 году будет сделана аппаратура высокого давления для очистки сточных вод.

Из рулонированной стали будут изготавливаться трубы для сверхмощных газопроводов. Окольцованная сталь найдет применение в атомной энергетике, в аппаратах высокого давления для выращивания монокристаллов — всюду, где нужны надежные конструкции.

Пестроцветка

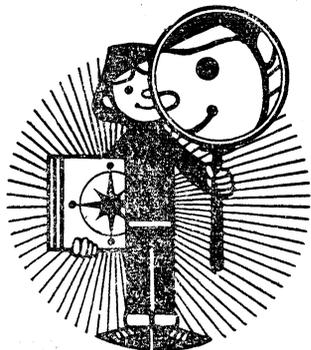
с горы Полковник

Гости и туристы, приезжающие в город Орск, не преминут полюбоваться великолепной композицией на новом здании драматического театра имени Пушкина. Она сделана из знаменитой орской пестроцветной яшмы.

За красоту академик А. Е. Ферсман орскую яшму называл «священным камнем», «кокаменелыми сказками природы». Изделия из нее украшают ленинградский Эрмитаж и парижский Лувр, минералогические музеи многих стран мира. Орской яшмой отделан саркофаг в Мавзолее Владимира Ильича Ленина. Пестроцветка украшает станции Московского метрополитена, среди них самую красивую — имени Маяковского. Кстати, в Свердловском метро, изыскания по строительству которого уже начаты, орская яшма тоже займет достойное место.

Гора, откуда берут пестроцветку, находится в нескольких километрах от Орска на берегу реки Орь. Жители Орска шутят:

— Название горы — Полковник, — конечно, солидное, громкое. Но она достойна звания и генеральского.

МИР

НА ЛАДОНИ

Позируют белые медведи

В Мурманске съемочная группа Свердловской киностудии поднялась на ледокол «Мурманск», чтобы снять эпизоды для фильма «Рожденные летать». На этот раз операторам не нужны были белые медведи, но если бы те появились, люди с кинокамерами и фотоаппаратами не преминули бы заснять экзотических хищников. И медведи, словно разгадав желание людей, оказались тут как тут. Только вышел ледокол в море — как появились хозяева ледяных просторов. Они подходили к самому борту ледокола — позировать.

Пешком и на велосипеде

Нет-нет да и услышишь: кто-то прошел всю нашу страну — из конца в конец — пешком, кто-то отправился в путешествие на велосипеде или мотоцикле...

Рижанину Георгию Михайловичу Бушуеву за шестьдесят, он уже на пенсии. Не думал и не гадал ни о каких путешествиях в такие-то годы. Да вот беда случилась — инфаркт миокарда. Врачи порекомендовали: больше двигаться, вести активный образ жизни. А друзья посоветовали совершить пеший поход по стране...

Первые дни Георгий Михайлович проходил километров по десять-пятнадцать. Через неделю — по двадцать-двадцать пять. Зимой ночевал в селах, летом — в палатке, у костра. Не забывал и про врачей. Однако при осмотрах никаких отклонений или изменений не наблюдалось, и врачи позволяли идти

дальше. До Владивостока, 1100 километров, Георгий Михайлович Бушев прошел за восемь месяцев.

— Чувствую себя прекрасно, — сказал он, снимая рюкзак. — Я не ставил себе целью рекорд или сенсацию — просто шел, или, если хотите, бежал от болезни. После Байкала я решил продолжить путешествие — уже ради интереса пересечь всю страну. Ине жалею.

Из Риги в далекое путешествие до Владивостока отправились еще двое — Улдис Бриедис и Ингвар Лейтис. Они решили проехать по этому маршруту на велосипедах. Харьковскому велосипедному заводу нужны были испытатели новых конструкций машин. Журналисты Бриедис и Лейтис решили принять предложение, а заодно посмотреть страну, написать цикл очерков. Их путешествие длилось шесть месяцев.

Таежный оазис

В четырех километрах западнее ленского города Усть-Кут, откуда стальные нити Байкало-Амурской магистрали потянулись на восток, на правом берегу реки Куты есть бальнеологический и грязевой курорт.

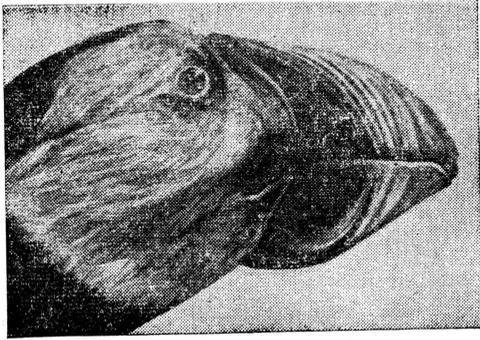
Лечебную грязь добывают со дна озера Соленого.

Озеро Соленое знаменито не только лечебными водами и грязями. Отважный русский землепроходец Ерофей Хабаров три с лишним

века назад построил здесь соляные варницы. Вплоть до Великого Октября этот завод был главным поставщиком поваренной соли для севера Восточной Сибири. И поныне посреди озера торчат два почерневших столба. По преданию, это остатки солеварни Хабарова.

Таких полезных источников в Восточной Сибири, недалеко от Байкало-Амурской магистрали, немало.

Настоящий «крайский» уголок геологи открыли близ Чульмана, где зимой вода выходит на поверхность земли с температурой до 100 градусов тепла. Вокруг этого чудесного таежного оазиса всегда зелень и даже перелетные птицы остаются здесь на зимовку. Другой такой источник обнаружен на границе Якутской АССР и Читинской области, почти рядом с трассой будущей железной дороги.

«Визитные карточки» животных

В СССР введена «Красная книга», на страницы которой занесены малочисленные и находящиеся под угрозой исчезновения виды и подвиды животных. Их свыше ста. Это красный волк, гималайский медведь, карликовый тушканчик, тигр, гепард, азиатский речной бобр, зубр, леопард, бухарский олень, муфлон...

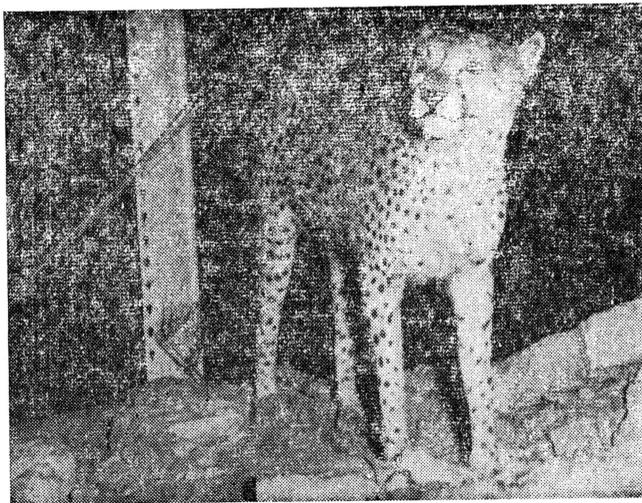
На каждого охраняемого животного заведены контрольный лист — своеобразный паспорт с фотографией, анкета, сообщающая о местах распространения и численности.

Кулан-онагр — красивое быстроногое животное величиной с лошадь, обладающее исключительной выносливостью и силой — некогда обитал в ряде районов нашей страны от Днепра до Урала, сейчас поголовье кулана в междуречье Теджена и Мургаба составляет несколько десятков.

В «Красную книгу» занесены также спасенные от вымирания птицы — розовая чайка, белоголовый орлан, канадская казарка, горная индейка, франколин...

Копии визитных карточек редких животных, которым необходима помощь человека, отправлены в Международный Совет по охране природы.

На снимках: птица-носорог и гепард.

Колючий коллаж

Коллаж — по-французски значит наклеивание. В изобразительном искусстве коллажом называют технический прием, когда на какую-либо основу наклеивают что-нибудь совсем иного цвета и другой фактуры. Например, в начале века художники-кубисты прилепляли к холсту сбои или кусок старой газеты, или даже щепки. Конечно, смысла в таких картинах не было никакого, а художники таким способом протестовали против красивенькой, но лживой живописи, лишенной настоящей правды жизни. И хотя коллаж из щепок — крайность, сам этот прием в искусстве дал много ценного. Наиболее известны политические коллажи.

Коллаж строится на контрасте. Контрасты — повсюду. Вот на первом белом-белом снегу лежит золотой березовый лист. Контраст белой зимы и желтой осени. А это нежный цветок на мраморной плите. Тоже контраст. А это веселье несоответствия: малыш важничает, двухметровый великан ребячится. Наконец, вспомним слово «трагикомедия». Тут и комментарии излишни.

Чем отличается коллаж от веселой или колючей карикатуры? В рисунке, как и положено, все нарисовано. В коллаже многое сфотографировано. В нем невероятное происходит по правде — и оттого оно смешнее. Например, коллаж «Абсолютный чемпион», поддевающий спортсменов уж очень сильно рвущихся в чемпионы. Спортсмен, стоящий на первой ступеньке пьедестала почета, не смиренный, как это бывает в жизни, а продолжает борьбу, разметав своих бывших соперников со второй и третьей ступенек. Все, теперь-то уж он абсолютный чемпион! Спортсмены были когда-то сфотографированы и снимки давно опубликованы в одном журнале. Вырезанные фигурки спортсменов и составили коллаж.

Как делается коллаж? С помощью иллюстраций, ножниц и... фантазии. Приглашаем, дорогие читатели, присылать работы для будущего вернисажа юмористических коллажей «Уральского следопыта».

Коллажи А. Копайского

Богатырский шлем

Уникальным экспонатом — старинным шлемом пополнились фонды Донецкого краеведческого музея.

Изготовлен шлем из красной меди, покрытой тонким слоем серебра. Высокая тулья увенчана конусовидным навершием. Высота шлема 27, диаметр основания 23,5 сантиметра. Поверхность украшена гравированным орнаментом в виде листьев, цветов, вьющихся ветвей.

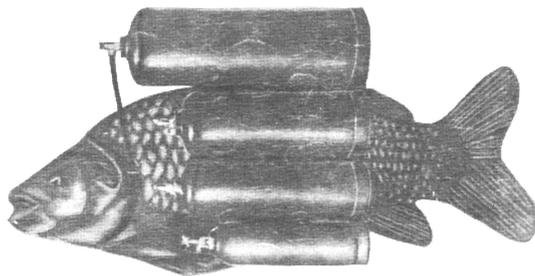
Размеры шлема указывают, что его владелец был богатырем.

Шлемы сферо-конической формы бытовали в средневековье, и в Московской Руси получили название шишаков. Однако хронологическому или этническому определению шлем нелегко поддается — ему можно подыскать лишь приблизительные аналогии в искусстве средних веков. Некоторые элементы растительного узора встречаются на изделиях русских мастеров XVI—XVII веков, поэтому можно предположить, что шлем изготовлен именно в этот период.

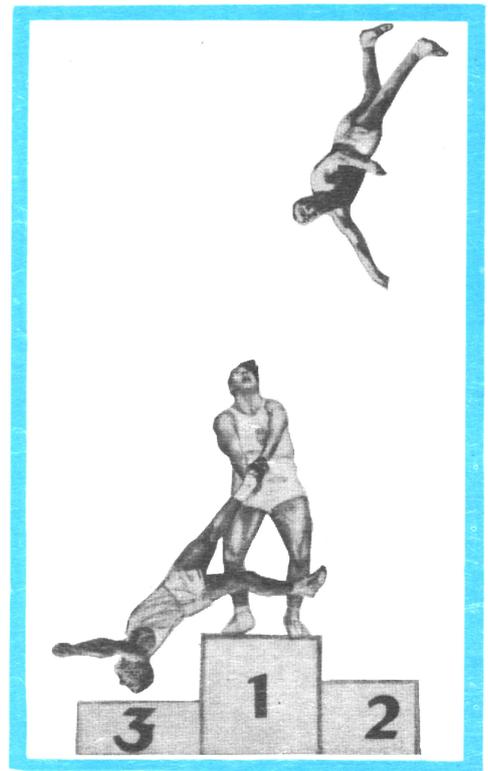

ПЕРЕСТАНОВКА КАДРОВ

КАРАСЬ-ИДЕАЛИСТ

АБСОЛЮТНЫЙ ЧЕМПИОН

ТРУДОМ СЛАВЕН ЧЕЛОВЕК. Линогравюра
В. ИСТОМИН (г. Курган)

ДЕСЯТАЯ ПЯТИЛЕТКА — ПЯТИЛЕТКА ЭФФЕКТИВНОСТИ, КАЧЕСТВА... ВСЕ БОЛЬШЕ И БОЛЬШЕ МАШИН, УСТРОЙСТВ, ПРИБОРОВ ТРЕБУЮТ НЫНЕ ВЫСОКОЙ, НЕВИДАННОЙ РАНЕЕ ТОЧНОСТИ ИХ ИЗГОТОВЛЕНИЯ.

И очерк «Сказ о Левше продолжается», который публикуется в следующем номере «Уральского следопыта», рассказывает о замечательных умельцах, мастерах микроминиатюры, о том, как создаются в наше время сверхточные вещи, которые бы восхитили и лесковского Левшу...